

"Необычная гувернантка"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Карэн Рэнни

Необычная гувернантка

Глава 1

Килбридден-Виллидж,

Шотландия Ноябрь 1832 года

– Я буду стараться, обещаю.

– Дай-ка сюда руки.

Беатрис Синклер вытянула вперед руки и оперлась ладонями о стойку бара, пытаясь скрыть дрожь.

– Что ж, все в порядке, мозоли у тебя есть. Но выглядишь ты так, словно свалишься замертво, стоит тебе поработать пару часиков. Мне нужна здоровая девушка. Такая, чтобы смогла простоять на ногах двенадцать часов кряду.

– Я буду вашей лучшей работницей. И готова трудиться бесплатно всю первую неделю, чтобы это доказать.

– Ты сумеешь чисто вытереть стол в мгновение ока? А станешь любезничать с посетителями? – Девушка кивнула. – Ты сможешь смеяться их шуткам, даже если они тебе не по вкусу?

– Смогу.

– Ты не из тех девушек, что нравятся моим завсегдатаям. Не тот тип. Слишком ты бледная, да и держишься больно высокомерно. – Хозяин таверны нахмурился. – А ты, случаем, не больна?

– О, я очень здоровая.

– Так чего же ты дрожишь?

– Просто мне холодно.

Трактирщик недоверчиво прищурился.

– Кто тебе сказал, что мне в таверне нужна служанка?

– Владелец «Шпаги и дракона».

– А, так ты и там побывала? Готов поспорить, тамошний хозяин ищет девчонку помоложе.

– Он сказал, что ему не нужна еще одна помощница.

– Вот уж неправда. У него дела идут совсем неплохо, почти как у меня. По крайней мере в последние полгода. А раньше мало кто заходил в тот трактир, чтобы выпить и поболтать. – Хозяин таверны принялся вытирать грязной тряпкой стойку. Казалось, он глубоко задумался. – А прежде ты чем-нибудь болела? – с подозрением спросил трактирщик, выдержав долгую паузу.

Девушка снова покачала головой, не решаясь сказать правду. Но тут показалась служанка, и Беатрис тотчас поняла, что не найдет здесь работу. Она никогда не смогла бы надеть юбку, едва прикрывающую колени, и блузку, так откровенно обнажающую грудь. Ей внушали отвращение жеманные улыбки и кокетливые взгляды. Беатрис была готова прислуживать посетителям таверны, но не собиралась торговать собой.

Трактирщик плотоядно ухмыльнулся щербатым ртом.

– Отправляйся-ка ты лучше в Крэннок-Касл. Там для тебя найдется работа.

С тех пор как Беатрис появилась в Килбридден-Виллидж, до нее иногда доходили разные слухи о Крэннок-Касле, но искать там работу девушке не приходило в голову.

– В Крэннок-Касл?

Хозяин кабака решительно вздернул подбородок и осклабился.

– Да, туда, где живет герцог. Попроси его дать тебе работу. Уж герцог что-нибудь найдет для тебя, а я нет.

Беатрис стиснула в руках сумочку и вежливо поблагодарила трактирщика. Еще одна неудача. Она проделала свой путь сюда совершенно напрасно.

Девушка вышла из трактира и остановилась у порога, дрожа от холода в своем тонком платье. Холодный ветер пробирал ее до костей. Неделю назад она обменяла теплый плащ на мешок муки и несколько яиц. Беатрис ту же стянула на груди шаль и посмотрела на высокую гору впереди.

Крэннок-Касл стоял на самой вершине, нависая над деревней. Старинная крепость на горе, вознесенная высоко над долиной и видимая отовсюду, внушала невольный трепет. Казалось, неприступная цитадель стоит на страже прошлого как грозный часовой, готовый и в будущем ревностно охранять покой своих хозяев.

Сквозь толстые каменные стены редко проникало неосторожно брошенное слово о жизни обитателей Крэннок-Касла.

«Вроде бы недавно там случилось несчастье», – вспомнила Беатрис.

Но девушке хватало собственных невзгод, чтобы еще прислушиваться к досужим сплетням.

Крэннок-Касл отличался довольно странной формой – словно из огромного куба вытянули куб поменьше. На самой вершине горы два прямоугольных строения стояли рядом. Меньшее из них совсем обветшало, а более крупное, увенчанное четырьмя башенками, сохранилось лучше. К замку вела единственная дорога, длинная и извилистая. Крутой подъем казался опасным, вдобавок у девушки сильно болели ноги.

Сквозь громкий свист ветра слышался голос, очень похожий на голос отца Беатрис: «Не ходи туда. Незамужняя женщина с незапятнанной репутацией не станет искать работу в таком месте». О Крэннок-Касле действительно ходили дурные слухи, но выбора у Беатрис не было.

Она начала медленно взбираться в гору, моля Бога придать ей сил. Беатрис смотрела под ноги, не осмеливаясь поднять глаза на замок. Вид этой мрачной громады мог только ослабить ее решимость. Девушка всецело сосредоточилась на том, чтобы шаг за шагом карабкаться вверх,

низко сгибаясь под холодными струями дождя.

Ее шаль намочила от воды, но Беатрис лишь ту же стянула ее, придерживая узел на груди. Как долго она бредет по этой дороге? Несколько часов? Вряд ли.

Внезапно послышался шум приближающегося экипажа, и девушка поспешно шагнула на обочину к ограждению, освобождая дорогу. В темноте невозможно было разглядеть пропасть внизу, но воображение услужливо нарисовало Беатрис острые зазубренные пики скал и огромные валуны на дне ущелья.

Во мраке движущийся экипаж казался расплывчатым пятном, темной тенью на фоне отвесной стены. Черную карету тянула четверка лошадей. Беатрис различила в темноте мерцание серебряной упряжи. По обеим сторонам от дверцы кареты висели два фонаря, тоже серебряных, но ни один из них не горел. Должно быть, владелец этого роскошного экипажа искал уединения или желал остаться неузнанным.

Карета заняла всю дорогу, вытеснив девушку к самому обрыву. Беатрис ухватилась за обломок стены и почувствовала, как и без того ветхие ее перчатки расползлись еще больше. Может, это Господь наказывает ее за дерзость, за это сомнительное путешествие, за попытку найти работу в таком ужасном месте, как логово герцога?

Лишь полуразрушенное ограждение отделяло Беатрис от пропасти. Затаив дыхание, девушка проводила глазами карету. Сатанинские кони растворились в темноте, сверкнув серебряной сбруей. Может, это Черный Дональд, сам дьявол? Уж не за ней ли он охотится? Экипаж остановился на повороте дороги. Беатрис вцепилась в сумочку и выставила ее перед собой, словно крошечный ридикюль мог служить ей защитой. Девушка решила подождать, пока карета уедет, но дождь все усиливался, а ей нужно было во что бы то ни стало добраться до Крэннок-Касла еще до ночи.

Когда Беатрис осторожно двинулась дальше, дверца кареты резко распахнулась. Девушка остановилась и замерла, словно кто-то пригвоздил ее к месту. Она замерзла, промокла и едва держалась на ногах от усталости, но чутье подсказывало, что следует соблюдать осторожность.

– Эта дорога очень опасна. – Низкий и звучный голос определенно принадлежал человеческому существу. – Мои лошади запросто могли сбить вас с ног, и вы бы свалились в пропасть.

Кучер, сгорбившийся под своим теплым плащом, так и не повернул головы. Беатрис робко шагнула вперед.

– Ваши лошади держались середины дороги, сэр.

– Они довольно пугливы и боятся высоты, поэтому им позволено занимать середину дороги, если они того пожелают; ведь это весьма ценные лошади.

– А людям приходится искать себе место на обочине, не так ли, сэр?

– Дождь усиливается. Самое меньшее, что я мог бы для вас сделать, так это подвезти в Крэннок-Касл.

Беатрис уже собиралась спросить, не там ли работает таинственный незнакомец, но вовремя прикусила язык. Этот джентльмен разъезжал в роскошном экипаже, запряженном

великолепными лошадьми. Наверняка это сам герцог.

Она здорово сглупила бы, согласившись прокатиться в этой странной карете, но еще глупее было бы отклонить предложение. Небо загрохотало над головой Беатрис, словно посылая ей предупреждение. Дверца кареты распахнулась шире, и девушка взобралась на подножку, переступила через длинные ноги незнакомца и уселась напротив него.

Два маленьких серебряных фонарика освещали внутреннее убранство кареты, отбрасывая яркие блики на голубые подушки и обтянутый шелком потолок.

– Зачем вы идете в замок? – поинтересовался незнакомец, нимало не смущаясь тем, что вмешивается не в свое дело.

Беатрис задумалась, стоит ли отвечать назойливому попутчику, но решила удовлетворить его любопытство. В конце концов, должна же она была расплатиться за путешествие в карете вверх по крутому склону. Девушка смущенно опустила глаза и сцепила руки на коленях.

– Я надеялась найти работу.

– В самом деле? О, в Крэннок-Касле все такие скаредные. Вам это известно?

Беатрис покачала головой.

Ее спаситель обладал довольно примечательной наружностью. На такого мужчину она где угодно обратила бы внимание. Его лицо казалось безупречным творением великого скульптора. Нос, подбородок и лоб незнакомца напомнили девушке статую архангела, которую ей однажды довелось увидеть. Каштановые волосы отливали золотом, а пронзительный; взгляд темно-карих, почти черных, глаз буквально завораживал. На какое-то мгновение Беатрис даже показалось, что попутчик способен пронзить ее своим взглядом и пригвоздить к подушкам кареты.

Уголок рта незнакомца иронически приподнялся, выражая то ли удовлетворение, то ли насмешку. Неожиданно на щеке таинственного путешественника появилась ямочка, и Беатрис принялась внимательно ее разглядывать.

«Человек с ямочками на щеках не может быть дьяволом», – сказала она себе, впрочем, без особой уверенности.

– Вы достаточно увидели? – невозмутимо спросил он.

– Я изучала вашу наружность, сэр. Но внешность еще ничего не значит.

– Не сомневаюсь, это нравоучение высказывала вам уродливая женщина. Только уродины считают, что внешность ничего не значит.

– Вы когда-нибудь слышали историю о муравье и куколке?

Незнакомец удивленно вскинул брови и внимательно взгляделся в лицо Беатрис, словно пытаясь определить, в своем ли она уме.

Не дожидаясь ответа, девушка заговорила:

– Жили-были когда-то муравей и куколка. Куколка уже готовилась к превращению, и из кокона торчал длинный хвост. Он-то и привлек внимание муравья. Муравей увидел, что странное

хвостатое создание – живое существо, подошел к нему и обратился к кокону: «Жаль, что тебя постигла такая судьба. Я, как видишь, муравей. Могу ходить, бегать и играть, если мне захочется. А тебе, бедняжке, приходится томиться в этом уродливом коконе. Как я тебе сочувствую». Куколка не потрудилась ответить. Она была полностью поглощена грядущим превращением. Ничто другое ее не интересовало. Несколько дней спустя муравей взбирался на небольшой холмик и вдруг упал, но тут же поднялся и снова заторопился наверх, посмеиваясь над собственной глупостью. Тут в спину ему подул легкий ветерок. Муравей обернулся и увидел огромную фиолетово-синюю бабочку, порхающую в воздухе. «Дорогой муравей, – сказала бабочка. – Не стоит меня жалеть. Я умею летать, тогда как ты способен только ползать». Мораль этой истории в том, что внешность обманчива.

– Так вы решили, что я бабочка?

– Нет. Я подумала, что вы Черный Дональд.

– Кто, простите?

– Сатана может принимать довольно соблазнительный облик, но он требует вечного рабского повиновения.

Незнакомец громко и раскатисто рассмеялся. Беатрис не улыбнулась в ответ, и ее спутник тоже принял серьезный вид, хотя уголок его рта насмешливо подрагивал.

– Так, значит, вас защищает ваша добродетель? – осведомился он. – Поэтому вы и не кажетесь испуганной? Будь я Черным Дональдом, я бы подумал, что вы должны дрожать от страха.

– Вы часто это проделываете? Сначала настаиваете на том, чтобы показать пример доброты, а потом насмехаетесь над теми, кто оказался настолько глуп, что принял ваше притворство за чистую монету?

– А вы часто позволяете себе высечь хозяев, оказавших вам гостеприимство?

– Остановите карету и позвольте мне выйти. Я больше не доставлю вам хлопот.

– Не глупите! Уже стемнело. Одинокой женщине небезопасно бродить в темноте по горам. А кроме того, мы уже приехали.

В следующий миг карета замедлила ход и остановилась. Беатрис отогнула пальцем уголок кожаной шторки и взглянула в темноту. Внезапно снаружи к окну прильнуло чье-то лицо. Беатрис увидела плотоядную ухмылку и в ужасе отшатнулась, отпустив шторку.

– Вас что-то испугало?

– Нет, – покачала головой Беатрис, не вполне уверенная, что страшное лицо за окном в действительности существовало, а не привиделось ей.

Ее спутник протянул руку и открыл дверцу кареты. Беатрис неуверенно замерла. Она не решалась покинуть экипаж, опасаясь столкнуться лицом к лицу с чудовищем. Владелец кареты заметил нерешительность и страх в глазах девушки, но не понял, чего она испугалась.

– Я давным-давно оставил привычку глотать кости хороших девственниц, так что со мной вы в полной безопасности.

Беатрис сильно сомневалась, что хоть одна девственница была бы в безопасности в его обществе, но предпочла благоразумно промолчать.

Она робко ступила одной ногой на подножку кареты. Ночной ветер обдал холодом ее лодыжку, напоминая, что время летит слишком быстро. Уже стемнело. Беатрис еще предстояло встретиться с герцогом, потом ее ждал долгий и утомительный спуск с горы. Вряд ли у нее хватит сил идти еще пять миль до дома. Придется заночевать на обочине дороги под дождем. И словно в ответ на мысли Беатрис над ее головой раздался оглушительный раскат грома.

Девушка вышла из кареты. Налетевший пронзительный ветер рванул ее платье и взметнул вверх, открывая нижнюю юбку. Придерживая одной рукой шаль у подбородка, Беатрис разгладила юбку и сделала несколько шагов.

Странное создание вынырнуло из темноты. Это был довольно высокий и крепкий мужчина. Униформа плохо сидела на нем. Длинные руки торчали из рукавов, открывавших широкие запястья. Лицо казалось бесформенным, словно когда-то бедняге переломали все кости, которые так и не смогли правильно срастись. Но глаза на этом странном лице светились живостью и добротой.

– *Bienvenu a Chateau Crannoch*, – приветствовал он девушку. Французский его был безупречен, хоть и звучал слегка приглушенно. Пораженная Беатрис смущенно кивнула в ответ, а странный человек повторил приветствие по-английски, отвесив девушке низкий поклон с высоты своего внушительного роста. – Добро пожаловать в Крэннок-Касл.

– *Merci*, – пробормотала Беатрис. – *L'est mon plaisir*. [1]

Надежда попасть в замок оказалась сомнительной. Великан, похоже, и не собирался открывать высокие сводчатые двери из темного дуба. Беатрис с опаской оглядела обитые железом створки, прикидывая, сможет ли справиться с ними сама.

– Чем я могу помочь вам, мадемуазель?

«Неужели, чтобы пробиться к герцогу, нужно пройти через этого ужасного великана?»

В животе у Беатрис громко заурчало, словно ее желудок вздумал соперничать с громом небесным.

– Я пришла, чтобы поговорить с герцогом насчет работы.

Великан бросил на нее странный взгляд, но ничего не сказал, внезапно переключив внимание на того, кто возник у нее за спиной. Беатрис не было нужды оборачиваться. Она и без того поняла, что красивый незнакомец вышел из кареты.

Когда он приблизился и встал рядом, у нее мучительно свело желудок. Беатрис расправила плечи, поборов в себе искушение обернуться и попросить незнакомца отодвинуться. Наверняка он только и ждал, когда она выкинет какую-нибудь глупость, а может, и нарочно провоцировал ее.

– Герцог никого не принимает, мадемуазель.

– Все в порядке, Тастон. Я провожу леди.

– Вы уверены, мистер Девлен? Впрочем, как изводите.

Беатрис обернулась и посмотрела в лицо незнакомцу, почти такому же высокому, как великан Гастон. Он улыбнулся в ответ.

– Девлен?

Его имя и на самом деле звучало как «дьявол». Значит, ее действительно доставил сюда сам Черный Дональд.

По спине Беатрис поползли мурашки. Навстречу девушке, широко распахнув руки, бросилась маленькая фигурка с черным провалом вместо лица. Беатрис в ужасе прижалась спиной к стене рядом с Девленом и взмолилась про себя, чтобы жуткий призрак поскорее сгинул. Но вместо этого привидение остановилось в двух шагах от нее.

вернуться

1

Спасибо. Очень приятно (фр.).

– Кто ты? – спросил карлик, откидывая с лица капюшон.

Беатрис ожидала услышать голос самого сатаны – громоподобный предупреждающий рык, что здесь не место женщине из приличной семьи. Но голос закутанной в плащ фигуры принадлежал маленькому мальчику.

И Беатрис растерялась.

Маленькая фигурка скрывалась в густой тени. Тусклого света, исходящего от единственного фонаря, явно не хватало, чтобы как следует рассмотреть узкое и вытянутое лицо ребенка. Его нос казался несуразно длинным, а подбородок заметно выдавался вперед. Кожа туго обтягивала высокие скулы, придавая мальчику болезненный вид, словно он недавно сильно потерял в весе или был слаб здоровьем.

Этого ребенка никак нельзя было назвать привлекательным. Насупленные брови лишь усиливали это неприятное впечатление.

– Кто ты? – повторил он. Его рот сурово сжался, а глаза превратились в узкие щелки. Девушка промолчала, и странный ребенок бросил требовательный взгляд на Девлена. – Кузен?

Девлен повернулся к Беатрис и отвесил ей легкий поклон.

– Мисс Синклер, позвольте мне представить вам Роберта Гордона, двенадцатого герцога Брикина.

Беатрис встретила глазами с мальчиком, и все ее и без того призрачные надежды на будущее развеялись как дым.

– Ваша светлость, – пробормотала она. Ребенок ответил легким кивком на ее реверанс.

Неужели она собиралась просить работу у этого мальчишки? Девушка бросила гневный взгляд на Девлена, желая больше всего на свете согнать пощечиной легкую усмешку с его лица. «Он знал. Знал с самого начала».

- Почему вы не сказали мне?

- Вы же настойчиво искали встречи с герцогом, я и устроил вам эту встречу, - пожал плечами Девлен.

Беатрис оставалось лишь гордо вскинуть голову и уйти прочь из Крэннок-Касла.

- Зачем ты хотела меня видеть?

Беатрис не привыкла подчиняться приказам детей, даже если это дети аристократов. Но юный герцог и его кузен, похоже, не собирались выпускать ее из этого зловещего коридора, пока не получат ответа.

- Мне нужна работа. Владелец трактира «Заяц и гончая» сказал, что, возможно, я смогу найти место у вас.

- В каком качестве? - поинтересовался Девлен.

- Вам дали имя в честь дьявола? - вскипела Беатрис, не в силах больше сдерживать гнев.

- В честь первого герцога. А вот его вполне могли назвать в честь самого дьявола. Насколько мне известно, он обесчестил немало невинных девиц.

Лицо Беатрис запылало. Неужели у этого человека нет никакого представления о приличиях?

Она отделилась от стены, крепко сжимая в руках сумочку. От голода у нее кружилась голова, а темнота лишь усиливала дурноту. Беатрис вытянула руку и ухватила за край выступающего из стены кирпича, надеясь, что сумеет найти обратную дорогу и не станет посмешищем для герцога и его жестокого кузена.

«Пожалуйста, Господи, помоги мне это выдержать».

Стойкость - одно из самых главных достоинств в этом мире - и терпение. Пожалуй, иных добродетелей у нее не осталось. Последние несколько недель полностью иссушили Беатрис.

- Позвольте мне пройти, - произнесла она, цепляясь за стену.

Нужно было уйти, выбраться отсюда. Здесь больше нечего делать.

- Я тебя нанимаю, - заявил щедушный герцог Брикин. - Нам вечно не хватает судомоек на кухне.

Едва ли Беатрис справилась бы с работой судомойки. Сказать по правде, она уже сомневалась, что сумеет дойти до конца коридора без посторонней помощи. Стены внезапно изогнулись у нее над головой и сомкнулись в арку, а пол под ногами зашатался.

Нетвердой походкой она прошла мимо герцога и Девлена, который и пальцем не шевельнул, чтобы ее остановить, и медленно двинулась вдоль коридора навстречу тусклому огоньку светильника.

- Я не давал тебе разрешения уйти!

- Я не нуждаюсь в нем, ваша светлость.

- Ты в Крэннок-Касле, а я герцог Брикин.
- Скорее уж герцог Грубиян, – прошептала Беатрис, но мальчишка ее услышал.
- Я пошлю за тобой стражу. Или Девлена. Девлен, приведите ее ко мне. Задержите ее!
- Кузен, вы оскорбили мисс Синклер. – Голос Девлена звучал на удивление бесстрастно. – Сомневаюсь, что этой юной леди подошла бы роль посудомойки.
- Так где же мне ее устроить, если не на кухне?
- Там, где ее образованность могла бы принести пользу.
- А почему вы решили, что она образованна?

Беатрис замедлила шаг, прислушиваясь к разговору. В глубине души она не хотела покидать Крэннок-Касл! За стенами замка ей не на что было надеяться.

В желудке у нее больше не урчало от голода. Осталась лишь режущая боль да время от времени острые приступы тошноты. Вот и сейчас пустой желудок, будто желая отомстить за пренебрежение, заставил девушку согнуться от боли и припасть к почерневшей от времени кирпичной стене. Цепляясь за стену, Беатрис принялась медленно взбираться по лестнице.

Мальчик с Девленом все еще говорили о ней. До девушки доносились обрывки их разговора, но сейчас она могла думать только о том, как бы не упасть. Головокружение усиливалось, и Беатрис пришлось призвать на помощь всю свою волю, чтобы устоять на ногах.

«Нет, я не упаду в обморок. Только не здесь, не на глазах у этих людей».

- Вы хорошо себя чувствуете, мисс Синклер?
- Да, спасибо.

Но Беатрис сказала неправду. Стены вокруг нее шатались, пол вставал на дыбы. Коридор заволочло мутной пеленой.

Внезапно рядом оказался Девлен и положил ей руку на плечо. Беатрис резко рванулась в сторону и потеряла равновесие.

Каменный пол закачался где-то далеко внизу и начал стремительно приближаться. Беатрис вытянула вперед руки, пытаясь предотвратить падение. Сквозь нарастающий гул до нее донесся чей-то взволнованный голос. Мужской голос позвал на помощь.

«Как странно. Очень странно...»

И прежде чем погрузиться в беспамятство, Беатрис успела ощутить блаженное чувство покоя.

Девлен Гордон растерялся, глядя на неподвижную фигуру молодой женщины, лежавшую у его ног. Подумать только, ведь он сам привел ее в Крэннок-Касл.

- Проклятие!

Он вздохнул, наклонился над девушкой и неумело попытался привести ее в чувство. Это оказалось намного труднее, чем он ожидал. Сначала Гордон слегка похлопал ее по щекам

кончиками пальцев, но девушка по-прежнему оставалась недвижимой. Приглядевшись, Девлен заметил, что она дышит, и испытал заметное облегчение. Меньше всего ему нужны были лишние сложности.

- Сделайте же что-нибудь, Девлен!

- Прекратите командовать мной, кузен. Сдается мне, давно пора, чтобы кто-то поучил вас хорошим манерам.

Роберт оставил это замечание без ответа, поступив довольно мудро, поскольку взбешенный Девлен был готов перекинуть своего юного кузена через колено и как следует отшлепать.

Девлен нагнулся и поднял мисс Синклер на руки, отметив про себя, что она оказалась намного легче, чем он ожидал. Эта девушка не переставала его удивлять с того самого мгновения, как ступила на подножку его кареты. Малышка держалась напыщенно, едва не лопааясь от показной стыдливости и жеманства. Но ее губы, казалось, просто созданы для поцелуев. Девлен никогда еще не видел таких черных волос. В карете он едва удержался, чтобы не приказать девушке сидеть смирно, ведь ему так хотелось разглядеть цвет ее глаз, голубых, словно осколки небесной лазури! И откуда взялась эта крошечная родинка на виске у самого глаза? Она слишком похожа на мушку, которыми пользуются парижские кокетки.

Несмотря на ветхое поношенное платье, или как раз благодаря ему, Девлен мог рассмотреть грациозные изгибы тела: скрытую за тугим корсажем полную грудь, узкую талию, длинные ноги великолепной формы.

Пожалуй, ей бы следовало носить более плотную нижнюю юбку, если она желает скрыть свою фигуру от посторонних глаз.

А если она вовсе и не собиралась ничего скрывать? Вдруг рассказанная ею история насчет поисков работы – хитрая уловка, рассчитанная на то, чтобы пройти перед его отцом, влияя соблазнительными стройными бедрами?

И все же ей бы следовало весить больше. Ведь мисс Синклер не назовешь коротышкой. Ее макушка доставала Девлену до плеча, а он отличался довольно высоким ростом.

Девлен сгорал от любопытства. Эта особенность его характера грозила обернуться серьезным недостатком, едва ли не пороком, тем более что Девлен вовсе не собирался от нее избавляться.

Может, девушка больна? Нет ли у нее лихорадки? Неужели он, сам того не ведая, принес болезнь в Крэннок?

Направляясь из старого крыла замка в новое, Девлен поймал себя на мысли, что молодая женщина у него на руках – существо в высшей степени загадочное. Ее появление в замке вызывает массу вопросов. Хорошо, если удастся получить ответ хотя бы на часть из них.

- Девлен!

Он не обернулся и не ответил Роберту.

Старое крыло состояло из множества длинных коридоров, лишь кое-где освещенных тусклым пламенем свечей. При виде этих мрачных переходов, погруженных во тьму, никто не обвинил бы отца Девлена, распорядившегося на правах опекуна наследством Роберта, в расточительстве и стремлении к роскоши.

В этой части замка не было лестниц. Девлен шагал по наклонному коридору, плавно уходящему вверх, и стены постепенно раздвигались, открывая все большее пространство.

Обычно посетители Крэннока пользовались северным входом, обращенным к морю и окруженным волнистой грядой холмов. Но Девлен воспользовался подъездом, предназначенным для членов семьи, и теперь ему пришлось за это расплачиваться. Он шел по извилистым коридорам, неся на руках девушку, словно чудовище, похитившее красавицу, чтобы уволочь ее в свое логово.

Глава 3

Беатрис проснулась и с удивлением обнаружила, что лежит в чужой постели. Ее пальцы осторожно скользнули по покрывалу, укрывавшему ее до самой шеи. Шелк. Нежный и гладкий, цвета слоновой кости. Как и пышный полог у нее над головой. Деревянные столбики кровати покрывала изящная резьба в виде переплетающихся листьев и гроздьев винограда. Матрас, набитый перьями, казался необыкновенно мягким, а подушки нежно благоухали цветами лаванды. Никогда прежде Беатрис не приходилось спать в такой роскошной постели.

«Господи, неужели я раздета?»

Похоже, не совсем раздета. Беатрис испуганно ощупала себя руками, пытаясь определить, что на ней надето. Уж явно не ее старенькая рубашка. Корсаж изящной ночной сорочки украшала богатая вышивка, а манжеты были оторочены кружевом.

Беатрис разгладила руками чудесные тонкие простыни и закрыла глаза, пытаясь восстановить в памяти события, благодаря которым она оказалась в чужой постели в незнакомом доме.

Последнее, что ей удалось вспомнить, – это долгий путь по извилистой дороге к Крэннок-Каслу. Она вдруг припомнила, что встретила там экипаж – черную карету с жутковатым пассажиром.

«Девлен! Так, значит, это он меня раздел? Должно быть, это его комната?»

Глаза Беатрис широко распахнулись, испуганный взгляд скользнул по стенам. Она разглядела украшенное фронтоном высокое бюро с множеством ящиков, умывальник, гардероб, ночной столик и мужчину, сидевшего в кресле.

«Мужчина?»

Глаза Беатрис округлились от ужаса.

Неизвестный посетитель оказался довольно красивым. Девушке сразу бросилось в глаза его сходство с Девленом. Впрочем, несмотря на зловещее имя, Девлен обладал внешностью ангела, а лицо незнакомца было отмечено печатью страдания. По обеим сторонам его тонких губ залегли глубокие горькие складки наподобие скобок. От карих глаз лучами расходились морщины, но Беатрис засомневалась, что незнакомец часто смеется. Его темные с проседью волосы, перехваченные синей лентой в тон сюртуку, падали на спину.

Строгое темно-синее одеяние посетителя оживлял нарядный жилет, расшитый цветами чертополоха и вереска. Он буквально сверкал изумрудно-зеленым, бледно-лиловым и небесно-голубым шелком.

Незнакомец слегка улыбнулся, а в глазах его читалась неприкрытая насмешка. Вглядевшись в

его лицо, Беатрис огорчилась, что никак не может вспомнить событий минувшей ночи.

– Кто вы?

– Ваш радушный хозяин, мисс Синклер.

Беатрис попыталась сесть, но сразу же упала обратно на подушки, и комната поплыла у нее перед глазами. Девушка подтянула покрывало к подбородку и осторожно приподнялась на локте. Убедившись, что она надежно прикрыта покрывалом и выглядит весьма пристойно, Беатрис снова заговорила:

– Пожалуй, мне было бы не так неловко, если бы я знала ваше имя, сэр. Вы не герцог Брикин. С ним я уже знакома.

– Судя по вашему тону, герцог произвел на вас не слишком приятное впечатление.

Беатрис поняла, что по-прежнему находится в Крэннок-Касле. Едва ли стоило критически отзываться о герцоге Брикине, находясь в его доме и пользуясь его гостеприимством, пускай даже и случайным. Это было бы невежливо.

– К сожалению, моему племяннику предстоит еще многому научиться, – добавил незнакомец в ответ на ее молчание. – Ему не мешало бы усвоить урок, как следует принимать гостей. Я приношу вам извинения за его поведение.

– Племяннику?

Мужчина придвинулся ближе. Его перемещение выглядело так странно, что в первое мгновение Беатрис даже не поняла, что ее посетитель сидит в движущемся кресле. Две пары колес – крупные впереди и маленькие сзади – позволяли ему скользить по полу, не вставая с кресла.

– Вам придется простить меня за то, что я не встаю, мисс Синклер. Несчастный случай с экипажем обрек меня на неподвижность.

– Мне очень жаль, сэр.

– Сожаление – довольно банальное чувство. Я искал встречи с вами совсем не ради него, мисс Синклер. – Он коснулся рукой края кровати и медленно наклонил туловище вперед все с той же дразнящей усмешкой на губах. – Позвольте представиться: Камерон Гордон, опекун герцога Брикина.

– И отец Девлена, – добавила Беатрис, вспомнив обрывки вчерашнего разговора.

– Вы давно знакомы с моим сыном?

Беатрис почувствовала, как краска стыда заливает ей лицо. Собеседник явно был доволен.

«Какая же нелепость с моей стороны – назвать вчерашнего попутчика по имени!»

– Мы только вчера познакомились. Господи, ведь это было вчера, правда?

Камерон Гордон кивнул.

– Как я здесь оказалась?

– Как я понял со слов Гастона, вы потеряли сознание. Существует несколько причин, почему женщины падают в обморок, мисс Синклер. Вы испытываете недомогание? Может быть, вы ждете ребенка?

Беатрис не стала отвечать на это оскорбление, потому что в этот самый миг до нее донесся слабый аромат готовящейся пищи. В первое мгновение у нее закружилась голова, а потом нестерпимый, отчаянный голод вытеснил все ее мысли.

– Когда вы в последний раз ели?

– Два дня назад, – рассеянно ответила девушка, пытаясь отгадать, откуда исходит божественный запах.

Легкий стук в дверь известил о приходе служанки. Она вошла, сгибаясь под тяжестью нагруженного подноса.

Беатрис села на постели, не заботясь о том, что покрывало соскользнуло с плеч и она предстала перед отцом Девлена в одной рубашке. Ее сотрясала дрожь. Сейчас для нее существовал лишь поднос, заставленный блюдами с едой, Она готова была заплакать.

Служанка поставила поднос на постель прямо поверх шелкового покрывала. Беатрис осторожно коснулась края кружевной салфетки, покрывавшей поднос, и робко пощупала ее.

«Нет, это не мираж. Салфетка явно настоящая. Так, значит... и хлеб настоящий?»

– Возможно, вы хотите чего-то еще, мисс?

– Это похоже на завтрак Георга Четвертого.

Камерон удивленно вскинул брови.

– Что вы можете знать о привычках покойного английского короля?

Беатрис с трудом оторвала взгляд от подноса и ответила Камерону:

– Мой отец поддерживал обширную переписку со многими лицами в Англии. Говорят, королю Георгу подавали на завтрак двух жареных голубей и три бифштекса. А запивал он все это большим количеством спиртного, самого разнообразного. Знаете, Георг Четвертый вполне мог бы претендовать на звание самого толстого короля Англии.

– И самого большого выпивоху среди английских монархов.

Это неожиданное замечание удивило Беатрис, но больше всего ее поразила улыбка, преобразившая лицо Камерона. Сверкнувшие в его глазах веселые искры смягчили строгие черты, а живая улыбка сделала его лицо по-настоящему красивым. Беатрис перевела взгляд на поднос с едой. Она так долго голодала, но не могла съесть слишком много за один присест. И что же выбрать? Перед ней были овсянка со сливками, нарезанный тонкими ломтиками бекон и почти целая буханка поджаренного хлеба, теплого, покрытого коричневатой хрустящей корочкой. Рядом на подносе помещались горшочек с маслом и кувшин с шоколадом. Беатрис занесла руку над подносом, а затем так и замерла, пожирая глазами блюда с едой и не зная, за что приняться. Пальцы ее дрожали.

– Так вы говорите, что в последний раз ели два дня назад, мисс Синклер? Похоже, и раньше вы

ели не слишком часто.

Беатрис кивнула, зажав в руке толстый ломоть хлеба. Ее сотрясала дрожь. Больше всего ей сейчас хотелось, чтобы Камерон ушел, оставив ее одну священнодействовать с подносом. Этот чудесный хлеб, источавший волшебный аромат, вызывал у нее едва ли не религиозное благоговение.

Закрыв глаза, Беатрис буквально вгрызлась в него и принялась медленно жевать. Как она и боялась, желудок свело мучительным спазмом. Два дня голода не прошли бесследно и отозвались приступом боли. Девушка проглотила кусок и низко наклонила голову, устыдившись, что даже не подумала произнести благодарственную молитву. Наверное, Господь поймет ее нетерпение и простит.

Наскоро прочитав молитву, Беатрис откусила еще кусочек и, продолжая жевать намазала темно-красный джем на оставшийся ломоть. Если она возьмет еще кусочек хлеба и несколько ломтиков бекона, ничего страшного не случится. И одной чашки шоколада будет вполне достаточно.

Поглощенная размышлениями о еде, Беатрис совершенно забыла о своем посетителе. Камерон довольно долго и с явным удовольствием наблюдал, как его гостя ест. Он сидел без движения и хранил молчание, не мешая девушке завтракать.

Никогда еще еда не казалась Беатрис столь вкусной, и никогда в жизни она не испытывала такой глубокой благодарности.

– Мой сын сказал, что вы пришли в Крэннок-Касл искать работу.

Беатрис робко подняла глаза.

– Да.

– А какого рода работу, позвольте спросить?

– Любую. Я готова прилежно трудиться. Если мне не хватит умения, я научусь. Я очень старательная и исполнительная.

Камерон поднял руку, желая остановить поток красноречия Беатрис, взявшейся перечислять свои достоинства.

– Вы ведь, кажется, уже знакомы с моим племянником?

– Да.

– Судя по вашему выражению лица, могу предположить, что вы нашли его грубым и неотесанным.

Беатрис предпочла промолчать.

– Он на редкость несносный ребенок, но после смерти его родителей мой долг – дать ему достойное воспитание. – Камерон с грустью посмотрел на свои неподвижные ноги, прикрытые пледом. – Как видите, несчастный случай навсегда изменил не только мою жизнь.

– Мне думается, ему нужен наставник, – мягко заметила Беатрис.

Она лишь тактично указала на очевидное. Возможно, если бы наставник вооружился кнутом, это принесло бы еще большую пользу герцогу Брикину.

– Я уже нанимал трех учителей, но ни один из них не продержался больше месяца. Несносный ребенок бесконечно досаждал им, изводил как только мог. Одному он подкладывал лягушек в постель, на другого вечно ябедничал и возводил напраслину, а третьего пугал луком со стрелами. Это оружие, полагаю, он получил в подарок от моего сына. Не понимаю, то ли мир так изменился, то ли мне так не повезло, но все трое нанятых мной молодых людей оказались слишком пугливыми и изнеженными.

Беатрис выжидающе смотрела на хозяина замка, пытаясь угадать, к чему он ей все это рассказывает.

– Мне нужен человек, который смог бы привить этому невыносимому ребенку хоть какое-то понятие о дисциплине. Гувернантка, если хотите. А вам, мисс Синклер, как я понимаю, нужны средства к существованию.

– А почему вы решили, что я смогу выполнить работу, с которой не справились трое наставников?

Камерон оставил вопрос Беатрис без внимания.

– Со своей стороны я предлагаю весьма приличное жалованье, которое вам будут выплачивать вперед четыре раза в год. К этому добавьте щедрые средства на новые книги и прочие надобности нашего юного герцога. И столько еды, сколько вы пожелаете. Но должен вас предупредить: в Крэннок-Касле великое множество лестниц. Если вы вдруг растолстеете и начнете ходить вперевалку, словно утка, вам будет трудно преодолеть их.

Он пошутил? Должно быть, так, потому что Камерон Гордон улыбался. И все же мысль о том, чтобы сделаться гувернанткой герцога Брикина, показалась Беатрис нелепой, если не безумной. Она снова посмотрела на поднос с едой. Хотя, пожалуй, еще большим безумием было бы вернуться в пустой дом, где нет ни денег, ни еды, ни надежд на будущее.

Беатрис откинулась на подушки.

– Вы ведь даже не проверили мои знания, сэр.

– Ваша речь показывает, что вы получили образование, мисс Синклер. У вас прекрасные манеры. Даже умирая от голода, вы держитесь как истинная леди. А рассуждая о короле, вы упомянули о переписке вашего отца. Должно быть, вы не так давно потеряли состояние и положение в обществе?

Беатрис кивнула и закусила губу, с трудом подавив искушение поведать Камерону о событиях последних трех месяцев. Далеко не всегда становится легче, если делишься с кем-то своим горем.

– И еще вы говорите по-французски, – добавил Камерон. Беатрис удивленно взглянула на него. – Гастон рассказал мне об этом. Роберт имеет обыкновение время от времени переходить на французский и разговаривать исключительно на нем. Видимо, хочет напомнить мне, что его мать была француженкой. Но ни я, ни моя жена не знаем французского. Гастон владеет этим языком, но не всегда бывает удобно, что слуга присутствует во время обеда с единственной целью – служить переводчиком между мной и моим племянником.

- А разве ваш сын не говорит по-французски?

- Мой сын здесь не живет.

Почему Беатрис ощутила укол разочарования? Она находилась в обществе Девлена Гордона меньше часа и не успела даже толком разглядеть его.

- Итак, мисс Синклер, что скажете?

Беатрис посмотрела на поднос с едой, сжала в руке откушенный ломоть хлеба и подумала о долгом спуске с горы, о скользкой извилистой дороге, о холодном ветре и тех пяти милях, которые ей еще предстояло пройти от деревни до дома.

- У меня нет с собой никаких вещей.

- Гастон доставит вас в любое место, куда вы только захотите.

Она с наслаждением положила в рот последний кусочек хлеба.

- Да, сэр. Я согласна.

«Гувернантка для отчаянного сорванца. Пусть так, и все же эта жизнь намного лучше той, которую я вела в последние месяцы», - сказала про себя Беатрис, когда улыбающийся Камерон Гордон направил свое кресло к дверям.

Глава 4

Малая столовая выходила окнами на восток, откуда открывался чудесный вид на море. Солнце уже взошло, и морская гладь сверкала золотом. Отец сидел во главе стола, как обычно, и смотрел в окно с таким видом, словно безраздельно господствовал на этой земле и повелевал всеми ее обитателями. Впрочем, будучи опекуном Роберта, именно это он и делал.

Бывая в Крэнноке, Девлен всякий раз с удивлением думал о том, что многие поколения его предков жаждали обладать этим мрачным и угрюмым местом. Огромные пространства дикой, пустынной земли в окрестностях замка напоминали о тех временах, когда прародители Девлена красили лица в синий цвет и шли воевать против римлян. Как ни странно, Гордоны всегда враждовали между собой из-за Крэннока и вождельных акров безлюдной земли, окружавшей замок. Лишь в последнее столетие их люта вражда приняла цивилизованную форму. Гордоны примирились и сомкнули ряды, направив свой воинственный пыл на внешних врагов. И все же не так давно распря вспыхнула вновь, расколов младшее поколение семьи и заставив брата встать против брата.

Застывшему в оцепенении Крэннок-Каслу Девлен предпочитал оживленность Эдинбурга, Парижа или Лондона. Во всех грех городах у него имелись дома. Там он успешно вел свои дела и при желании находил себе развлечения, совсем непохожие на поездки в Крэннок.

До смерти дяди Девлен крайне редко бывал в Крэнноке. Ребенком он посетил замок лишь однажды, в возрасте десяти лет, перед тем как покинуть шотландский берег и отправиться учиться в Европу. Тогда дядя еще не вступил в брак. К явному удовольствию отца Девлена, он слыл убежденным холостяком. Камерон Гордон никак не мог предугадать, что десять лет спустя его брат удивит все семейство, женившись на юной французской графине, бесконечно влюбленной в своего уже немолодого супруга.

«Среди Гордонов всегда находились любители приключений, – вспомнил Девлен слова дяди, сказанные в тот памятный день, почти двадцать лет назад. – Как ты собираешься распорядиться своей жизнью, Девлен?»

«Я стану богатым человеком. У меня будут свои корабли, дома и торговые лавки. Я смогу купить все, что пожелаю, и никогда больше не пойду в школу, если не захочу».

«Надеюсь, так и будет, мальчик мой, – рассмеялся тогда дядя. – Клану Гордонов нужны богатые люди».

Девлену удалось обрести и богатство, и власть, хотя прежде ему все-таки пришлось поучиться в школе.

– Так вы сделали предложение мисс Синклер? – обратился Девлен к отцу. – Интересно, согласилась ли она?

– Да, я поговорил с ней. Рад признаться тебе, что она приняла наше маленькое предложение.

– Не стоит включать меня в ваши хитроумные планы, отец. Чем меньше мне известно о ваших интригах, тем я счастливее.

Девлен повернулся к сервировочному столику и выбрал себе завтрак, затем подошел к обеденному столу и сел напротив отца.

Гордоны не отличались особой плодовитостью. Девлен рос единственным ребенком в семье, у его отца был всего один брат. Тот, в свою очередь, произвел на свет лишь одного отпрыска. Будь семейство более многочисленным, Гордоны не испытывали бы друг к другу такой лютой злобы.

– Мисс Синклер знает о покушениях на жизнь Роберта? – Девлен впился глазами в лицо отца.

Камерон поморщился и презрительно махнул рукой.

– Выдумки истеричного ребенка. Ты ведь знаешь, у Роберта слишком живое воображение. К тому же его преследуют ночные кошмары.

– Меня бы тоже мучили кошмары, если бы я думал, что мой дядя собирается меня убить.

Если раньше отец и сын делали вид, что поглощены едой, то теперь всякое притворство было забыто. Мужчины пристально разглядывали друг друга, словно каждый оценивал силы противника. Их внешнее сходство бросалось в глаза, но за одинаковой внешностью скрывались совершенно различные характеры. Если Девлен не дал бы и ломаного гроша за то, чтобы стать герцогом, то его отец страстно жаждал заполучить этот титул. И все же способен ли отец в погоне за титулом причинить зло Роберту? Такая вероятность существовала. Девлен не мог сбросить ее со счетов, поэтому и прибыл сюда, хотя куда охотнее предпочел бы присутствовать при спуске на воду своего нового судна. Пожалуй, он даже согласился бы сопровождать Фелисию в Париж, лишь бы не оставаться с человеком, которого привык называть отцом. Даже теперь он считал его чужим.

– Как ты можешь думать обо мне такое, сын мой?

– Вы обращаетесь ко мне так, когда хотите обезоружить меня или привести в замешательство других, отец.

В довольной улыбке Камерона мелькнула издевка.

– Что ж, о тебе я могу сказать то же самое. Я часто думал, что мы могли бы отбросить условности и просто звать друг друга по имени.

– Хотите услышать, как я стал бы называть вас?

Камерон рассмеялся.

– Разве я похож на дурака? Уверю тебя, сын мой, – насмешливо возразил он, намеренно выделяя слово «сын», – если бы я захотел причинить зло мальчишке, его бы уже не было в живых. И некому было бы пожаловаться.

– Ни одного свидетеля? Лишь испуганный маленький мальчик, который настойчиво шлет мне записки?

– И как ему это только удастся? Вот почему ты явился сюда так скоро после предыдущего визита?

– Какое это имеет значение? Я здесь. Как вы объясните самый последний несчастный случай с Робертом, отец?

– Что за тон, Девлен? Ты можешь указывать своим деловым партнерам, но не смей указывать мне.

– Кто-то должен сказать вам правду в лицо. Почему вы не благодарите судьбу за то, что имеете? Зачем сожалеть о том, чего не можете изменить, отец?

– Ты предлагаешь мне не сожалеть о смерти моего брата?

– О существовании вашего племянника.

Если бы отец Девлена мог вскочить и в бешенстве броситься вон из комнаты, он именно так и поступил бы. Прикованный к креслу, он вынужден был неподвижно сидеть за столом, гневно сжимая кулаки и бросая испепеляющие взгляды на сына.

– Не могу поверить, что ты слушаешь рассказы истеричного ребенка, – произнес он наконец.

– В самом деле?

Девлен взглянул на свою тарелку. Во всем, что касалось еды, отец, известный своей бережливостью, проявлял поистине королевскую щедрость. На хорошую кухню он не скупился. И все же Девлену совершенно не хотелось есть. Аппетит пропал. Отставив тарелку, Девлен поднес к губам чашку с кофе.

– Я не причинял зла мальчику. Тебе достаточно моего слова?

– Полагаю, в этом случае ваше слово ничего не значит.

– Ты превратился в настоящего циника, сын мой.

Девлен откинулся на спинку стула и окинул отца внимательным взглядом. Что-то не так в Крэннок-Касле. Ребенок по-настоящему испуган и ловко пытается прикрыть свой страх безобразным поведением. Мисс Синклер еще намучается с ним.

- Разве знать своего противника – значит быть циником? Вы имеете обыкновение вольно обращаться с правдой и искажать ее к своей выгоде. Так бывало уже не раз.

- Оказывается, я твой противник? Интересно.

- А как бы вы назвали наши отношения?

Когда Девлен достаточно подрос, он понял, что отцу нет до него никакого дела. Камерон видел в сыне лишь обузу, досадную помеху, источник постоянного раздражения. Отца по-настоящему интересовало только одно – судостроительная империя, которую отдал ему в управление старший брат. Камерон старался изо всех сил доказать брату, что тот не ошибся в выборе. Отец стал жертвой своеобразного психологического парадокса. Он нуждался в одобрении старшего брата, одновременно презирая эту потребность, считая ее проявлением слабости.

- Меня удивило, что вы предложили мисс Синклер место гувернантки. Неудачный выбор. Вряд ли она справится.

- Почему ты так думаешь? Кажется, само Провидение послало ее к нам. Этой женщине нужны деньги, а у меня есть для нее работа.

Девлен не ответил, не желая делиться с отцом своими мыслями. Беатрис Синклер показалась ему слишком хрупкой для Крэннок-Касла. За ее бравадой явно скрывалась затаенная печаль, вызывавшая у Девлена необъяснимое желание защитить ее. Ну разве не странно, что в голову лезут подобные глупости?

Оставив завтрак нетронутым, Девлен поднялся из-за стола. Он покинул комнату, не обращая внимания на загадочную улыбку, мелькнувшую на губах отца. Существовали вещи, о которых Девлен не желал ничего знать.

Последние несколько недель Беатрис так страдала от голода и страха, что внезапное чудесное избавление буквально опьянило ее. За едой она принялась мурлыкать веселую мелодию себе под нос, и устроившаяся на подоконнике любопытная птичка стала невольной свидетельницей ее чудачества.

- Здравствуй, птичка. Ты прилетела попросить немного крошек?

Птичка разразилась короткой трелью и упорхнула. Должно быть, она осталась недовольна, потому что крошками с ней так и не поделились.

Тихий стук в дверь заставил Беатрис вздрогнуть от неожиданности. Она вскочила, плотнее запахнула на груди чужое домашнее платье, подошла к двери и осторожно приоткрыла ее.

- Мадемуазель? Это я, Гастон, – приветствовал ее вчерашний великан по-французски с парижским выговором. В мясистой ручище он сжимал ее старенькое платье. – Вот, горничная выгладила его для вас.

Беатрис взяла в руки платье. Служанка поработала не только утюгом, но и иголкой с ниткой, заштопав разорванное кружево на вороте и пришив оторванную пуговицу.

- Спасибо, Гастон.

- К вашим услугам, мадемуазель. Когда вы соберетесь отправиться за своими вещами, я буду

готов вас сопровождать.

– Благодарю вас.

– Вам достаточно дернуть за шнур звонка рядом с кроватью, мадемуазель. Или я могу подождать вас здесь, за дверью, если хотите.

– Я еще не закончила завтракать.

– Тогда я буду ждать, когда вы позвоните.

Беатрис закрыла дверь, чувствуя себя немного смущенной. До сих пор она еще никого не заставляла ждать.

Покончив с завтраком, девушка оделась и разгладила руками платье. Служанка великолепно выгладила его. Шерсть на ощупь казалась почти новой, от нее исходил едва уловимый запах лаванды. Этот пустяк так растрогал Беатрис, что на глазах у нее показались слезы.

Одевшись, Беатрис взяла с серебряной подставки щетку для волос и пригладила подстриженные черные локоны. Она тоже перенесла холеру, отнявшую жизнь у ее родителей. Ей пришлось пройти через все унижения, которым подвергались заболевшие. Ее напоили слабительным и насильно остригли, сопротивляться она не могла.

Беатрис посмотрелась в квадратное зеркало, оправленное в золото, и увидела, что выглядит намного старше своих лет. В ее глазах появилось новое незнакомое выражение – глубокая печаль. Беатрис попробовала изобразить улыбку перед зеркалом, но не вышло.

Эпидемия, охватившая Килбридден-Виллидж, унесла жизни многих, не обойдя стороной ни один дом. Некоторым семьям пришлось пережить двойную потерю. Родители Беатрис умерли через три дня после того, как болезнь поразила свою первую жертву. Горе обрушилось на их семью так стремительно, что девушка еще не успела прийти в себя от потрясения.

Ее родители ушли из жизни, их смерть разрушила все мечты и надежды Беатрис, которыми она жила.

Нашлись и те, кто принялся судачить, что девушка сама виновата в своих несчастьях, что слишком разборчива. Беатрис действительно могла бы иметь собственный дом и семью.

Она получила предложение руки и сердца, но совсем не от того человека, от которого ожидала.

Джереми Маклауда, красивого молодого человека из их деревни, она знала еще двенадцатилетним мальчишкой. Дети выросли. Их дружба сменилась сначала неловким интересом друг к другу, а затем и взаимным увлечением. Добрый и мягкий от природы, Джереми обладал легким и веселым нравом. Его переполняли радужные надежды. Он строил честолюбивые планы, собираясь привести в порядок унаследованную от отца мельницу. Но был у Джереми и один недостаток – он привык во всем подчиняться воле своей матушки. Эта женщина потеряла двоих детей и души не чаяла в Джереми, единственном оставшемся ребенке. Как тигрица, она готова была защищать своего детеныша до последнего вздоха, и сын принимал ее обожание и заботу безоговорочно.

После смерти родителей Беатрис ждала, что Джереми придет к ней в дом и в своей обычной серьезной манере примется объяснять, почему им следует пожениться. Но Джереми так и не

пришел, словно она по-прежнему была заразной. Конечно, он боялся подхватить ужасную болезнь.

Но совершенно неожиданно ей сделал предложение молодой священник, занявший место преподобного Мэтью Хэнсона. К тому времени они всего три дня как познакомились.

– Люди в Килбридден-Виллидж хорошо отзываются о вас, Беатрис.

– Они очень добры ко мне.

– Говорят, вы довольно благоразумная и здравомыслящая женщина.

– Спасибо.

– Конечно, вы уже не девочка... – Беатрис ошеломленно посмотрела на священника, надеясь, что тот правильно истолкует ее возмущение, но преподобный, кажется, так ничего и не понял. – Впрочем, вы достаточно молоды, чтобы стать верной помощницей своему мужу.

– Пожалуй, да.

– У меня двое детей.

– В самом деле?

– Я вдовец. Вы разве не знали? – Беатрис покачала головой. – Дети присоединятся ко мне, как только я устроюсь. Им нужна мать, а мне – жена.

Не слишком завидное предложение, но преподобный испытал настоящее потрясение, когда Беатрис ему отказала.

Возможно, она поступила глупо, отвергнув молодого священника. Оставшись одна, без средств к существованию, Беатрис вынуждена была сама заботиться о себе. А ведь преподобный не преминул предупредить ее об этом.

– Мое предложение пока остается в силе, но я не стану долго ждать, Беатрис. Честно говоря, сомневаюсь, что вы найдете что-нибудь лучше.

Невеста... само слово звучало для нее как-то странно. Беатрис давно оставила мысль о замужестве. Она никогда не впадала в отчаяние из-за того, что так и не вышла замуж. И даже не испытывала сожаления. Беатрис с радостью помогала отцу в его работе.

Нельзя сказать, что она никогда не мечтала о муже. Беатрис, как и другие девушки, тоже готовила свой сундук с приданым. Долгие годы они с матерью заботливо вышивали на салфетках чертополох и розы. Беатрис всегда казалось, что в запасе у нее еще немало времени. Ей хотелось как следует обдумать такой важный шаг, как замужество, прежде чем решиться на него. Даже если вокруг не так уж много женихов.

Беатрис привыкла занимать все свое время работой. А если она и впрямь временами чувствовала себя одиноко, тоскуя о том, что так и не стала женой и матерью, то находила утешение, присматривая за детьми Салли. Иногда она делилась с подругой своими горькими мыслями, признаваясь, что боится никогда так и не выйти замуж. Ведь в деревне почти не было мужчин ее возраста.

– Значит, он приедет откуда-то еще, – заявила как-то раз Салли, желая пресечь пораженческое

настроение подруги. – Ты влюбишься в него, когда он проскачет через всю деревню на своем белом коне.

– В Килбридден-Виллидж не так уж много белых лошадей, да и на тех обычно пашут, – возразила Беатрис, и обе подруги весело расхохотались.

Беатрис потянула за шнур звонка и нерешительно встала у двери, раздумывая, стоит ли спускаться и ждать у входа в Крэннок-Касл. В конце концов, она здесь не гостя. И чуть больше, чем просто прислуга. Приживалка при непослушном юном герцоге.

Но выбирать не приходилось. Беатрис понимала: ей не выдержать грядущей зимы. Оставалось лишь держаться за эту работу. Дома ее ждал мертвящий холод и медленная голодная смерть.

Глава 5

Не прошло и пяти минут, как Гастон появился у двери Беатрис. Он слегка поклонился, заметно смутив девушку, и повел ее за собой к выходу из замка. На этот раз Беатрис не пришлось блуждать в темноте по узким извилистым коридорам. Крэннок, показавшийся накануне мрачной средневековой крепостью, приятно удивил ее. Новое крыло замка отличалось своеобразной красотой, ничем не напоминая укрепленную цитадель.

– Вы давно служите герцогу, Гастон? – обратилась Беатрис к великану по-французски.

– Я служил у мистера Камерона еще до рождения герцога.

– А я думала, вы на службе у герцога.

Гастон промолчал.

– Я слышала, что мать герцога была француженкой.

Великан кивнул.

– Осмелюсь заметить, ваш французский безупречен.

Замечание Гастона поставило Беатрис на место. Она поняла, что существуют вопросы, которые не следует задавать в Крэннок-Касле.

– Спасибо. Моя бабушка была француженкой. Я с детства разговариваю на этом языке.

Беатрис остановилась на верхней ступеньке лестницы и изумленно ахнула. Две великолепные лестницы, начинаясь в холле первого этажа, изящно сходились на втором и снова расходились, взлетая к третьему этажу замка. Перила и балюстрада из тщательно отполированного темного дерева резко выделялись на фоне стен, затянутых бледно-лимонным шелком.

Под высоким потолком на длинных цепях висела огромная люстра. Один из лакеев, балансируя на приставной лестнице, как раз менял свечи. Он с любопытством взглянул на Беатрис, но решив, что особого интереса новая гувернантка не представляет, вернулся к работе.

Беатрис стала медленно спускаться по лестнице, разглядывая картины на стенах. Здесь висели портреты, выполненные в натуральную величину. Каждый из мужчин на этих полотнах чем-то напоминал Камерона Гордона или его сына.

- Это герцоги Брикины?

- Нет, мадемуазель, не все здесь герцоги, но некоторые члены семьи – весьма важные персоны, – бросил на ходу Гастон, не оборачиваясь.

Беатрис еще о многом хотела расспросить своего провожатого, но времени не было. Гастон ушел далеко вперед, так что девушке пришлось догонять его.

Тяжелые и старые на вид, окованные железом двери запирались на засов. Гастон отворил левую створку и отступил на шаг, легко поклонившись Беатрис.

- Проходите, пожалуйста, мадемуазель.

Девушка ступила на широкую каменную лестницу и застыла, замороженная потрясающим видом. Слева простирался океан, а впереди виднелась волнистая гряда холмов. Солнце над горизонтом окрашивало в розовый цвет вытянутые полосы пористых облаков, напоминавших нарядные кружевные оборки.

Ночью наступила зима. Трава подернулась сероватым инеем, и у Беатрис вместе с дыханием изо рта вырывались белые облачка пара.

«Скоро ветви деревьев заледенеют, а снег укутает землю мягким покрывалом. Мир застынет в неподвижности, затаит дыхание до весны», – подумала Беатрис, плотнее запахивая шаль и чувствуя, как холод проникает под платье и пробирает ее до костей.

Сверкающая черным лаком огромная карета уже дожидалась на круглой подъездной дорожке. Одетый в ливрею кучер сдерживал четверку вороных коней. При виде Беатрис он приложил кончик хлыста к полям шляпы и слегка поклонился. Девушка кивнула ему в ответ.

- Это карета Девлена?

- Нет, – откликнулся Девлен у нее за спиной. – Карета принадлежит герцогу Брикину, мисс Синклер.

Беатрис обернулась и окинула взглядом сына своего нанимателя. Его теплый плащ выглядел довольно солидно и куда больше соответствовал морозной погоде, чем ее старенькая шаль. Девушка завистливо вздохнула.

- Вам, должно быть, холодно?

Он слишком внимательно рассматривал ее. Его взгляд скользнул по лицу Беатрис и остановился на руках, сжимавших концы шали. Может, он судит о людях по одежде? Если так, то у него, должно быть, сложилось нелестное мнение о новой гувернантке. Беатрис продала все, что могло принести хоть какие-то деньги, оставив себе лишь самую старую и поношенную одежду. Такие отрепья вряд ли пристало носить прислуге герцога Брикина.

- Вам больше нечего надеть, мисс Синклер? – Девлен расстегнул плащ, быстро снял его и набросил на плечи Беатрис.

Она тут же почувствовала, как ее окутывает тепло. В огромном плаще Беатрис казалась совсем маленькой и хрупкой. Когда Девлен застегнул на ней пуговицы, оказалось, что длинные Полы плаща волочатся по земле.

- Я не могу взять у вас плащ.

Девлен и бровью не повел в ответ на слова Беатрис. Одетый в одну лишь тонкую белую рубашку и черные брюки, он, казалось, не чувствовал холода.

- Отец сказал мне, что вы согласились занять место, которое он вам предложил. Вы уверены, что поступили благоразумно?

- Да, вполне уверена.

- Может, вам стоило хотя бы немного подумать, прежде чем ответить, мисс Синклер.

- Но почему, мистер Гордон? Ведь я уже приняла решение. - Больше всего Беатрис хотелось сейчас стереть эту противную улыбку с его лица.

Она шагнула вниз по лестнице, и Девлен быстро схватил ее за руку. Беатрис растерянно посмотрела на сжатые пальцы Девлена и перевела взгляд на его лицо. Насмешливая улыбка исчезла, уступив место такому пронзительному взгляду, что девушка испуганно вздрогнула.

- Вам нужны еще и перчатки.

- Пожалуйста, пустите меня.

Не могла же она сказать, что ее единственные перчатки до того истрепались, что стали почти бесполезны.

Девлен выпустил ее руку, но не двинулся с места.

- Думаю, вам не стоит оставаться в Крэннок-Касле, мисс Синклер. Это неразумно.

- Спасибо вам за заботу, сэр, но я уже приняла решение и известила о нем вашего отца. Похоже, он считает, что я ему подхожу.

- Находясь здесь, вы служите целям моего отца, мисс Синклер. Неужели вы не спрашивали себя, почему он хочет нанять вас на такую завидную должность? С кандидатами на подобное место обычно не беседуют в спальне.

Лицо Беатрис вспыхнуло.

- Будьте добры, позвольте мне пройти.

Ее взгляд не отрывался от высоких, до колен, начищенных до блеска сапог Девлена. Его одежда отличалась простотой, но это были вещи самого лучшего качества. От него исходил какой-то незнакомый приятный запах.

- Вы овца в волчьем логове, мисс Синклер.

Беатрис изумленно вскинула брови.

- Вы и себя причисляете к волкам, мистер Гордон? Не вы ли вожак стаи? - выпалила она, но тут же в ужасе прикрыла рот ладонью.

- Вы не годитесь для роли, на которую замахнулись. Вам лучше вернуться домой.

- И умереть с голоду? Это как раз та работа, с которой я справилась бы, а вы хотите отнять ее у меня? - Беатрис закусила губу, пожалев о своих словах. Кто такой Девлен Гордон, чтобы откровенничать с ним? Беатрис не нуждалась ни в милостыне, ни в жалости и вполне могла сама позаботиться о себе - лишь бы никто не мешал.

- Неужели некому вам помочь?

Беатрис, выпрямилась во весь рост, злясь на себя за то, что разнежилась в теплом плаще, принадлежавшем этому несносному человеку. Она начала было расстегивать пуговицы, но Девлен решительно накрыл ее ладони своими.

- Оставьте плащ себе, мисс Синклер. Я не желаю видеть, как вы дрожите от холода в угоду своей гордости.

Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга.

- Эпидемия холеры унесла всех, кого я любила, - призналась наконец Беатрис. - Не пощадила никого. Я осталась одна.

- У вас нет даже возлюбленного?

- Нет.

- Так болезнь поразила и его? И кого-то еще вместе с ним? - Беатрис решила промолчать. Похоже, Девлену понравилось задавать вопросы и самому же на них отвечать. - Надеюсь, вы простите мою дерзость, мисс Синклер, но вы на удивление яркая женщина. Стоит вам избавиться от худобы, и вы превратитесь в красавицу. Даже сейчас в вас есть что-то, способное вскружить мужчине голову.

- Нет.

- Нет? - Девлен удивленно изогнул бровь.

- Нет, я не собираюсь прощать вам вашу дерзость. Позвольте мне пройти.

Гастон и кучер с явным интересом наблюдали за разыгравшейся сценой. Ни один из них даже не подумал сделать вид, что не прислушивается к разговору. Напротив - казалось, они берут на заметку каждое слово, чтобы потом подробно пересказать услышанное остальной прислуге.

Меньше всего Беатрис хотелось стать мишенью для сплетен и пересудов, да еще в то время, когда она с таким трудом нашла новую работу, обещавшую избавить ее от голода и нищеты.

- Пожалуйста, - повторила она, пытаясь смягчить тон. - Разрешите мне пройти.

- Вы едете домой, мисс Синклер?

Ему не следовало произносить ее имя в подобной манере, а Девлен как будто нарочно дразнил ее. От одного звука его голоса по спине Беатрис поползли мурашки. Он говорил тихо, вкрадчиво, почти шептал.

- Да, мистер Гордон, я еду домой. Надеюсь, теперь вы меня пропустите?

- Вы там останетесь?

- Нет.

Девлен кивнул, словно ответ девушки нисколько его не удивил.

- Я не собирался надолго оставаться в Крэннок-Касле, мисс Синклер, но теперь, похоже, мне придется отложить отъезд.

- Не стоит из-за меня менять свои планы, сэр.

Девлен снова взял Беатрис за руку, но уже не для того, чтобы удержать. Он задумчиво провел кончиками пальцев от запястья к плечу девушки, отчего ее бросило в дрожь. Беатрис испуганно отшатнулась, а Девлен насмешливо улыбнулся.

- Я задержусь всего на несколько дней, мисс Синклер. Хочу убедиться, что вы благополучно устроились.

Девлен посторонился, пропуская девушку, и та почти сбежала вниз по лестнице.

Гастон предупредительно распахнул дверцу кареты. Беатрис объяснила ему, как найти ее дом, затем взобралась на подножку и уселась в глубине экипажа, подальше от окон, хмуро глядя в пол. Ей не хотелось видеть Девлена Гордона. Ни сейчас, ни по возвращении.

Она плотнее укуталась в шерстяную ткань его плаща, вдыхая странный и чудесный запах.

Гастон устроился на козлах рядом с возницей, карета тронулась, а Беатрис выглянула в окно. Почему же, не увидев этого невыносимого человека, она почувствовала укол разочарования?

«Ну вот, только Беатрис Синклер еще не хватало в замке. Это с ее-то нежными голубыми глазами, сдержанными манерами и дрожащими руками. У нее слишком черные волосы и чересчур белая кожа, а такие яркие губы явно вышли из моды. Интересно, она их красит?»

Девлен уже убедился, что у мисс Синклер довольно острый язычок. Он вдруг вспомнил ее слова: «Я подумала, что вы Черный Дональд».

Определенно что-то нужно делать с ее гардеробом. Ее одежда слишком свободна, хотя о корсаже этого не скажешь. Он излишне плотно облегает грудь. Ноги у нее, пожалуй, длинноваты, но с этим уж точно ничего не поделаешь.

Беатрис не собиралась так просто сдаваться и отправляться домой. Что ж, за это Девлен ее не винил. Отец наверняка постарался представить положение гувернантки Роберта (а точнее, няньки) самым привлекательным образом, скрыв от девушки правду.

И все же по сравнению с тем, что ей пришлось пережить осенью, пребывание в замке должно было показаться Беатрис настоящим раем. Холера, подобно пожару, охватила половину Шотландии. Девлену ведь тоже пришлось на время отправить Роберта в Эдинбург, когда оставаться в Килбридден-Виллидж стало небезопасно. Гастон передавал Девлену новости, одна страшнее другой.

Не хватало еще, чтобы он проникся сочувствием к этой девушке. В замке ее подстерегала опасность, но упрямая девица не пожелала серьезно отнестись к предупреждению, сделанному в самой мягкой форме. Она попросту не стала его слушать. А что бы она сказала, если бы он выложил ей всю правду? Что-нибудь вроде этого: «Спасибо, но я вам не верю». Или: «Я все

равно принимаю предложение вашего отца». Или даже: «Не будьте смешным, мистер Гордон, вы все преувеличиваете». Девлен как будто слышал то, что она ему отвечает.

Ему надо было возвращаться в Эдинбург. Если бы не Беатрис Синклер, он прямо сейчас отправился бы в Инвернесс и занялся делами.

Возможно, ему стоило бы проводить мисс Синклер домой. Там он, пожалуй, смог бы получить более полное представление об этой женщине. Но разве можно предсказать, куда, к примеру, захочет пойти мужчина или женщина, даже если посчастливится знать их прошлое? Будущее запрятано глубоко в душе и в мыслях. Оно крайне редко подает голос.

Не обращая внимания на холод, Девлен скрестил руки на груди и посмотрел вслед удаляющейся карете, которая уже катилась вниз с горы. Похоже, Беатрис Синклер еще доставит ему немало хлопот.

Глава 6

Издалека Крэннок-Касл казался темно-серым, но на самом деле кирпичи были почти черными. Из долины внизу просматривалась лишь часть старого крыла замка. Деревенские жители не могли разглядеть четыре башни с зубчатыми краями, напоминающими ощеренную пасть, или извилистую подъездную дорогу, ведущую к массивной сводчатой двери.

Снизу лишь открывался вид на крепкую башню с толстыми стенами, за которой прятался осыпающийся древний замок. Может быть, и обитатели Крэннока скрывали свои тайны за надежным на вид фасадом?

Карета стремительно неслась вниз, к Килбридден-Виллидж. Похоже, вознице не раз приходилось совершать путешествие по петляющей горной дороге к замку и обратно, и он успел приобрести известную сноровку. Правда, Беатрис дважды швыряло почти к самой дверце кареты. Чтобы не выпасть, ей приходилось хвататься за ремень, закрепленный над окном.

Ближе к подножию горы дорога стала чаще петлять. Здесь то и дело попадались коварные изгибы и повороты, но кучер почему-то лишь сильнее нахлестывал лошадей, заставляя их мчаться все быстрее. И Беатрис всерьез задумалась о том, уж не этот ли самый возница виновник памятного несчастного случая, лишившего Роберта родителей и навсегда приковавшего Камерона Гордона к инвалидному креслу.

В долине дорога оказалась изрыта канавами, и экипаж с грохотом трясся на ухабах. Один раз он так резко накренился, что едва не перевернулся, и Беатрис мысленно простилась с жизнью. Но кучер, вместо того чтобы снизить скорость, принялся громогласно бранить лошадей. Съежившись в уголке кареты, Беатрис слушала его крики.

На той же бешеной скорости экипаж въехал в деревню. Лошади неслись по улицам так, словно за ними гнались волки. Возница не сделал ни малейшей попытки замедлить ход. Он гнал коней, не обращая внимания на выбоины на дороге.

Беатрис закрыла глаза, вцепилась обеими руками в ремень и принялась шептать слова молитвы, пока карета мчалась по Килбридден-Виллидж.

Каких-нибудь десять минут спустя девушка услышала резкий пронзительный звук и увидела, как мимо окна пролетело колесо. Карета внезапно сильно дернулась и накренилась, продолжая

двигаться вперед, но уже гораздо медленнее.

Должно быть, сломалась ось. Беатрис цеплялась за ремень, пока карета не остановилась окончательно.

– Мисс Синклер! – Голос Гастона раздался прямо под ухом Беатрис. Повернувшись, она увидела, что слуга просунул голову в распахнутую дверь кареты и протягивает ей руку. – Вы хорошо себя чувствуете, мисс Синклер? – Беатрис кивнула, хотя ее еще слегка подташнивало. – Я помогу вам выйти, мисс Синклер. Вам будет удобнее подождать снаружи, пока починят колесо.

Карета заметно осела набок, и Беатрис пришлось осторожно подбираться к оказавшейся сверху двери, после чего Гастон подхватил девушку и бережно опустил на землю. Хотя слуга действовал со всей возможной деликатностью, а Беатрис тщательно заботилась о том, чтобы не показывать свои нижние юбки, все же при приземлении юбки предательски раздулись, обнажив ноги. Беатрис смущенно покосилась на Гастона, но тот, похоже, ничего не заметил, а если и заметил, то тут же забыл.

Девушка поспешно расправила юбки. Старательно обходя грязные лужи, она направилась к обочине дороги. Только там Беатрис поняла, где находится. У мельницы. На земле Джереми Маклауда.

Должно быть, она сдавленно вскрикнула, потому что Гастон с тревогой посмотрел в ее сторону. Она помахала ему рукой, давая понять, что все в порядке.

– Поломка нас немного задержит, мисс Синклер. Томасу придется вернуться в Крэннок-Касл за новой осью. Или за другой каретой.

Беатрис так и хотелось возразить, что если бы Томас хоть немного посматривал на дорогу и ездил осторожнее, то ничего не случилось бы. Но она только кивнула в ответ.

День определенно не задался. Тот самый человек, с которым Беатрис совершенно не хотелось встречаться, уверенно направлялся к ней. Джереми Маклауд. Она отчетливо разглядела его рыжеватые волосы и тронутое бронзовым загаром лицо.

– Тебе нужна помощь, Беатрис?

– Здравствуй, Джереми. Нет, спасибо.

– Как видите, – добавил Гастон, указав рукой в сторону кареты, – у нас случилась небольшая неприятность.

Беатрис так и не поняла, то ли Гастон нарочно обратил внимание Джереми на герцогский герб на дверце кареты, то ли Маклауд сам его заметил.

– А что ты тут делаешь, Беатрис?

Девушка сжала руки, пытаясь унять дрожь.

– Я получила место в Крэннок-Касле и вернулась домой, чтобы забрать вещи.

– В Крэннок-Касле? Прежде я вел с ними дела.

Джереми растерянно замолчал. Похоже, он не собирался продолжать беседу. Беатрис хотелось

расспросить его об обитателях замка, но подобные расспросы вызвали бы подозрение, что она все еще сомневается в своем решении, поэтому она тоже предпочла промолчать.

Неловкую тишину нарушил Гастон.

- Если вы объясните, как добраться до вашего дома, мисс Синклер, я мог бы поехать туда верхом на одной из лошадей и привезти все, что вам нужно.

- В этом нет нужды, - вмешался Джереми. - Если хотите, я одолжу вам телегу. Дом Беатрис совсем недалеко. Туда можно добраться пешком.

Джереми знал, о чем говорил. Он часто бывал в доме Беатрис.

- Вот и отлично, - кивнула Беатрис, стараясь придать голосу как можно больше любезности. - Как мило с твоей стороны предложить мне телегу.

Она искренне надеялась, что на сегодня запас неприятностей уже иссяк, но стоило ей только подумать об этом, как пошел дождь.

- Расскажите мне о своих ночных кошмарах, - попросил Девлен.

Роберт сидел на полу, выстраивая оловянное войско. Восточный ковер в герцогской спальне служил полем брани, его узоры обозначали холмы и долины, реки и ручьи. Девлен подарил кузену этих солдатиков на Рождество. Многочисленную армию Роберта пополнил батальон гессенских наемников и английских солдат.

- Дурные сны участились? - Девлен опустился на пол рядом с мальчиком. Захватив пригоршню солдатиков, он принялся расставлять их в ряд.

- Нет, не так. - Роберт недовольно махнул рукой. - Лучше я сам. Они ведь должны победить.

Юный герцог Брикин обожал играть в войну, и Камерон, к досаде Девлена, всячески поощрял это увлечение. Если другие мальчики любили слушать истории о храбрости и героизме, то Роберта всегда интересовали подробности битвы. Он хотел знать, сколько человек погибло, сколько сражений пришлось выдержать, прежде чем окончилась война, да и многое другое, что, по мнению Девлена, не должно занимать мысли семилетнего ребенка. Хотя кто знает? Возможно, мисс Синклер известно об этом больше. Или у нее столь же мало опыта в обращении с детьми, как и у него самого?

- Так, значит, кошмары прекратились?

Роберт бросил взгляд на кузена, но не произнес ни слова, а тут же снова занялся своими солдатиками. Интересно, в какой битве им предстояло сразиться? Роберт знал поразительно много о расположении войск и мог достоверно воссоздать практически любое историческое сражение. Девлен, которого военные игры даже в детстве оставляли равнодушным, молча отодвинулся, наблюдая, как Роберт выстраивает игрушечное воинство. Увидев, что задетый его безразличием мальчик недовольно нахмурился, Девлен сгреб оставшихся солдатиков и расставил их на своем куске ковра наподобие шахматных фигур.

- Это Ганнибал, - пояснил Роберт, забирая солдатиков и с укором глядя на Девлена. - Полководец, который провел своих боевых слонов через Альпы.

Девлен вытянул ноги и откинулся назад, опираясь на руку. Интересно, догадывается ли Роберт, что в жизни его кузена можно насчитать не слишком много случаев, когда он вот так, как сейчас, ползал бы по полу? За одну эту попытку Девлен уже заслужил аплодисменты. Память тут же услужливо подсказала ему один любопытный эпизод с участием бывшей любовницы, но Девлен предпочел не останавливаться на нем. После того случая у него неделю не заживали ссадины на коленях.

Похоже, Роберт собирался разыграть какое-то древнее сражение. Девлен решил не расспрашивать мальчика о Ганнибале, опасаясь, что тот сядет на своего любимого конька. И тогда его уже не остановить! А Девлен не испытывал особого интереса к военной истории, да и мало что о ней знал.

Зато он легко мог бы поддержать разговор на любую другую тему, Девлен прожил много лет в Лондоне и на континенте. Однажды он провел удивительно счастливое лето, путешествуя по Америке, но вместо видов Вашингтона или Нью-Йорка в памяти Девлена осталось лишь прелестное лицо его спутницы. Поездки по Востоку принесли ему массу незабываемых впечатлений, и Девлен дал себе слово когда-нибудь непременно вернуться туда. В своих путешествиях он успел познакомиться и с русскими, хотя их страну ему вряд ли хотелось бы посетить вновь. Уж слишком там холодно. Чертовски холодно.

И все же подчас Девлену бывало очень нелегко найти общий язык со своим кузеном. В таких случаях весь его богатый жизненный опыт оказывался совершенно бесполезным. Но Девлен любил мальчика, а тот, должно быть, чувствовал его искреннюю привязанность, потому что после смерти родителей Роберт еще больше сблизился с Девленом.

Пожалуй, Девлен был единственным взрослым, способным вынести нелегкий характер Роберта, но временами ответственность за кузена тяготила и его. Порой мальчишка бывал совершенно невыносим. Возможно, потому, что внезапно осиротел. Еще вчера Роберт был желанным сыном пожилого отца, баловнем, окруженным всеобщей заботой и обожанием, и вдруг приходит страшная весть, что его любящие родители погибли при крушении экипажа.

Мальчику пришлось пережить несколько очень тяжелых месяцев, тем более что сразу же после смерти родителей его дом захватила целая толпа почти чужих людей. В замок прибыл дядя Роберта (теперь его опекун) вместе с женой, ее горничной и бесчисленными слугами. Все они стремились охватить вниманием несчастного одинокого ребенка.

А потом за него взялись гувернеры, один другого противнее. Всех их выбирал дядя. Однако Роберт легко справлялся с неприятелем, избрав блестящую тактику обороны. Он вел себя с воспитателями как настоящее чудовище, и жалкие наемники позорно бежали с поля боя.

Но понимал ли юный кузен Девлена, что он всего лишь мелкая пешка в незримой войне, которую вели вокруг него? И что его подлинный враг не французы и не англичане минувших столетий, а родной дядя?

Девлен чувствовал, что и в Крэннок-Касле, и с самим Робертом происходит что-то дурное. Но Роберт не желал об этом говорить. Впервые мальчик не захотел поделиться с кузеном своими бедами, и эта внезапная замкнутость пугала Девлена.

Девлен не находил себе места от тревоги, но в этом не было вины мальчика, какие было его вины и в той острой неприязни, которую питал к нему Камерон Гордон.

– Как ваша лодыжка? – спросил Девлен, окинув взглядом повязку на ноге кузена, где заканчивалась штанина. – Вы так неудачно упали с лестницы.

«Да уж! Подобное падение вполне могло бы убить взрослого человека».

Роберт кивнул.

– Вам следует вести себя осторожнее.

Роберт вскинул голову, и в глазах его мелькнуло отнюдь не детское выражение. На какое-то мгновение Девлену показалось, что он видит перед собой старика. Что же на самом деле знает этот несчастный ребенок? Или только подозревает?

– С завтрашнего дня у вас появится гувернантка.

– Мне не нужна гувернантка.

– С этим я бы, пожалуй, согласился. И все же мисс Синклер завтра приступит к своим обязанностям. Постарайтесь вести себя с ней любезно. Никаких колючек в ее постели. – В глазах Роберта тут же вспыхнул живой интерес, и Девлен пожалел, что упомянул о колючках. Впрочем, мальчишка успешно избавился от трех гувернеров, не прибегая к помощи кузена, так что вряд ли он нуждался в чьих-то советах. – Во всяком случае, вы могли бы держаться с ней повежливей. И хотя бы иногда отвечать, когда она к вам обращается. Насколько мне известно, мисс Синклер тоже сирота.

Внезапно мальчик замкнулся. Его глаза, еще недавно сверкавшие таким оживлением, вдруг потухли, а лицо приняло отчужденное выражение и застыло, превратившись в бессмысленную маску. Роберт Гордон, двенадцатый герцог Брикин, напоминал теперь истукана. Никогда Девлену еще не приходилось видеть такого мгновенного превращения. От этого зрелища мурашки поползли у него по спине, а волосы на коже встали дыбом.

Крестьянская телега ехала медленно, но Беатрис решила, что это даже к лучшему. Она могла вдоволь налюбоваться домом, в котором выросла.

Хотя с Килбридден-Виллидж Беатрис связывало немало воспоминаний, родилась она в другом месте, где-то на границе между Англией и Шотландией. Родители со смехом вспоминали об этом. Они говорили, что мистер Синклер – ловкий вор, и его главная добыча – мать Беатрис. Но эти шутки не предназначались для ушей дочери. Беатрис даже ребенком понимала это.

Ее отец и мать родились в довольно больших семьях – так они говорили дочери, – но девочка никогда не встречалась со своими родственниками. Ни разу. Никогда к ним в Шотландию не приезжали дядюшки или тетюшки, никогда Беатрис не видела, чтобы родители кому-нибудь писали или сами получали письма.

Казалось, родители скрывают от нее какую-то тайну. Однажды, когда Беатрис спросила мать, почему она никогда не рассказывает о своем прошлом, та едва не расплакалась.

«Бывают воспоминания, о которых не хочется говорить», – ответила она и больше ничего не стала объяснять.

После смерти родителей Беатрис тщательно просмотрела все принадлежавшие им вещи, но ничего не нашла. Никаких напоминаний о прошлом, ни одного письма или бумаги, которая могла бы привести ее к потерянным родственникам.

Отец Беатрис, человек образованный, любил говорить о книгах или о своих ученых занятиях.

Фермером он был никудышным, хозяйство вел неумело, словно не привык к подобной грубой работе. Его поле выглядело неряшливым и неухоженным, а куры часто болели и редко выживали. Он бывал совершенно счастлив, лишь оставаясь в кабинете наедине со своими книгами или беседа с женой, когда они вдвоем увлеченно обсуждали какую-то интересную тему.

Несмотря на бедность, жизнь всех троих была наполнена радостью. Только однажды их маленькую семью постигло горе. Мать Беатрис родила ребенка, но мальчик умер, не прожив и часа. Беатрис видела, как плакал ее отец, сидя у постели жены. То был первый и единственный раз, когда она видела отца плачущим, но с годами Беатрис поняла, что ее мать обладала куда более сильным характером, чем отец.

Когда Беатрис исполнилось четырнадцать, деревенские старейшины пришли к отцу, чтобы предложить ему стать учителем в новой школе. Все попытки изобразить занятие фермерством оказались мгновенно забыты, и с этого дня жизнь семьи сильно изменилась. У Синклеров никогда не водилось много денег, но и голодать им не приходилось. Мать Беатрис держала кур и ухаживала за небольшим садиком, а отец каждое утро отправлялся в школу. По его взволнованной улыбке дочь угадывала, с каким удовольствием предвкушает он предстоящий урок.

Теперь маленький домик Синклеров выглядел заброшенным и опустевшим.

«Может, следует заколотить окна досками? Или достаточно закрыть ставни?»

Наверное, пройдет немало времени, прежде чем хозяйка вернется домой, если, конечно, найдет в себе силы вернуться.

Дом стоял достаточно далеко от деревни, и соседей у Беатрис не было. В последний год она часто чувствовала себя оторванной от остального мира.

Возможно, это и к лучшему. Никто так и не узнал о ее отчаянном положении, когда месяц назад в доме кончились не только деньги, но и вещи, за которые можно было хоть что-то выручить.

– Это трудно, мисс?

Беатрис удивленно посмотрела на Гастона и поняла, что телега остановилась.

– Что трудно?

– Оставить свой дом.

Она молча кивнула. Странно, что ей даже в голову не пришло подумать о доме, когда она принимала решение остаться в Крэннок-Касле. Теперь же ее вдруг охватила тревога. Кто поменяет солому весной? Кто уберет снег во дворе, смажет дверные петли, зальет свежее масло в светильники? Кто станет охранять книги ее отца и вещи, принадлежавшие матери? Те, что Беатрис так и не решилась продать, даже умирая от голода.

Она чуть было не сказала Гастону, что не сможет оставить свой дом, но уже в следующее мгновение опомнилась и принялась себя ругать. Зачем ей все это? Здесь не осталось ничего, кроме воспоминаний. Не лучше ли отпустить их, оставить позади пережитое когда-то счастье вместе с болью и горечью потери?

- Мисс...

Голос Гастона вернул Беатрис к действительности. Девушка слезла с телеги и направилась по дорожке к дому, стараясь не думать о прошлом, но воспоминания, живые и яркие, нахлынули на нее помимо воли. Дорожку проложил отец. Эта работа отняла у него целых два месяца – шесть недель ушло на создание плана и еще две – на его исполнение.

Беатрис с матерью помогали таскать камни с заднего двора и укладывать их там, где наметил отец. Он радовался новой дорожке как ребенок, а мать и дочь всего лишь облегченно вздохнули, закончив работу.

Родители Беатрис нежно любили друг друга и были счастливы вместе. Неудивительно, что смерть забрала их обоих почти одновременно, с разницей всего в несколько дней. Теперь они вместе лежали в земле на восточной стороне церковного кладбища. «Да покоятся они в надежде на воскресение и жизнь вечную, – сказал священник. – С благоволением в сердцах своих и с благословенным миром в душах».

Родители обрели последний блаженный приют, а как же теперь быть их дочери?

Беатрис невольно устыдилась своих мыслей. Разве можно быть такой эгоистичной? И все же теперь она уже не так часто ругала себя, как прежде, когда рана была еще свежей. Тогда девушка часами сидела одна в доме, неподвижно глядя перед собой и не зная, как жить дальше с этой невыносимой болью.

За последний год Беатрис вдруг поняла, что способна выдержать все, даже потерю родителей и друзей. Она смогла преодолеть горькое одиночество, наполненное душевными страданиями, тоской, болью и даже отчаянием. Но тело требовало еды, воды и тепла.

Ради этого она и согласилась принять предложение Камерона Гордона.

Войдя в дом, Беатрис принялась собирать свое скромное имущество: маленькую щетку для волос, мамино серебряное зеркальце, отцовскую книгу басен Эзопа, запасной корсет и две сорочки. Все, что еще оставалось у нее из одежды, было на ней. Сборы заняли не больше пяти минут.

Беатрис вышла из дома и закрыла за собой дверь, тщательно задвинув засов, чтобы сильный порыв ветра не распахнул створки, как это часто бывало раньше. Потом она повернулась и решительно вскинула голову.

- Я готова, Гастон.

Слуга протянул руку и взял у девушки саквояж.

- Вы уверены, мадемуазель? – Как и ожидала Беатрис, он недоверчиво взвесил сумку в руке, словно сомневаясь, не пустая ли она.

- Уверена, – кивнула девушка.

Едва ли стоило пускаться в путешествие ради таких жалких пожитков.

Может, нужно известить друзей родителей? Дать им знать, где ее искать, если вдруг произойдет что-нибудь непредвиденное?

Но кого предупредить? Миссис Фернли? Вряд ли. Пожилая вдова миссис Фернли успела заметно состариться за последние годы. С возрастом эта добрая женщина становилась все более рассеянной и часто говорила о давно умерших людях так, словно только что беседовала с ними. Эпидемия холеры тяжело отразилась на ней. Миссис Фернли нередко путала имена и события. Конечно, не стоило беспокоить ее.

Может, сообщить мистеру Брауну? Но он потерял жену и сына во время эпидемии, и теперь слишком часто кружка заменяла ему окружающий мир.

За исключением Джереми все друзья Беатрис умерли. Их жизни унесла эпидемия холеры. Не осталось никого, кому бы она могла сообщить о переезде в Крэннок-Касл.

Беатрис бросила последний взгляд на дом, где прошли ее детство и юность, и направилась по дорожке к карете. Ее ожидала новая жизнь. Пусть и не лучшая, но, быть может, не такая горькая и безысходная.

Глава 7

Ровена Гордон придирчиво оглядела себя в зеркале. Ее волновала не только собственная внешность, но и манера держаться. Ровене хотелось выглядеть безупречно. Ее семья всегда была скупа на расправу, и миссис Гордон не желала давать пищу праздным языкам. Не хватало еще, чтобы о ней болтали, будто она выглядит усталой, что кружева на платье расползлись, а в глазах сквозит разочарование.

Ровена снова и снова разглядывала себя, стремясь найти хотя бы малейший изъян, способный дать повод для злословия. Если кому-то непременно захочется высказаться, ему придется признать, что наружность миссис Гордон великолепна, как погода в Шотландии. У нее сохранился чудесный цвет лица. Казалось, годы совсем не коснулись ее.

Но не приведи Господь выказать ей фальшивое сочувствие из-за мужа!

«Дорогой Камерон, какой стыд для такого энергичного, полного жизни мужчины оказаться прикованным к креслу. И как вы только выдерживаете это, бедняжка Ровена?»

«Господи, только не это!»

Ровена оделась в красное. Смелый цвет. Пожалуй, даже дерзкий. Короткий жакет с меховой оторочкой дополняла едва прикрывающая лодыжки юбка, также отделанная мехом. Сапожки и кокетливую шляпку украшали маленькие помпоны. Еще один новый наряд. Родственники Ровены любили поговорить о ее привычке к расточительству, точно завидовали ее богатству. Казалось, деньги заставили забыть о горе, омрачавшем ее жизнь.

Миссис Гордон взяла в руки сумочку и повернулась к служанке.

– Ну что, Мэри, как я, по-твоему, выгляжу?

Мэри, доверенная камеристка Ровены, – единственная на свете из тех, кто был посвящен во все секреты, все радости и печали своей госпожи.

Мэри проводила рядом с хозяйкой те мучительно долгие часы, когда никто не мог еще толком сказать, останется ли Камерон в живых или нет. Мэри приносила Ровене бесчисленные чашки шоколада, когда та не могла уснуть. Каждое утро, когда Ровена выходила из комнаты мужа,

Мэри тайком подавала ей новый платок. И наконец, Мэри, словно добрый дух, всегда оказывалась рядом, будто только и ждала, когда представится случай прийти на помощь.

Мэри кивнула в ответ и улыбнулась:

– Вы прекрасно выглядите, мадам.

– Спасибо, Мэри. Если я и впрямь неплохо выгляжу, то во многом благодаря тебе. Не знаю, что бы я без тебя делала. – Щеки камеристки порозовели от удовольствия. Она бросилась открыть дверь перед госпожой. – Постарайся до обеда собраться к отъезду.

– О да, мадам. Я уже приготовила сумки. – Мэри замялась, словно хотела сказать что-то еще, но вместо этого решила промолчать.

– Разве тебе не хочется поскорее увидеть брата?

Томас служил у Камерона кучером и заслуживал полного доверия.

– Конечно хочется, мадам. Просто Лондон – такое восхитительное место.

– Не то слово. Но мы должны вернуться в Крэннок-Касл.

Мэри послушно кивнула:

– Да, мадам.

Знала ли Мэри, как отчаянно желала ее госпожа покинуть Шотландию? Безысходность душила Ровену, жизнь казалась ей невыносимой, а Мэри не оставалось ничего другого, кроме как сопровождать хозяйку. Последние два месяца, проведенные в Лондоне, нисколько не облегчили жизнь миссис Гордон. Напротив, с каждым днем она все больше скучала по Камерону.

Впрочем, жизнь в Лондоне принесла свои плоды, поскольку помогла Ровене примириться с горькой правдой. Невозможно вечно бежать от самой себя.

Ровена обожала своего мужа, с ногами или без, но в последние месяцы он совершенно отдалился от нее. Муж больше не дотрагивался до нее, даже дружески, и избегал даже случайных прикосновений. Ровена любила сидеть рядом с креслом Камерона, прижимая к щеке его руку и вспоминая, как часто прежде эта ласка пробуждала в муже страсть.

Но теперь Камерон лишил ее и этого. Он медленно высвобождал руку и смотрел на жену с каким-то странным выражением, словно впервые ее видел. Или вовсе не хотел видеть.

Временами Ровена задумывалась, не рассказать ли мужу о своем одиночестве. Как бы он тогда поступил? Смерил бы ее своим холодным, невидящим взглядом? Или снова впустил бы ее в свою постель? Существовали вещи, о которых супруги никогда не говорили, хотя Ровена безумно страдала от этой недосказанности.

Миссис Гордон вышла из комнаты и стала спускаться по лестнице, гордо подняв голову и не глядя под ноги, скрытые пышной юбкой. Ее губы растянулись в улыбке, а на лице застыло приветливое выражение. Казалось, она ступает по сцене, вот-вот поднимется занавес...

То ли ее семья изменилась, то ли Ровена только сейчас начала понимать, какими жестокими и беспощадными могут быть ее родственники в своем любопытстве. Их совершенно не заботило,

что бесцеремонные вопросы жестоко ранят Ровену, словно отравленные стрелы, вонзающиеся в незащищенную плоть.

Войдя в гостиную и оказавшись лицом к лицу со своими пятью кузинами, двумя тетушками и матерью, Ровена тотчас обругала себя за глупость. Она приехала в Лондон, надеясь найти покой, а оказалась в окружении своры голодных волчиц.

Ни одна из этих женщин не попыталась даже обнять Ровену или выразить ей свое сочувствие. Но все они завидовали богатству Камерона и известности его сына. Миссис Гордон сделала глубокий вдох и приветливо кивнула родным.

Из-за поломки экипажа возвращение в Крэннок-Касл пришлось отложить до вечера. Беатрис откинулась на подушки, сложила руки на коленях и сделала вид, что смотрит в окно. Она рассчитывала вернуться в замок засветло, но когда карета тронулась наконец в путь, уже смеркалось. Беатрис угрюмо вглядывалась в сгущающиеся сумерки. Это было самое печальное время дня, когда сама природа будто была погружена в траур из-за наступления ночи.

Беатрис ненавидела мрак, всепоглощающую зловещую черноту, лишенную света. Ночь слишком остро напоминала ей о смерти. Беатрис любила утро и всегда с нетерпением ожидала рассвета, чтобы увидеть светлеющий край неба, тронутый первыми робкими лучами солнца. Утро несло с собой ощущение радости и покоя.

Приближалась ночь. Крэннок-Касл возвышался впереди мрачной громадой. Может, это сам Господь посылал ей знак, давая понять, что не следует покидать деревню? Неужели она совершила глупость, согласившись занять место гувернантки?

Начался долгий и трудный подъем в гору по узкой извилистой дороге. И снова Беатрис пришлось ехать почти в полной темноте. Временами из-за гряды облаков, словно бдительный страж, показывалась луна.

Беатрис старалась не думать о скалах, круто обрывающихся вниз справа от нее. А лошади тоже боятся высоты? Или опасности их не страшат?

- Расскажите мне о Роберте, - попросила девушка, обращаясь к Гастону. Вместо того чтобы ехать на козлах с кучером, великан предпочел присоединиться к Беатрис в карете. Теперь он сидел напротив и хранил настороженное молчание.

- Что вы хотели бы знать? - Впервые в голосе слуги послышалось одобрение. Беатрис стало стыдно, что она не догадалась раньше расспросить Гастона о ребенке.

- Чем ему нравится заниматься, какие науки его интересуют? Что он любит есть? Всякое такое.

- Думаю, будет лучше, если вы сами понаблюдаете за его светлостью, мисс Синклер. Но все же я расскажу вам о мальчике. Он горячо любил своих родителей и до сих пор тяжело переживает утрату.

- Мне это знакомо, Гастон.

- Поэтому я и думаю, что вы непременно поладите с его светлостью, мисс Синклер. Вы оба сироты. Скоро вы убедитесь, что у вас много общего.

- Так расскажите мне об этом, Гастон. Неужели после смерти родителей никто не заботится о

мальчике? У него нет наставника, который следил бы за его манерами?

– Он ведь герцог Брикин, – пожал плечами Гастон. – Его светлость стоит намного выше любого, кто осмелился бы исправлять его манеры.

– Меня не заботит его титул, Гастон. А вот манеры Роберта внушают беспокойство. Если я собираюсь быть гувернанткой мальчика, это нужно четко понимать.

Гастон устроился поудобнее на подушках и окинул девушку внимательным взглядом. При свете луны Беатрис заметила, как дрогнули в усмешке его губы. Похоже, великана позабавило ее замечание.

– Сначала нужно полюбить ребенка, а уж потом проявлять строгость. Только так можно чего-то добиться.

– Это все французская сентиментальность, У нас в Шотландии сказали бы иначе.

– И как же говорят у вас в Шотландии, мисс Синклер?

– Если желаешь ребенку добра, будь с ним поостроже.

– Кажется, ближайшие несколько недель обещают быть интересными. – Внезапно лицо Гастона приняло серьезное выражение. – Но имейте в виду: если вам что-нибудь понадобится – любая мелочь, – тут же обращайтесь ко мне. Меня легко найти, я всегда держусь рядом с Робертом.

– Так вы его защитник?

– Нет, хотя я еще никогда не встречал человека – ребенка или взрослого, – который нуждался бы во мне больше. Я служу его дядюшке.

Беатрис не ответила, задумчиво глядя в окно кареты. Экипаж свернул на подъездную дорогу и остановился у входа в замок. Гастон первым вышел из кареты и протянул руку, помогая Беатрис спуститься с подножки. Девушка осторожно ступила на землю, приподняв длинные полы плаща. Как ни берегла она плащ, днем в деревне к нему все же пристала грязь. Беатрис было неловко возвращать его владельцу в таком виде.

По обе стороны от парадной двери ярко горели фонари. Свечи стояли даже на ступенях лестницы, словно по случаю торжественного приема.

– В Крэнноке принимают гостей? – удивленно спросила Беатрис. Со дня смерти родителей Роберта прошло меньше года, и было бы странно устраивать в замке торжества.

Гастон усмехнулся в ответ:

– Нет. Просто мистер Девлен не скупится на свечи. Всякий раз, приезжая в замок, он велит зажигать как можно больше свечей. Иногда мне даже кажется, что ему бы хотелось обратить в бегство саму ночь.

Беатрис пожалела, что не успела расспросить Гастона о Девлене. Она явно упустила свой шанс, потому что Девлен уже стоял перед ней, ослепительно элегантный, в строгом черном костюме и белом галстуке. Его дневной наряд показался Беатрис верхом изящества, но в вечернем костюме Девлен был просто неотразим. Совершенный красавец, великолепный словно принц.

- Гастон, - окликнул он слугу. - Отец спрашивал о тебе.

Гастон коротко поклонился Беатрис и посмотрел в сторону замка.

- Мне следует позаботиться о Роберте, - сказала девушка.

- Глупости, - возразил Девлен. - Вы вполне можете приступить к своим обязанностям завтра. - Он выразительно взглянул на Гастона. - Я провожу мисс Синклер в ее комнату.

Гастон снова поклонился и ушел. Его фигура растаяла в темноте, будто призрачная тень, порождение ночи.

Глава 8

- Вам вовсе, не обязательно провожать меня, - нахмурилась Беатрис. - Думаю, я и сама смогу найти дорогу.

- Вы в этом уверены? Крэннок-Касл довольно велик, в нем легко заблудиться..

- Вы проводили меня, а теперь встречаете. Почему?

- Может быть, я решил сыграть роль местного мажордома, а может, мне просто не хватало вас.

И она принимала его всерьез? Неужели он флиртует с ней? Почему-то в обществе Девлена Беатрис чувствовала себя неловко, как будто ее недавний знакомый отличался гигантским ростом и возвышался над ней словно гора.

Какая глупость! Девлен Гордон - всего лишь мужчина. Не больше и не меньше. В этом он ничем не отличается от булочника, мясника, серебряных дел мастера или любого другого из тех, кого Беатрис встречала в своей жизни. Одни оказывались храбрее других, некоторые выделялись большей смелостью в речах или в одежде. Кто-то держался вежливо и обходительно, а иные вели себя довольно бесцеремонно, едва ли не грубо.

Но никто из них не был так красив. Никто не обладал таким глубоким, звучным голосом. Этот голос оказывал на Беатрис странное действие. Ей хотелось слушать его как можно дольше. И было не важно, о чем говорил его обладатель.

Но сейчас она очень устала и жестоко страдала от голода.

- Уверяю вас, мистер Гордон, я хорошо представляю себе, насколько велик замок. Откровенно говоря, не думаю, что такой уж большой подвиг - найти комнату, в которой я провела прошлую ночь.

- А как вы собираетесь искать столовую, мисс Синклер?

Он встал рядом и предложил Беатрис руку, поставив девушку перед выбором: показать возмутительную невоспитанность или опереться на его руку.

Беатрис всегда учила вести себя вежливо. Она не могла намеренно оскорбить Девлена, сделав вид, что не замечает его жеста, а робко протянула руку и слегка коснулась пальцами чудесной ткани его сюртука. Но ее рука, по-видимому, обладала собственной волей. Пальцы Беатрис скользнули по рукаву, поглаживая и сжимая руку Девлена, словно желая оценить, насколько крепкие у него мускулы.

Девлен посмотрел на нее. Их взгляды встретились, и у Беатрис перехватило дыхание. Ей показалось, что кто-то туго затянул корсет у нее на талии, не давая вздохнуть. Кожа и китовый ус врезались в ее плоть, заставив Беатрис вспомнить о том, что у нее есть тело. Внезапно она отчетливо ощутила, как наливаются тяжестью бедра, талия и грудь. Тело вдруг стало чужим, незнакомым, слишком пышным и мягким, чтобы принадлежать ей.

Она едва не произнесла что-то, желая отвлечь Девлена, хотела заставить его посмотреть на море, или на небо, или даже на ее туфли – куда угодно, лишь бы он перестал пристально смотреть ей в глаза. Беатрис не могла отвести взгляд от лица Девлена. В пляшущем свете фонаря оно казалось то ангельским ликом, то личиной дьявола. Он был слишком красив, слишком ярок, слишком обворожителен, чтобы стоять в темноте рядом с ней. Одна из лошадей шумно перебирала ногами, а остальные громко всхрапывали, напоминая непонятливым человеческим существам, что ночь становится все холоднее и не мешало бы вернуться в конюшню, к кормушке с овсом.

– Мне нужно идти. – Она плотнее запахнулась в плащ Девлена. Ей бы следовало вернуть его владельцу, но Беатрис чувствовала, что не в силах это сделать.

«А он опасен».

Беатрис не могла бы сказать, почему вдруг ей пришли в голову эти слова, но она хорошо понимала их смысл. Девлен Гордон принадлежал как раз к тому типу мужчин, против которых матери предостерегают своих дочерей. О таких, как он, перешептываются в гостиных, делая страшные глаза. Сплетни будут преследовать Девлена до конца его дней. Женщины, даже самые добродетельные и целомудренные, всегда будут обращать на него внимание. А женщины другого сорта станут мучительно раздумывать, действительно ли в его глазах таится обещание.

– Вы здесь гостя, и было бы в высшей степени невежливо позволить вам самой искать свою комнату.

– Я не гостя, или вы забыли? Я гувернантка.

– Но элементарные правила вежливости распространяются и на вас.

– Так позовите горничную, – возразила Беатрис. – Или одного из лакеев. Да хотя бы и конюха, если он знаком с расположением комнат в замке. Любой слуга мог бы мне помочь.

– У нас в Крэннок-Касле очень мало слуг. Мой отец до крайности скуп. Мы держим лишь малую часть той прислуги, на которую мог бы рассчитывать мой кузен по праву рождения. Не хочется отвлекать никого из них от работы.

– Вы его осуждаете?

– Что, простите?

Задав вопрос, Беатрис тут же пожалела об этом. Как она только осмелилась? Может, во всем виноват Девлен Гордон? В присутствии этого человека с ней творилось что-то неладное. Как нарочно, брали верх самые худшие стороны ее натуры. Но нет, Девлен тут ни при чем. К несчастью, изъян был в ней самой.

– Вы всегда так откровенно говорите все, что думаете? – поинтересовался Девлен.

– Прошу прощения, я поступила дурно и признаю это.

- Я нахожу вас на редкость занятой особой, мисс Синклер. Возможно, вы как раз то, что нужно моему кузену.

- Почему вы так решительно настроены против того, чтобы я заняла место гувернантки?

- Боюсь, у меня масса возражений на этот счет, мисс Синклер. Вы слишком молоды. Слишком привлекательны. И наконец, вы слишком наивны. Вам не под силу тягаться с моим отцом. И я сильно сомневаюсь, что вы сумеете обуздать моего кузена.

Беатрис недоуменно нахмурилась. Слова Девлена привели ее в замешательство. Что она такого сказала? Из-за чего он разразился этой длинной тирадой?

В конце концов Беатрис решила ответить только на оскорбления, а комплименты можно обдумать и позже, уединившись в спальне.

- И вовсе не наивна. Я довольно много читала.

- Чтение хоть и полезно само по себе, но не способно заменить жизненный опыт.

- Я не ребенок, сэр.

- Если бы я увидел вас на улице Эдинбурга, мисс Синклер, то никак не подумал бы, что вы похожи на ребенка.

Беатрис внезапно почувствовала легкое покалывание в пальцах на руках и ногах, кончик носа отчаянно зачесался, лицо залилось краской. Ей страшно хотелось спросить, что бы подумал Девлен, повстречав ее на улице в Эдинбурге, но на этот раз ей удалось сдержаться. В ней проснулась осторожность. Беатрис боялась увязнуть в словесной паутине, которую так искусно плел Девлен Гордон.

- Очень хорошо, - отозвалась она любезно-снисходительным тоном почтенной матроны. - Значит, мне придется убедить вас, что вы не правы. Я докажу, что могу быть хорошей гувернанткой.

Несколько долгих мгновений Девлен молчал, неподвижно глядя на девушку, словно она бросила ему вызов и он теперь раздумывал, стоит ли его принять.

- Я оскорбил вас, мисс Синклер? Поверьте, я вовсе этого не хотел.

- Уверю вас, мистер Гордон, я вовсе не чувствую себя оскорбленной.

Девлен бросил взгляд поверх плеча Беатрис на кучера. Тот терпеливо стоял рядом с лошадьми, ожидая дальнейших распоряжений. Гордон коротко кивнул, и кучер повел беспокойно всхрапывающих животных прочь по боковой дорожке. Беатрис догадалась, что в той стороне расположена конюшня и другие служебные постройки.

- Гастон сказал, что это вы приказали зажечь Свечи, - заметила она, разглядывая Крэннок, необычайно живописный на черном бархате ночного неба. Сотни огоньков из восковых свечей наполнили замок золотистым сиянием.

- Глупо не использовать свое богатство, когда оно может облегчить мою жизнь. Я не люблю ночь.

Беатрис не смогла скрыть, удивление.

- Вы боитесь темноты?

- Вовсе нет. Но темнота мешает мне ходить куда хочется, отнимает у меня время, а я этого терпеть не могу.

- Поэтому вы превращаете ночь в день?

- Пытаюсь.

- Так вы очень богаты? Деньги делают вас счастливым? - Господи, и зачем только она это сказала? Чтобы смягчить свои слова, Беатрис поспешно задала еще один вопрос: - Должно быть, вы путешествуете с сундуками, полными свечей?

- Собственно говоря, да, мисс Синклер. А еще я держу в карете пистолеты и другие вещи, способные обеспечить мне надежную защиту. Моя нелюбовь к темноте не ограничивается стенами Крэннок-Касла.

- И даже если вы оказываетесь на борту корабля? Ведь там огонь особенно опасен. Вам и там позволяют зажигать свечи?

- Я предпочитаю путешествовать на своих собственных судах, так что мне бывает нетрудно уговорить капитана примириться с моими причудами. К тому же обычно я ограничиваюсь фонарями и зажигаю их только при ясной погоде. Однажды мне довелось пережить довольно любопытное приключение у мыса Горн во время шторма. В полной темноте. Но мне не хотелось бы повторить этот опыт. Океан напоминал адскую пучину, куда я едва чуть было не отправился.

Беатрис никогда не встречала людей, подобных Девлену казалось, он отлично знал о своих слабостях и страхах, но не придавал им значения. Девлен не отрицал, что избегает темноты, и даже не пытался придумать себе оправдание.

- Я тоже не люблю темноту, - призналась девушка, когда Девлен открыл перед ней дверь. Беатрис вошла в холл и взглянула на люстру. Сотни зажженных свечей озаряли холл золотисто-медовым сиянием. - В отличие от вас я не богата и не могу превратить ночь в день.

- И как же вы выходите из положения, мисс Синклер?

- Приходится терпеть, мистер Гордон.

- Вот в чем разница между нами. Мне не хватает терпения. Думаю, это обманчивая добродетель. - Девлен, поднимавшийся по лестнице впереди Беатрис, оглянулся и с интересом взглянул на девушку. - А что вы делаете, когда вдруг просыпаетесь посреди ночи? Или вы всегда спите сном праведницы?

Беатрис улыбнулась, заметив любопытство в глазах Девлена.

- Я крепко зажмуриваюсь и читаю про себя молитву, чтобы поскорее заснуть. Ребенком я проводила большую часть ночи под одеялом. Я придумала себе убежище. Там со мной пряталась моя кукла, мое воображение и мои мечты.

- И о чем же вы мечтали?! - спросил Девлен, снова предлагая девушке руку. Но Беатрис предпочла ухватиться за перила. Она и ее спутник шли медленно и неторопливо, словно прогуливались по саду. Беатрис немного задумалась, прежде чем ответить:

– Я мечтала стать певицей, хотя у меня и нет голоса. Потом мне хотелось быть сказочницей. Я воображала, как все сидят и слушают меня, будто я говорю что-то очень важное.

– Так вы представляли себя учительницей?

– Я никогда не думала об этом, но, пожалуй, вы правы. А может быть, мне просто хотелось, чтобы кто-то обратил на меня внимание. Я была единственным ребенком в семье. И, как это обычно бывает, большую часть времени проводила в одиночестве.

– Кажется, мы в этом похожи. Моя мать умерла вскоре после моего рождения.

– А о чем вы мечтали ребенком? Воображали себя рыцарем Роберта Брюса? [2]

– Ну, если на то пошло, я сражался на стороне англичан, – улыбнулся Девлен. – Моя семья вот уже добрую сотню лет как не испытывает ненависти к англичанам. Думаю, Куллоденское сражение изгнало мятежные чувства из большинства шотландских сердец.

– Вот и еще одна общая черта у нас с вами. Моя бабушка была француженкой, она свято верила, что Франция – величайшая страна на земле. Бабушка вечно поднимала на смех все шотландское или английское. Еще ребенком я решила, что лучше всего не ограничиваться чем-то одним, а сочетать в себе черты разных народов. Так что английский практицизм уживается во мне с шотландской старательностью.

– И с французской страстностью?

И снова Беатрис бросило в жар. Ее тело запылало в самых неожиданных местах.

– Не одни французы считаются страстными, мистер Гордон. Шотландцы нисколько им не уступают.

Достигнув конца лестницы, Девлен повернул налево, а Беатрис, если бы шла одна, непременно свернула бы направо. Конечно, она не призналась в этом вслух, но мысленно поблагодарила своего назойливого провожатого.

В коридоре оказалось гораздо меньше свечей, но и те, что горели в нишах, давали достаточно света. Несмотря на скромный штат прислуги в замке, вощеные полы сверкали до блеска. На выстроенных вдоль стен столах и сундуках не было ни пылинки, а зеркала в обоих концах коридора ярко сияли.

Беатрис и ее спутник снова свернули налево, поднялись по короткой лестнице и оказались в другом просторном коридоре. У третьей по счету двери Девлен остановился.

Несколько долгих мгновений оба молчали. Потом Гордон повернулся и взял Беатрис за руку. Его ладони, сухие и горячие, сжали ее пальцы. Беатрис попробовала высвободить руку, но Девлен и не подумал ослабить захват, и ей пришлось сдаться.

– Почему вы вырываетесь?

– Потому что вы не отпускаете меня. Вам не следует держать меня за руку.

– Но мне нравится держать вас за руку.

– Мне тоже. Это меня и смущает. – Девлен улыбнулся, а Беатрис вдруг пронзило безрассудное желание протянуть руку и отбросить с его лба непослушную прядь волос. Может быть, тогда

этот непостижимый человек снова показался бы ей таким же неприступным, как прежде? – С вами я чувствую себя защищенной, мистер Гордон. словно кто-то и в самом деле заботится обо мне. Но это глупое и наивное чувство.

– Обед будет подан через час, – медленно произнес он, разглядывая ее ладонь. – У вас прелестная ладонь, мисс Синклер. Такие четкие, выразительные линии.

– В самом деле?

Она снова попыталась мягко высвободить руку, но Девлен не пожелал ее отпускать. Он чуть крепче сжал запястье Беатрис, словно намереваясь показать, что освободит ее, лишь когда сам этого захочет.

– Значит, вы страстная натура. Это правда? – Утихнувшее было ощущение вспыхнуло вновь, и новая жаркая волна обожгла Беатрис. – Я вижу, у вас впереди очень долгая жизнь. И счастливая жизнь, если вы верите в подобные вещи.

– В долгую счастливую жизнь? Или в гадания по руке? – На этот раз Беатрис удалось вырвать руку. – Большое спасибо, что проводили меня, мистер Гордон. Весьма признательна вам за любезность.

Беатрис в смятении шагнула в комнату, и улыбка Девлена стала еще шире. А когда девушка попыталась закрыть за собой дверь, он наклонился и вдохнул запах ее волос.

Беатрис замерла, в немом изумлении глядя на Девлена. Потом растерянно пригладила волосы ладонью. Жест Гордона совершенно обескуражил ее.

– От вас пахнет розами, – задумчиво заметил Девлен. – Или фиалками... не могу точно определить. Вы душили волосы или просто добавляете аромат в воду, когда моете голову?

Ни один мужчина еще не задавал Беатрис подобных интимных вопросов. Даже отец, которому иногда случалось испытывать неловкость в окружении двух женщин.

– Вы специально спросили, чтобы посмотреть, насколько это меня смутит? Хотели увидеть, как я расплачусь или начну хихикать, как маленькая девочка? Уверю вас, я не собираюсь делать ни то ни другое. Вы довольно назойливы, мистер Гордон.

– Но всего-минуту назад я был вашим защитником.

– Откуда вам, холостяку, известны женские привычки? Хотя у вас наверняка куча любовниц, не так ли? – В следующий миг Беатрис прижала руку к губам, словно стремясь взять обратно неосторожно брошенные слова.

Девлен рассмеялся, довольный ее ответом, как будто только и хотел вывести девушку из себя.

Беатрис так быстро захлопнула дверь, что защемила край платья вместе с нижней юбкой. Девлен сам приоткрыл дверь, наклонился и освободил юбки.

– Я пришлю горничную, чтобы она проводила вас в столовую, мисс Синклер. И поверьте, я с нетерпением жду обеда.

вернуться

Роберт Брюс (1274-1329) – шотландский король (с 1306); возглавил борьбу за независимость Шотландии.

Глава 9

Беатрис не могла избавиться от мысли, что выставила себя полной дурой, и все же взяла в руки щетку и провела по волосам не меньше ста раз. Она совершала этот ритуал каждый вечер в напрасной надежде, что так волосы быстрее отрастут. Внимательно изучив себя в зеркале, она скорчила гримасу.

Горничная оставила на умывальнике кувшин со свежей водой и несколько чистых салфеток. Беатрис расстегнула платье до талии и умылась, уделив особое внимание шее и верхней части груди, где все еще чувствовался странный жар.

Девлен сказал, что ее волосы пахнут духами, но Беатрис лишь воспользовалась остатками ароматной воды, полученной в подарок на день рождения два года назад. Она всего-то провела пальцем за ухом и слегка коснулась висков, а он подумал, что она благоухает как флакон с розовым маслом.

Пожалуй, следовало бы вести себя осторожнее в его присутствии. Но красота Девлена и его таинственная притягательность смущали Беатрис. Даже когда он просто стоял рядом, не делая ничего предосудительного, ее сердце начинало биться чаще. Конечно, поддаваться его чарам – безумие, ведь мистер Гордон определенно был человек искушенный. Но Беатрис отличалась робостью в общении с людьми, а с мужчинами в особенности.

Джереми – единственный, кто уделял ей много внимания, но это продлилось лишь несколько коротких недель. А потом, по всей вероятности, матушка посадила его перед собой и объяснила, что Беатрис – дочка бедного учителя – не пара такому, как он, многообещающему молодому человеку из хорошей семьи.

Что бы сказал Джереми, если бы узнал, что бедняжка Беатрис очарована кузеном герцога?

Неужели она и впрямь слишком костлявая? Разве что самую малость. Стоит провести в замке пару недель, питаясь три раза в день, и никто уже не назовет ее тощей и голодной. И глаза у нее теперь не такие тоскливые, как несколько дней назад. Удивительно, как быстро в душе расцветает надежда, стоит только получить работу.

Но Беатрис не думала, что надолго задержится в Крэннок-Касле. Она сомневалась, что сумеет сохранить за собой место гувернантки даже до конца недели, особенно если Роберт действительно такой трудный ребенок, каким он показался ей при первой встрече. Но девушка решила для себя, что станет стараться изо всех сил. А когда недолговечная служба закончится, можно попытаться найти другую. В любом случае неплохо поработать на герцога хотя бы какое-то время. Кто знает – может, в будущем это ей пригодится.

Беатрис села на кровать, натянула чулки и принялась оттирать от грязи старенькие туфли салфеткой. Приведя в порядок обувь, она подошла к зеркалу и разгладила руками корсаж и юбку.

Может, стоит перешнуровать корсет? Нет, он достаточно тугой, может быть, даже слишком, потому что грудь ее выпирала вперед словно нос корабля.

К счастью, утром служанка отутюжила платье Беатрис, которое, говоря откровенно, выглядело

намного лучше, чем остальные два, составлявшие весь ее гардероб. Платье принадлежало матери Беатрис, а та надевала его крайне редко. Правда, юбка оказалась немного коротковата. Беатрис распоролла низ, но на подоле остался заметный след. С этим пришлось как-то смириться. Она застегнула пуговицы на корсаже, затем вымыла руки и в последний раз оглядела себя в зеркале.

В дверь постучали. Беатрис решила, что пришла служанка, чтобы проводить ее в обеденный зал, но на пороге она увидела Камерона Гордона в кресле на колесах и с увесистым свертком на коленях. – Камерон протянул его ошеломленной девушке.

Она взяла сверток и широко распахнула дверь, не зная, то ли сделать реверанс, то ли пригласить Камерона войти. Даже в инвалидном кресле этот человек выглядел величественно, словно восседающий на троне король.

Камерон сам разрешил сомнения Беатрис. Он ухватился за колеса и вкатил кресло в комнату, а затем жестом приказал девушке закрыть дверь.

– Это не подарок, а необходимая мера, – произнес он, кивнув в сторону свертка.

Камерон выжидающе замолчал, и Беатрис поняла, что ей следует развернуть бумагу.

Внутри оказалась великолепная накидка из темно-синей шерсти, мягкая и невероятно теплая на ощупь.

– Какая прелесть!

– Эта вещь принадлежала моей покойной жене. У вас тот же размер, мисс Синклер. Накидка будет куда уместнее, чем плащ моего сына. – Щеки Беатрис вспыхнули. Неужели этому человеку известно все, что происходит в Крэннок-Касле? – К сожалению, я здесь в качестве вашего нанимателя, мисс Синклер. – Камерон направил кресло к окну и жестом велел Беатрис сесть за стол рядом с ним.

В обществе Камерона девушка явно испытывала неловкость (отчасти потому, что была намного выше его ростом). К тому же она никогда прежде не встречала людей, навсегда прикованных к инвалидному креслу.

Беатрис хотелось показать Камерону, что она глубоко сочувствует его несчастью, но она совершенно не представляла себе, как это сделать, тем более что объект ее жалости недвусмысленно давал понять, что в жалости не нуждается. Беатрис в полном молчании села и сложила руки, на краю стола, ожидая продолжения разговора.

– Как ваш наниматель, я считаю своим долгом предостеречь вас.

– Я сделала что-то не так, мистер Гордон?

– Ровным счетом ничего, мисс Синклер. Ваша вина единственно в том, что вы молодая женщина, лишившаяся семьи. – Камерон выдержал паузу. – Мой сын – очень красивый мужчина. – Беатрис снова залилась краской. Почему-то в Килбридден-Виллидж ей не приходилось так часто краснеть. – Мне бы не хотелось, чтобы вы пополнили список его побед. – Беатрис смутилась еще больше. Одно дело – вести себя глупо, и совсем другое – когда тебя отчитывают за глупость. – Вы вели душевные беседы с моим сыном, не так ли?

– Мы действительно разговаривали несколько раз.

- Так это обычно и начинается, мисс Синклер. Впечатлительные юные леди вроде вас вначале вступают в разговор, а потом поддаются мужским чарам. А дальше, сами того не ведая, оказываются вовлечены в отношения, которые повергли бы в ужас их родителей. Поскольку вы одна на свете, я обязан вовремя вас предупредить.

Беатрис прижала ладони к столу, не глядя на Камерона, а потом опустила руки на колени и сцепила пальцы.

- Хотя я и одна на свете, это еще не делает меня безрассудной, сэр.

- Что ж, вы меня приободрили. Полагаю, будет разумнее, если вы откажетесь от визитов в столовую. По крайней мере пока из Лондона не вернется моя жена. Уверен, вы понимаете почему. А до тех пор мы с сыном станем жить по-холостяцки. Итак, решено: вам будут доставлять еду в комнату, мисс Синклер.

- Конечно, - согласилась Беатрис, не поднимая глаз, чтобы ненароком не показать, как глубоко она разочарована.

Закрывая дверь за отцом Девлена, Беатрис поймала себя на мысли, что не доверяет ни одному из Гордонов. «Пожалуй, впредь лучше будет скрывать свои чувства от них обоих», - решила она.

Несколько минут спустя горничная принесла поднос, полный яств. Как и в прошлый раз, Беатрис не могла пожаловаться на отсутствие выбора. Блюда и соусники едва поместились на столе.

Девушка слишком долго страдала от голода, чтобы пренебрегать едой. После первой же ложки лукового супа Беатрис уже нисколько не задевало, что она обедает одна в своей комнате.

Она с удовольствием попробовала нежные овощи - картошку с морковью и фасолью, - приправленные острым соусом, а чудесный ростбиф оказался таким сочным, что Беатрис легко справилась с ним без помощи ножа. К аппетитным булочкам, покрытым хрустящей корочкой, ей подали горшочки с маслом и медом. Горничная поставила на стол и графин с вином, никак не меньше стакана. Беатрис неторопливо приступила к еде, смакуя каждый крохотный кусочек и наслаждаясь терпким вкусом вина. Пиршество заняло у нее больше часа.

Она не стала задергивать шторы и села перед окном, разглядывая темные холмы и деревню, видневшуюся где-то далеко внизу. Мерцающие огни у подножия горы напоминали звезды, но Беатрис знала, что это огоньки свечей. Там, в озаренных золотистым сиянием комнатах, сидят и разговаривают люди, делятся своими заботами, смеются или ссорятся.

В том мире нет места одиночеству. Там обсуждают еще один прожитый день, жалуются на жизнь, говорят о любви, пережевывают повседневную рутину, засыпают друг друга вопросами и отвечают.

Иногда Беатрис так не хватало прикосновения другого человеческого существа, что к горлу подступали рыдания. Временами ей хотелось просто с кем-то поговорить, посмеяться.

Она была одна в целом мире, где никого не заботило, жива ли она или давно умерла.

На какое-то мгновение Беатрис едва не поддалась отчаянию, но усилием воли заставила себя не думать об одиночестве. Пусть у нее не осталось никого, кто любил бы ее, но она обязательно найдет себе такого человека. Друга, или знакомого, или даже ребенка, такого, как Роберт.

Кого-то, кому будет приятно находиться в ее обществе.

Одинокая жизнь без любви или привязанности противна человеческой природе. Проходят дни, но никто не скажет тебе: «Как ты? Хорошо ли тебе? Я вижу, ты улыбаешься! Почему глаза твои полны слез?»

Беатрис с досадой посмотрела на пустой бокал. Должно быть, это вино заставило ее так нелепо расчувствоваться.

Она поднялась, раскрыла окно и вдохнула свежий ночной воздух. Ветер утих, но стало заметно прохладнее. Беатрис не торопилась закрывать окно. Она накинула на плечи свою новую накидку и вгляделась в темноту, где мерцали дразнящие огоньки. Одиночество и гнев душили ее.

Мечтательница Салли обычно смеялась над ней: «Глупая девочка, ведь никогда не знаешь, что может случиться завтра. Вдруг произойдет что-то удивительное, невероятное, а ты сидишь и вздыхаешь, мрачная как туча».

Но Беатрис никогда не обладала жизнерадостностью своей подруги. И в конечном счете радужные мечты Салли не уберегли ее от холеры.

Стук в дверь вывел Беатрис из задумчивости. Она ожидала увидеть горничную, вернувшуюся забрать посуду, но на пороге стоял Девлен.

Если Камерона Гордона Беатрис впустила в свою комнату без малейших колебаний, то при виде его сына она не поспешила распахнуть дверь. В ней заговорила осторожность. Девлен не был прикован к инвалидному креслу. Этот молодой и красивый мужчина отличался дьявольским обаянием и, если верить его отцу, умело им пользовался, соблазняя доверчивых девушек. Но Беатрис не собиралась становиться его жертвой.

– Мисс Синклер. – Девлен учтиво поклонился. – Я пришел убедиться, что вы здоровы. Отец сказал, вы неважно себя чувствуете.

– Да? Он так сказал?

– Мне хотелось убедиться, что это не так. Вы выглядели вполне здоровой, когда мы расстались.

– Все хорошо, спасибо.

Оба держались довольно вежливо, но в глазах Девлена горел хищный огонек. Внезапно лицо его помрачнело, а улыбка исчезла.

– Я чем-то обидел вас?

Этот неожиданный вопрос так удивил Беатрис, что она застыла на месте, держась рукой за дверь и не сводя глаз с Девлена.

– Нет.

– Тогда почему же вы не спустились в обеденный зал?

Беатрис не прослужила в замке и одного дня, но уже оказалась втянута в семейную интригу. Она не знала, что ответить. Что Гордон-отец советовал ей опасаться Гордона-сына? Девлен не жил в Крэнноке постоянно. Он всего лишь гостил здесь, а Камерон как-никак был ее

нанимателем.

И все же она не решилась солгать.

– Я получила огромное удовольствие от обеда у себя в комнате, – уклончиво ответила она, надеясь, что ей удастся избежать дальнейших расспросов.

В глазах Девлена мелькнуло сомнение, но он промолчал.

В этот миг Беатрис почувствовала себя необычайно беззащитной и уязвимой, ей страстно хотелось разделить с кем-нибудь свое одиночество, но Девлен представлялся ей самой неподходящей компанией. Как там говорил его отец? Все начинается с разговоров, потом вступают в действие чары. А ей уже довелось испытать на себе силу обаяния Девлена.

Внезапно он протянул руку и коснулся ее щеки.

– Вы очаровательны, мисс Синклер. Но почему у вас такой печальный вид?

Вопрос застал Беатрис врасплох. Ей хотелось сказать, что она совершенно безоружна перед его добротой, но вместо этого девушка попыталась закрыть дверь. Девлен ухватился за косяк, и Беатрис с мольбой взглянула на него.

– Пожалуйста, – единственное, что она сумела выдать из себя.

– Мисс Синклер. – Ему не следовало произносить ее имя так ласково, таким проникновенным голосом.

– Пожалуйста, – в панике повторила Беатрис, протянула руку и накрыла его ладонь своей, потом медленно разжала пальцы Девлена, заставив его выпустить косяк. В ответ он поспешно схватил ее за руку.

Беатрис закусила губу, не зная, как ей теперь закрыть дверь. И тогда Девлен сделал что-то очень странное. Он наклонился и прижался губами к ее щеке. Это был поцелуй.

Ее никогда еще никто не целовал.

Беатрис ожидала большего, но ощущение оказалось слишком ошеломляющим.

Губы Девлена, теплые и мягкие, нежно коснулись ее кожи. На мгновение Беатрис почувствовала на щеке его дыхание, и всю ее охватило странное волнение.

Девлен выпрямился и снова слегка поклонился.

Извинение? Или простая вежливость?

Беатрис захлопнула дверь и бессильно привалилась к ней, прижавшись лбом к темному дереву. Она коснулась пальцами щеки там, где поцеловал ее Девлен. Щека горела. Он ушел, но воспоминание о его поцелуе осталось, смущая и волнуя Беатрис.

– Оставь в покое воробышка.

Девлен повернулся и угрюмо посмотрел на отца, сидевшего в тени в конце холла.

- Мисс Синклер? Почему вы называете ее воробышком? Должно быть, себя вы считаете ястребом? Коли так, то вам, похоже, подрезали крылья, отец.

- Если бы ты стоял ближе, я бы ударил тебя за эти слова.

Камерон направил кресло в полосу света, и Девлен уже не в первый раз подумал, что отец напоминает ему злобного паука, неслышно скользящего по полу на обтянутых кожей колесах. В Крэннок-Касле насчитывалось великое множество пандусов, поэтому Камерон мог легко проникнуть куда угодно, кроме разве что верхушек башен.

- Думаю, тебе самое время вернуться в Эдинбург, Девлен. Боюсь, ты слишком надолго задержался здесь. Не стоит злоупотреблять гостеприимством.

- Пожалуй, вы правы.

Девлен направился к дверям, но остановился посреди холла и снова обернулся к отцу.

- Оставьте девушку в покое. Не превращайте ее в очередную свою жертву.

Камерон рассмеялся.

- Странно. Я сказал ей совершенно то же самое насчет тебя, Девлен.

Глава 10

Готовясь ко сну, Беатрис достала из саквояжа ночную сорочку.

Утром она непременно скажет Девлену Гордону, что не позволит целовать себя всякий раз, когда ему этого захочется. Подобные нежности допустимы лишь между будущими супругами, и то тайком.

Как гувернантка, она вправе рассчитывать на уважительное отношение. Дешевый флирт не для нее. Она не какая-нибудь игривая горничная, которую можно зажать в темном углу и задрать на ней юбку.

Беатрис мгновенно представила себе Девлена Гордона, проделывающего именно это. Мысль о том, что Девлен способен на такой неблагоприятный поступок, привела ее в неопишемую ярость. И сколько же побед одержал он в Крэннок-Касле? Можно не сомневаться: каждая незамужняя служанка в этом доме испытала на себе его чары в полной мере.

Да как он только посмел поцеловать ее?

Беатрис и Салли часто говорили о подобных вещах в детстве. Они строили догадки, рассуждая о том, что такое любовь между мужчиной и женщиной. У каждой из девочек имелась на этот счет собственная теория, и даже не одна. Их чрезвычайно занимал вопрос, что именно делает мужчина в постели и каково при этом женщине. Интересно, что бы сказала Салли о Девлене Гордоне?

Наверняка она развеселилась бы, узнав о поцелуе, и принялась поддразнивать Беатрис. Поцелуй в щеку, только и всего. Беатрис подошла к постели, взбила подушки и откинула покрывало. На постели лежала змея.

На чудесной мягкой постели, поверх простыней цвета слоновой кости лежала мертвая змея с

размозженной головой. Эта змея была неядовитой, Беатрис не раз видела таких у себя в саду.

«Несчастное безобидное создание!»

Девушка дернула за шнур звонка. Вскоре появилась горничная. Бедняжка едва держалась на ногах от усталости. Беатрис спросила ее, где находится комната Роберта.

– Вы хотите узнать, где комната его светлости? – уточнила служанка.

«Семилетнему мальчишке не идет на пользу, когда его постоянно величают его светлостью», – подумала Беатрис.

– Да, пожалуйста, – произнесла она вслух.

– Спальня герцога в конце коридора, мисс. Большие двойные двери. – Беатрис высунула голову за дверь и окинула взглядом холл. Как и говорила горничная, в конце коридора она увидела двойные двери. – Когда родители герцога умерли, его светлость настоял на том, чтобы переехать в их покои. Герцоги Брикины всегда предпочитали жить в этих комнатах.

– Даже в семилетнем возрасте?

Горничная выглядела слегка смущенной. Вопрос явно озадачил ее, и Беатрис, сжалившись над девушкой, пожелала ей доброй ночи.

Прежде чем служанка скрылась из вида, Беатрис окликнула ее:

– Как вас зовут?

– Абигейл, мисс, – откликнулась та, приседая в реверансе.

– Спасибо, Абигейл. Простите, что побеспокоила вас.

Служанка улыбнулась. Ее пухлые щеки мгновенно покрылись румянцем.

– Все в порядке, мисс.

Беатрис накинула капот, взяла в руки злосчастную змею и вышла из комнаты. Достигнув конца коридора, она решительно постучала в дверь. Ответа не последовало. Тогда она повернула ручку и вошла.

В передних покоях горела неяркая лампа. пышные занавеси отделяли это помещение от остальных апартаментов. Беатрис раздвинула драпировки и застыла, изумленная размерами комнаты. Этот огромный зал занимал, должно быть, добрую часть восточного крыла Крэннок-Касла.

В дальнем конце комнаты на возвышении стояла громадная кровать с малиново-золотым пологом. Беатрис она показалась раза в два шире, чем ее собственная. Когда девушка подошла поближе, маленькая фигурка, съездившаяся посередине кровати, села и уставилась на нее.

– Что вы здесь делаете? – насупился Роберт.

– Я пришла, чтобы вернуть вам змею и задать один вопрос. – Беатрис осторожно положила мертвую змею на край постели. – Вы сами убили ее?

- А какая вам разница?

- Если убили вы, я бы сочла вас чудовищем. Несчастное создание ничем не заслужило подобную смерть.

Мальчик уселся на корточки и подпер кулаками бока.

- А если эта тварь меня укусила?

- Если она это и сделала, то только чтобы защититься. Она ведь намного меньше вас.

- Я не убивал ее, а нашел уже мертвой. Наверное, ее переехало каретой.

- Хорошо, - кивнула Беатрис и повернулась, чтобы уйти.

- А вы не испугались?

- Я пережила эпидемию холеры. Теперь меня уже ничем не испугаешь. А вам бы следовало знать, что некоторые змеи - наши добрые друзья. Они питаются грызунами и насекомыми.

- Откуда вы это знаете?

- Я прочитала об этом в книге.

- А вы мне ее покажете?

- Возможно, если вы не будете подкладывать змей мне в постель.

- Приказываю вам показать мне эту книгу.

- Можете приказывать, сколько вам заблагорассудится, - спокойно возразила Беатрис. - Я гувернантка, а не служанка. И я не желаю слышать, как вы разговариваете со слугами в подобном тоне. Если вы герцог, так и ведите себя как герцог. - Мальчик посмотрел на нее с таким удивлением, словно ему сказали, что у него две головы. - А теперь спите. Завтра мы похороним это бедное создание.

- Повелеваю вам остаться.

Беатрис смерила юного герцога задумчивым взглядом.

- Думаю, вы очень избалованный мальчик, которому пришлось пережить большое горе. Но это еще не дает вам права вести себя грубо и обижать других, в особенности меня.

Роберт снова удивленно раскрыл рот.

- Это еще почему?

- Потому что я пережила такую же утрату. Я прекрасно знаю, что значит потерять родителей.

- Вы спите по ночам?

- Какой странный вопрос. Конечно, сплю.

- А я нет. Стоит мне заснуть, и я вижу кошмары.

Беатрис подошла к кровати Роберта, положила на пол змею и присела на край постели. Потом прислонилась к одному из столбиков кровати, подтянула колени к подбородку и обхватила их руками.

- Расскажите мне о своих кошмарах, - попросила она.

Мальчик посмотрел на гувернантку так, словно раздумывал, не приказать ли ей убраться из комнаты. Но соблазн разделить хоть с кем-нибудь свое одиночество оказался слишком велик. Беатрис безошибочно угадала, что Роберт подвержен тем же слабостям и страхам, что и она сама. Их разделяли два десятилетия, они принадлежали к различным слоям общества, и все же Беатрис чувствовала внутреннее родство с этим избалованным маленьким герцогом.

- Расскажите мне о кошмарах, - повторила она.

Он уселся, скрестив ноги и положив руки на колени, словно восточный паша на троне из подушек. Беатрис едва сдержала улыбку, заметив, с какой самоуверенной надменностью держится мальчик. Камерон Гордон оказывал племяннику плохую услугу, потакая всем его прихотям.

- Мне снится, что кто-то наблюдает за мной, когда я сплю. Их много. Они прячутся в тени и смотрят.

Беатрис невольно содрогнулась.

- Какой ужасный сон. Неудивительно, что вам бывает трудно уснуть. Вам когда-нибудь снятся родители?

Роберт кивнул.

- Во сне я вижу то же, что произошло наяву. Я ждал, когда они приедут домой, но они не вернулись. В моих снах родителей тоже все нет и нет, а я стою у окна в своей комнате и жду.

Сердце Беатрис мучительно сжалось. Мальчик был слишком мал, ему было не по силам такое тяжелое испытание. Но она не имела власти над прошлым, чтобы избавить Роберта от страданий, как не могла взмахом волшебной палочки изменить собственную жизнь. Когда ты бессилен что-то изменить, весь секрет в том, чтобы научиться жить, пока боль утраты не притупится. Но как помочь семилетнему ребенку пережить горе?

- Поэтому вы держите лампу зажженной?

- Девлен говорит, что это помогает. В темноте слышишь звуки, которые можно никогда не услышать днем. Станные шорохи, точно рядом кто-то перешептывается. Будто они знают, что ты спишь, одинокий и незащищенный, и не можешь прогнать их прочь.

Холодок пробежал по спине Беатрис. Мальчику не удалось напугать ее мертвой змеей, но своим рассказом он достиг цели.

- Хотите, я расскажу одну историю? Может быть, это поможет вам уснуть.

- Я не маленький, чтобы слушать сказки.

- Я расскажу вам одну из басен Эзопа. Это всего лишь короткие истории, но каждая из них

содержит мудрое назидание. Басни нравятся всем, даже таким великовозрастным особам, как вы. – Беатрис устроилась поудобнее и начала: – Однажды королева пчел, правившая огромным роєм, задумала отправиться к горе Олимп. А как известно, гора Олимп – жилище греческих богов. Добравшись до места, она сказала привратнику, что хотела бы побеседовать с Юпитером. Ей пришлось немного подождать. Но вот королева предстала наконец перед громовержцем. Она низко поклонилась и распростерла свои крылышки над золотым полом дворца.

«Я принесла тебе подарок, – сказала она. – Прекрасный мед. Мои пчелы усердно трудились несколько месяцев, чтобы изготовить самый лучший мед для тебя, Юпитер».

Очень довольный, Юпитер поблагодарил королеву пчел и попробовал мед. Лакомство показалось ему таким вкусным, что он спросил пчелу, чем ему отблагодарить ее.

«Я прошу лишь одного, Юпитер, – защитить мой народ. Люди приходят, разоряют мой дом, похищают мой мед, пугают и убивают моих подданных. Дай мне силу, чтобы я могла поразить их», – попросила пчела, выставив вперед свое жало.

Юпитер милостиво относился к людям, и просьба королевы пчел его огорчила. Но все же он наделил королеву способностью ранить острым жалом.

В восторге от того, что ее желание исполнилось, королева вернулась к своему рою. На следующий день к ее гнезду приблизился человек. Королева пчел вылетела и принялась жалить его, пока тот не рухнул на землю. Но и с пчелой случилось что-то очень странное. Ужалив человека, она потеряла свое жало, упала на землю и умерла. Мораль сей басни: не рой другому яму; сам в нее попадешь. Зло возвращается к нам словно цыплята к родному насесту.

– Какая глупая история! – скривился Роберт.

– А вы бы хотели послушать другую?

– Еще одну басню?

Беатрис кивнула.

– Нет. Они слишком глупые.

– Тогда я не стану рассказывать.

– А почему вы не закричали, когда увидели змею? – поинтересовался Роберт.

– А вы разочарованы? Могу закричать сейчас, если хотите, – предложила Беатрис.

К ее удивлению, мальчик улыбнулся:

– Вы едва не завопили прошлой ночью.

– Это верно.

– Но вместо этого вы упали в обморок. Неужели я вас так сильно напугал? – В голосе мальчишки звучала гордость.

– Я потеряла сознание от голода.

- Люди не падают в обморок от голода.
- А вы когда-нибудь голодали? Что-то я сомневаюсь.
- А почему вы голодали?
- Потому что у меня не осталось еды. И мне неоткуда было взять денег.
- Мы раздаем еду бедным. - Роберт привстал на кровати.
- Некоторые люди предпочитают работать, а не выпрашивать милостыню.

Роберт оставил ее реплику без ответа, отчего Беатрис испытала заметное облегчение. Этот семилетний ребенок, несмотря на юный возраст, отличался редкой заносчивостью и высокомерием.

Юный герцог скользнул под одеяло и вытянулся на кровати.

- Вы собираетесь оставаться здесь, пока я не засну?
- А вы этого хотели бы?
- Гувернантки обычно так и поступают?
- Нет, не думаю. Но поскольку я никогда раньше не была гувернанткой, точно не знаю.
- Я герцог, - сонно проворчал его светлость. - Мне полагается иметь опытную гувернантку.
- Опытная гувернантка непременно ушла бы от вас после рискованного «опыта» со змеей.
- Вы и впрямь так думаете?
- Ну да.
- Так вот почему меня бросали прежние гувернеры. Оказывается, все они были очень опытными.
- А вы подкладывали змей им в постель?
- Нет.
- Тогда вам даже на руку, что у меня нет опыта. Я стану практиковаться на вас.
- Я герцог. На мне нельзя практиковаться.
- Мы можем действовать сообща. Если мой поступок вам чем-то не понравится, просто скажите мне об этом. Не стоит подбрасывать змей мне в постель, лучше высказаться начистоту, а потом мы вместе обсудим проблему.

Мальчик пробормотал в ответ что-то бессвязное, вызвав улыбку Беатрис.

Девушка еще немного посидела в темноте на краю герцогской постели, прислушиваясь к дыханию ребенка. Убедившись, что мальчик заснул, Беатрис соскользнула с кровати и подошла к окну. Как и следовало ожидать, Роберт предпочитал спать с открытыми шторами.

На небе сияли звезды. Они подмигивали Беатрис, словно хотели сказать, что она не одинока. Но звезды были слишком далеко, к тому же они не умели разговаривать и улыбаться, не могли протянуть руку и коснуться ее руки. Оконное стекло показалось девушке холодным на ощупь. Чувствовался легкий сквознячок. Так бывает, когда одна из створок неплотно закрыта. Ветер раздувал занавески, создавая ощущение, что за ними кто-то стоит. Но Беатрис знала: в герцогских покоях нет никого, кроме нее и спящего мальчика.

Огромная комната с множеством ниш выглядела пустынной и зловещей. Она показалась бы красивой, будь она наполнена суматохой, шумом и беззаботным смехом. Но здесь царили уныние и страх, а вместо веселых голосов слышался лишь встревоженный шепот.

Несмотря на роскошное убранство, эта спальня совершенно не годилась для мальчика. Ему больше подошла бы светлая комната, затянутая яркими тканями, а не этот мрачный торжественный зал с портретами предков на стенах, тяжелой золоченой лепниной и громоздкой мебелью. Роберт превратился в герцога, не успев побыть просто мальчиком.

Со своего наблюдательного пункта у окна Беатрис могла разглядеть блестящую поверхность океана, серебристо-белую в лунном свете, и извилистую дорогу, кольцом огибающую замок. Со стороны конюшни к главному входу медленно двигалась карета, запряженная четверкой великолепных черных лошадей.

Беатрис узнала экипаж. Он выглядел роскошнее герцогского, хотя его дворцы и не были украшены гербом. Неужели Девлен Гордон так скоро собрался уезжать?

Внезапно Беатрис кольнуло разочарование. Она почувствовала себя брошенной. Как глупо! Это всего лишь незнакомец, державший себя с ней слишком вольно. Кто ему позволил поцеловать ее? Он вдохнул запах ее волос и вел себя так, словно Беатрис распутная женщина. А если она и вправду слишком легкомысленна, раз не может забыть его? Глупенькая Беатрис. Жалкая гувернантка, пришедшая из Килбридден-Виллидж, ничем не примечательная дочка школьного учителя. Ее единственное достояние – доброе имя. И все же ей так страстно хотелось изменить свою жизнь, добавить в нее немного остроты, волнений, возможно даже – греха.

Но сейчас главное для нее – безопасность и приличная еда. Может быть, когда-нибудь она отважится выйти в мир и пережить волнующие приключения, а пока не лучше ли довольствоваться тем, что имеешь?

Но почему же тогда ее терзает чувство утраты? Девлен Гордон вот-вот отправится в путь. Любой другой на его месте уехал бы из замка при свете дня, но только не Девлен. Хоть он и терпеть не может ночь, это его время. Кто еще станет путешествовать в темноте?

Беатрис снова приложила палец к стеклу, закрыв ладонью карету, и щемящая тоска понемногу отпустила ее. Если не видеть, как он уезжает, то не почувствуешь и разочарования. Всею виной ее глупая мечтательность, девичья чувствительность, которую не смогли уничтожить даже трагические события последних трех месяцев. Или это любопытство? Возможно, и так. Девлен Гордон показался Беатрис самым интересным и привлекательным мужчиной из всех, кого она прежде встречала, Самым таинственным и опасным.

Какое-то движение внизу привлекло ее внимание. Девлен вышел из дверей замка, приблизился к карете и обменялся несколькими словами с кучером. На нем был длинный плащ с открытым воротом. Ветер развеивал его черные волосы. Кони беспокойно перебирали ногами. В холодном ночном воздухе их дыхание вырывалось белыми облачками пара. Неожиданно Девлен поднял

голову и посмотрел на окно, где стояла Беатрис. Она не двинулась с места, не отступила от окна, не сделала попытки спрятаться. Поступить так – значит, проявить трусость, а Беатрис нечего было бояться. Девлен покидал замок.

Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга. Девушка по-прежнему прижимала ладонь к стеклу. В глазах Девлена мелькнуло странное выражение. Сомнение или вопрос? Беатрис хотелось спросить Девлена, куда он едет и почему для него так важно отправиться в путь непременно ночью. А о чем он хотел бы спросить ее? Неужели она так и не узнает?

Беатрис принялась медленно задергивать шторы. У последнего окна она остановилась и посмотрела вниз на кучера. Отсюда она с трудом могла разглядеть карету. Ей не хотелось видеть отъезд Девлена. Ее покинули все, кто был ей дорог, а Беатрис ненавидела расставания. Расставаться всегда мучительно. Не важно, на время или навсегда.

Глава 11

Она все еще стояла у окна, наполовину скрытая занавесками, когда вдруг услышала звук открывающейся двери. Беатрис отступила и спряталась за развевающимися шторами.

Послышались тихие шаги. Кто-то пересек комнату. Внезапно шаги замерли. Беатрис отогнула край занавески и увидела Девлена. Он стоял у постели Роберта и смотрел на спящего мальчика.

Беатрис затаила дыхание. Ей стало страшно, что Девлен услышит, как колотится ее сердце. И в этот самый миг он повернулся и посмотрел на нее, потом подошел к окну и отдернул занавеску.

– Вы прячетесь, мисс Синклер?

– Разумеется, нет.

– Могу я полюбопытствовать, почему вы намеренно ничем не обнаружили своего присутствия?

Беатрис с ужасом поняла, что не одета. Она успела лишь набросить капот поверх рубашки, когда отправилась в спальню мальчика.

– Я боялась потревожить сон Роберта, – заявила она, стараясь держаться невозмутимо. Смушение непременно привлекло бы внимание Девлена к ее одежде.

– Как он? Все хорошо? – В голосе Девлена внезапно послышалась тревога.

– Почему вы спрашиваете?

– Думаю, это очевидно. Ведь я вижу вас здесь. Почему вы в его комнате, мисс Синклер?

Беатрис не хотела, чтобы Роберта наказали из-за глупой ребяческой проделки.

– Я рассказывала ему историю.

– И оставались с ним, пока он не заснул?

– Да.

- У вас доброе сердце, мисс Синклер.
- Мальчика мучают кошмары.
- Так он сказал вам?

Беатрис кивнула.

- Его всегда преследовали кошмары, или это началось после смерти родителей?
- К сожалению, я не знаю. Мы нечасто виделись с кузеном, до того как он осиротел. У меня были другие интересы. Множество дел, занимавших все мое время.
- Вроде тех, что заставляют вас немедленно покинуть замок?
- Мне дали понять, что мое пребывание здесь нежелательно. А вы больше всех должны бы радоваться тому, что я возвращаюсь в Эдинбург.
- Что вы хотите этим сказать?

Сердце Беатрис учащенно забилося, дыхание стало прерывистым. Девлен Гордон оказывал на нее странное, но все же приятное действие. Ее охватило радостное волнение, словно она только что выпила чашку восхитительного шоколада или осушила бокал крепкого вина.

- Вы позаботитесь о нем? - Девлен бросил взгляд на спящего мальчика.
- Конечно, - выдохнула Беатрис. - Я ведь его гувернантка.
- Ему скорее нужен друг, нежели гувернантка. Если случится несчастье, предупредите одного из кучеров, и он немедленно отправится в Эдинбург.
- Какое несчастье? Вам что-то известно? Вы чего-то ждете?
- Ничего определенного, мисс Синклер. Я жду, что солнце будет вставать каждое утро, а это залог моей счастливой жизни. И все же поверьте... как ни печально, но то, что случается, отнюдь не всегда совпадает с нашими ожиданиями.
- Если у вас дурное предчувствие, то зачем же вы уезжаете?
- Полагаю, с моим отъездом вы испытаете облегчение.
- Боюсь, я вас не понимаю.
- Думаю, понимаете, мисс Синклер, просто предпочитаете прикрываться неведением или добродетелью, а может, и тем и другим. Впрочем, одному из нас следует проявить благоразумие. Я восхищаюсь вашей мудростью.
- Вы всегда выражаетесь так загадочно?
- А вы всегда так непонятливы?

Беатрис улыбнулась. Резкое замечание Девлена позабавило ее.

- Обычно я довольно понятлива, мистер Гордон. Просто всякий раз, встречаясь с вами, я

пытаюсь вести себя как полагается леди.

– Стало быть, выбираете маску целомудрия. – Ослепительно красивый при свете дня, Девлен казался еще соблазнительнее в полумраке. – Скажите мне, мисс Синклер, вам никогда не хотелось быть просто женщиной? Из плоти и крови. Свободной от правил и предписаний.

– То, что вы говорите, сэр, – сплошная анархия.

– Бунт личности. Так будет точнее. Неужели вам никогда не хотелось взбунтоваться, Беатрис? Прежде чем вы ответите «нет», позвольте вас предупредить: я вижу мятежный огонек в ваших глазах.

«Ну как, скажите на милость, ответить на подобный выпад?»

– Разве какая-то часть вашего существа не хочет отбросить правила, внушенные строгим воспитанием, распустить корсет и посмеяться над условностями? – Девлен шагнул вперед, протянул руку и нежно провел пальцем по губам Беатрис, отчего девушку охватила дрожь от макушки до самых пяток.

– Так вот как вы уговариваете женщин улечься к вам в постель? Вы бросаете им вызов?

Девлен улыбнулся в ответ:

– А с вами это сработало бы?

– Нет.

– Вы действительно хотите знать, почему я уезжаю, Беатрис?

– Вы скажете, что из-за меня, но это неправда. В ближайшей же таверне вы легко найдете себе подругу, которая с радостью бросится вам на шею. Не сомневаюсь, что и в Эдинбурге вас дожидается любовница, сгорая от нетерпения.

– А здесь нет никого, кто мог бы меня привлечь?

– Только не я. Я ведь прикрываюсь маской добродетели. К тому же я вовсе не собираюсь служить вам противоядием от скуки, мистер Гордон.

– Вы и вправду так думаете? – Беатрис молча кивнула. – Что ж, я, пожалуй, соглашусь с вами. Почти во всем. За одним маленьким Исключением. Мне страстно хочется завладеть не только вашим телом, но и вашими мыслями. Как бы вы это назвали?

– Глупостью.

Пальцы Девлена скользнули по щеке Беатрис, коснулись шеи и замерли. Знал ли он, как трудно ей вдруг стало глотать? Чувствовал ли, как бешено бьется ее пульс? «Пустите меня», – хотела сказать Беатрис, но не смогла произнести ни звука. Ее губы раскрылись, но из горла вырвался лишь тихий вздох.

– Вы самая необычная гувернантка, какую только можно себе представить, Беатрис.

Как он смеет называть ее по имени? Это совершенно неприлично. И все же Беатрис решила отплатить ему той же монетой.

- Почему, Девлен?

- Потому, моя дорогая мисс Синклер, что вы необычайно соблазнительны. Если я останусь, клянусь Богом, я затащу вас в постель. Сгодится моя кровать, или ваша, или любая другая поверхность, которая покажется нам достаточно удобной, – будь то пол, столик для умывания или бюро. Я овладею вами, проникну в вашу плоть так глубоко, что вы и вздохнуть не сможете. И вы будете отдаваться мне снова и снова, все охотнее и охотнее, пока та страстная, необузданная прелестная распутница, что живет в вас, не вырвется на волю. К нашему обоюдному наслаждению.

Беатрис ударила Девлена. Это произошло так быстро и неожиданно, что он не успел уклониться. Но когда она отвесила ему еще одну пощечину, Девлен даже не вздрогнул, не сделал попытки защититься. Он просто стоял неподвижно, огромный и сильный, черной тенью возвышаясь над девушкой.

Руки Беатрис дрожали, но она все же успела ощутить своей ладонью, какая гладкая щека у Девлена. Он недавно побрился, и от него исходил такой приятный пряный аромат, что отныне этот запах всегда будет напоминать ей о темноте и о Девлене.

Беатрис отступила на шаг и обхватила себя руками за плечи. Не потому, что дрожала от холода или испугалась мрачного взгляда Девлена. Она мучительно боролась с собой. Ей хотелось нежно погладить его гладкую щеку, встать на цыпочки и поцеловать в знак примирения красный след, который остался на его лице от пощечины.

- С наказанием покончено? – Беатрис смущенно кивнула. – Вы имели полное право разгневаться, – мягко заметил Девлен. – Я пользуюсь репутацией повесы, распутника и растлителя невинных. Вам следует меня опасаться, мисс Синклер. И все же я подозреваю, что ваша невинность объясняется скорее отсутствием опыта, нежели образом мыслей или велением сердца. – Он шагнул к Беатрис, и девушка испуганно прижалась к окну. Холодное стекло обожгло ей спину сквозь тонкую ткань капота. – Но если вы чувствуете себя в большей безопасности, сопротивлялась собственной природе, то так тому и быть. Как я уже сказал, я уезжаю ради вас, а не ради себя.

- Вы совсем не привыкли себя сдерживать? – Слова вырвались у Беатрис помимо воли, прежде чем она успела прикусить язык.

- Мисс Синклер, я провел в вашем обществе всего один день. Весьма мучительный день, хотя вряд ли вы понимаете, что я имею в виду. – Беатрис отрицательно качнула головой. – Хотя я и рискую получить в ответ еще одну оплеуху, позвольте, я все же покажу вам. – Он взял девушку за руку и прижал ее ладонь к своему животу. Нет, не к животу – к чему-то твердому несовершенному точно, мужскому. Беатрис в ужасе отдернула руку. – Я не имею ни малейшего представления, почему так происходит, – невозмутимо продолжил Девлен. – Вы совсем не та женщина, что способна меня увлечь. Не мой тип. Мне всегда нравились блондинки с классическими чертами лица. У вас аппетитная полная грудь и длинные ноги. Но все же вам недостает стиля, некоего небрежного шарма, который я нахожу особенно привлекательным.

Ладонь Беатрис все еще горела от пугающего прикосновения к телу Девлена.

- Тогда не смею вас задерживать. Отправляйтесь на поиски женщины того типа, что привлекает вас, мистер Гордон. Желаю вам успеха. Вперед, навстречу новым победам. Пусть все они будут легкими.

- А вы будете думать обо мне?

- Карета ждет вас, а ночь довольно холодная.
- У вас такой сердитый голос, мисс Синклер. Не хотите ли ударить меня еще раз?
- Я бы с удовольствием, мистер Гордон, но не хочется напрасно расходовать силы.
- Так вы полагаете, я не способен к обучению?
- Напротив. Думаю, вы способный ученик, но вряд ли вас можно перевоспитать.

К удивлению Беатрис, Девлен разразился таким громким смехом, что Роберт тихонько застонал во сне. Девлен перевел взгляд на спящего мальчика.

- Позаботьтесь о нем, мисс Синклер, что бы вы ни думали обо мне.
- Похоже, вы привязаны к своему кузену?
- А вас это удивляет? – Беатрис действительно удивилась, но у нее хватило благоразумия промолчать. – У вас не найдется для меня поцелуя на прощание? – Девлен наклонился и снова вдохнул запах ее волос. – Мне так хотелось бы получить от вас хоть какой-нибудь знак внимания.

Рука Девлена нащупала талию девушки, не стянутую корсетом, а потом скользнула выше, замерев под самой грудью.

Беатрис резко отшатнулась, откинула занавеску и бросилась к двери. Она пересекла покои герцога, торопливо ступая босыми ногами по сверкающим полам, пробежала по коридору и укрылась у себя в комнате. Трясущимися руками Беатрис быстро заперла за собой дверь. Ее сердце так отчаянно колотилось, что, казалось, она вот-вот потеряет сознание.

Несколько долгих мгновений она стояла, прижимая ладони к двери, не в силах двинуться с места, пока не услышала легкое постукивание. Короткий стук так и не повторился, словно Девлен всего лишь хотел показать, что уходит и отныне Беатрис может чувствовать себя в безопасности.

Извилистую дорогу, ведущую из Крэннок-Касла в деревню, освещали двадцать фонарей. Фонарщик – иногда эту работу выполнял за него мальчишка – внимательно следил затем, чтобы фонари не гасли до утра. Девлен сам распорядился об этом, когда стал чаще навещать в Крэннок.

Он сомневался, что фонари зажигают в его отсутствие, но хотел быть уверенным, что сможет приехать в замок и покинуть его когда пожелает.

Девлен возвращался в Эдинбург с неохотой. Конечно, он предпочел бы остаться в Крэнноке, но на этот раз голос рассудка (обычно слишком тихий, чтобы Девлен хотел к нему прислушаться) призывал его проявить осмотрительность и уехать как можно скорее. Убраться подброду, приказав кучеру гнать что есть мочи, не жалея лошадей.

Ему хотелось прикоснуться к Беатрис. Хотелось исступленно, до боли.

Она пахла розами. Теплый цветочный аромат, смешанный с запахом женского тела, преследовал его и дразнил. Девлен с трудом поборол в себе искушение протянуть руку и непослушными пальцами расстегнуть единственную пуговицу, на которой держался ее

скромный капот. Хотел откинуть широкий рукав с кружевной манжетой и припасть губами к сгибу ее руки. Всего-то нужен один дразнящий поцелуй, прежде чем его пальцы расстегнут ворот ее рубашки. И еще один, когда рука коснется ее груди, скользнет между нежными молочно-белыми полушариями, поглаживая гладкую, шелковистую кожу.

При одной этой мысли Девлен испытал новый острый приступ желания. Всего одна пуговица. Но стоило ему вообразить, как он расстегивает ее, и его плоть стала тверже железа.

Он увидел перед собой мисс Синклер, обнаженную до пояса. Он так живо представил себе, как твердеет ее сосок под его ладонью, что ладонь внезапно обожгло жаром.

Вот Беатрис удивленно замирает, недоверчиво прислушивается к тому, как отзывается ее тело на его прикосновение. Он сжимает пальцами ее сосок и слышит в ответ страстное прерывистое дыхание.

Ощущение было таким явственным, что Девлен почувствовал восхитительную выпуклость этого воображаемого соска. Он мог бы точно описать его форму, твердость, его изысканную сладость, ибо мысленно уже обхватил его губами, ощупал языком, впивая неповторимый вкус этого крохотного кусочка плоти.

Он мысленно взялся за край ее рубашки, собравшейся в складки на талии, потянул вверх, сорвал жалкую тряпицу с плеч и бросил на пол.

Разыгравшееся воображение рисовало страстную картину: он жадно притянул к себе мисс Синклер. В холодном воздухе прикосновение его разгоряченного тела несло блаженное тепло, и Беатрис тихонько застонала, захваченная этим ощущением. Ему хотелось прижаться к ней еще крепче, еще теснее, заставить ее почувствовать пугающую твердость его восставшей плоти. Прикинуть к ней всем телом и яростно двигаться вверх и вниз, имитируя акт любви.

«Не шевелись, сладкая моя Беатрис, в своем воображении я уже в тебе».

Что бы она на это сказала? Отмахнулась бы от его страданий и прогнала прочь? Послала бы ему вслед свою дразнящую улыбку?

Интересно, каково это – оказаться в постели с неподражаемой мисс Синклер?

Одна мысль об этом едва не заставила его извергнуть семя прямо в брюки, а ведь он еще даже не поцеловал ее, не прижался губами к ее губам, или к шее, или к роскошной груди.

«Черт бы ее побрал!»

Этой ночью Беатрис никак не могла заснуть. Она лежала неподвижно и смотрела на полог у себя над головой, а когда это зрелище окончательно ей прискучило, отвернулась к окну и принялась рассматривать ночное небо. Утомившись, она закрыла глаза и снова задумалась над словами Девлена Гордона. Всякая порядочная женщина пришла бы в ужас, почувствовала бы себя оскорбленной, услышав подобное. Добродетельная женщина потребовала бы извинений и скорее всего пожаловалась бы Камерону Гордону и выразила бы свое возмущение. Или подхватила бы саквояж и отправилась к своему одинокому домику.

Целомудренная женщина не лежала бы здесь, вспоминая слова Девлена Гордона и раздумывая о том, почему ее ноги и руки вдруг налились тяжестью, а тело пылает жаром.

Беатрис отбросила покрывало, стянула простыню и задрала подол ночной сорочки, обнажив колени. Но этого оказалось недостаточно. Лихорадочный жар по-прежнему не давал ей заснуть. Она села на краю постели, свесила вниз ноги и немного поболтала ими туда-сюда. Но непонятное возбуждение ничуть не уменьшилось.

Она страстно желала Девлена Гордона. Теперь-то Беатрис могла себе в этом признаться.

Она провела ладонями по животу и приподняла грудь, которая показалась ей слишком тяжелой и слишком большой. Сколько бы Беатрис ни теряла в весе, ее грудь ничуть не менялась. Девушка недовольно нахмурила брови. Полотно сорочки натянулось, задев соски. Ощущение оказалось таким необычным и приятным, что Беатрис захотелось продлить его.

Как ужасно притрагиваться к себе, думая о мужчине.

В качестве епитимьи Беатрис приказала себе повторять строки из Библии. Она дошла до Книги Иова, когда вдруг поняла, что все еще думает о Девлене.

Беатрис тяжело вздохнула, разглядывая великолепную лепнину потолка. Новой гувернантке выделили одну из комнат для гостей, довольно красивую, обтянутую темно-розовым шелком. Беатрис никогда особенно не нравился этот цвет, но розовые стены прекрасно гармонировали с массивной мебелью красного дерева, скрадывая недостаток света и придавая комнате мягкую женственность.

Интересно, это жена Камерона Гордона выбирала ткань? Или интерьерами Крэннок-Касла занималась мать Роберта? Беатрис в отчаянии закусил губу. Как глупо притворяться, что тебя интересуют подобные вещи, ведь на самом деле все твои мысли занимает лишь одно – откуда возникло это странное тревожное беспокойство?

Она расстегнула верхнюю пуговицу на рубашке, просунула руку в вырез и обхватила одну грудь, потом робко сжала пальцами сосок и замерла, прислушиваясь к своим ощущениям. Ее тело немедленно отозвалось волной дрожи. Без малейшего усилия Беатрис представила себе руки Девлена на своем теле и услышала его тихий шепот: «Сладкая моя Беатрис, ты так страстно стремишься к наслаждению, правда?»

В следующий миг она вскочила, сорвала с себя рубашку и швырнула на край кровати. Бросив опасливый взгляд на дверь и убедившись, что она заперта, Беатрис подошла к комоду и наклонила зеркало так, чтобы видеть свое тело.

Беатрис не имела привычки разглядывать свою фигуру и уж тем более никогда прежде не пробовала взглянуть на себя глазами мужчины. Она склонила голову набок и окинула критическим взором свои плечи. Плечи как плечи, прямые и изящные. Руки тоже показались ей ничем не примечательными, разве что пальцы довольно длинные. Тонкая талия, плавный изгиб бедер. Беатрис положила ладонь на живот. Большой палец коснулся впадинки пупка, а оттопыренный мизинец оказался на границе темного треугольника внизу живота.

Живот выглядел довольно плоским, а кости немного выступали, но Беатрис знала: стоит ей несколько дней поесть вдоволь, и болезненная худоба исчезнет.

Она слегка коснулась ладонями сосков, вновь ощущая сладкую тянущую боль. Беатрис повернулась спиной к зеркалу и бросила взгляд через плечо на свои ягодицы. Их форма ей понравилась. Повернувшись, она медленно провела руками по бедрам и нерешительно положила ладонь туда, где яростный жар чувствовался сильнее всего.

Из груди ее вырвался тихий стон.

Воспоминание о Девлене, о его возбужденной плоти снова обожгло ей ладонь. Горячая волна наслаждения прошла по телу, и ей подобало бы испытывать стыд. Ну... хотя бы гнев. Он совершил нечто отвратительное. Ужасное. Постыдное.

Беатрис вернулась в постель и накрылась простыней, но уже в следующий миг вскочила и распахнула окно. Потом снова улеглась. Холодный воздух наполнил комнату, и невыносимый жар, от которого плавилась плоть Беатрис, начал понемногу отступать.

Девушка закрыла глаза, заставляя себя не думать о Девлене. Молодой Гордон был на пути в Эдинбург, но Беатрис явственно представила себе, как он склоняется над ней. Услышала его насмешливый шепот, советовавший ей искать утешение в мечтах о нем.

Ее охватил мучительный стыд. Стыд и боль одиночества, до того острая, что, если бы Девлен был в замке, она, возможно, сама пришла бы к нему...

«Так вот что он хотел сказать!»

Девлен вернулся в Эдинбург не для того, чтобы оградить ее от собственных посягательств. Он стремился защитить Беатрис от нее самой.

Глава 12

Ее разбудил громкий крик. Беатрис резко села на постели, глядя прямо перед собой и не понимая, откуда исходит звук. Крик повторился, и девушка догадалась.

Она вскочила с кровати, набросила на себя ночную сорочку, схватила капот и бросилась к двери. Пробежав по коридору, она распахнула дверь герцогской спальни в тот самый миг, когда в дверях смежной комнаты появился Гастон.

Он негромко выругался на безупречном французском. Светильник в передних покоях все еще горел, но поскольку Беатрис накануне вечером задернула все шторы, комната была погружена во тьму. Гастон медленно двинулся в направлении кровати, а девушка подошла к окну, отдернула занавески и впустила в комнату рассветные лучи.

Обернувшись, она увидела Роберта. Маленький герцог стоял на коленях посередине кровати, а Гастон крепко обнимал дрожащего мальчика за плечи. Не спрашивая, она и так догадалась, что Гастон делает это не впервые.

- Что случилось? Вам снова приснился кошмар, Роберт?

- Кто-то был здесь, - испуганно выдохнул мальчик - Кто-то был в моей комнате.

- Девлен был здесь, но он уже ушел.

- Хочу, чтоб он вернулся. Приказываю вам доставить его сюда.

Беатрис подошла к постели маленького герцога.

- Мне очень жаль, но я не могу. Он уехал в Эдинбург.

Роберт бросил на нее такой неприязненный взгляд, что Беатрис невольно вздрогнула. Глупо

было надеяться, что единственный час, проведенный вместе минувшей ночью, исправит манеры этого ребенка.

Девушка протянула руку и коснулась плеча Роберта, но мальчик отшатнулся и спрятал лицо на груди у Гастона.

- Не хочу видеть вас здесь, - проворчал он. - Уходите.

- Возможно, так будет лучше, мадемуазель. Пока герцог не придет в себя.

Окинув взглядом свой капот и ночную рубашку Гастона, Беатрис решила последовать совету слуги. Кивнув, она вышла из комнаты и вернулась к себе в спальню. Умывшись и приведя себя в порядок, она надела то же платье, что и накануне. Проводя щеткой по волосам, Беатрис даже не задумывалась, отросли ее кудри или нет.

Она внимательно осмотрела себя в зеркале. Лицо выглядело слишком бледным, но вчерашнее смятение прошло. Беатрис больше не испытывала неуверенности и замешательства, ее не сбрасало в жар от собственных мыслей.

Она похлопала себя по щекам кончиками пальцев, но лицо по-прежнему оставалось бледным, а губы почти бескровными. Возможно, не помешало бы немного смущения или даже стыда, чтобы вернуть лицу яркие краски.

Беатрис закуталась в шаль. Крэннок-Касл был необычайно холодным для герцогской резиденции, к тому же здесь повсюду гуляли сквозняки. В коридоре девушка нерешительно остановилась, не зная, куда идти: вернуться в комнату Роберта или отправиться в столовую? Скорее всего Камерон Гордон не будет настаивать, чтобы она завтракала одна. Пока она раздумывала, распахнулись двери в герцогские покои.

На пороге появился Роберт. Он выглядел как обычный семилетний мальчик. С непослушным вихром на затылке, несмотря на титул. Его наряд представлял собой уменьшенную копию костюма кузена, вплоть до белого галстука, хотя узел на галстуке Роберта был завязан немного небрежно. Мальчик слегка поклонился Беатрис и надменно вздернул подбородок.

- Вы хорошо спали? - спросила она. - До того как вам приснился кошмар?

- Это никакой не кошмар. Кто-то был в моей комнате. Может, это вы?

- Уверю вас, не я.

Роберт кивнул, показывая, что верит словам гувернантки. Желая сменить тему разговора и развеять мрачное настроение мальчика, Беатрис заставила себя приветливо улыбнуться и попросила:

- Вы не могли бы проводить меня к столу?

Роберт нахмурился. Беатрис даже показалось, что он ответит отказом. Но пока она мучительно раздумывала, как поступить, Роберт шагнул вперед и предложил ей руку.

- Я буду счастлив проводить вас к столу, мисс Синклер. Возможно, за завтраком мы сможем обсудить ваши обязанности.

Беатрис прикусила язык, чтобы не ответить колкостью, с трудом сдерживая улыбку.

- Возможно.

Завтрак был сервирован не в большом обеденном зале, а в так называемой малой столовой – темной и мрачной на вид комнате, заставленной массивной мебелью красного дерева.

Две стены столовой занимали громадные шкафы с коллекцией фарфора, а третью – камин. Четвертая стена была скрыта за тяжелыми портьерами цвета красного вина. Беатрис сразу же охватило желание отдернуть их и впустить в комнату солнечный свет, но, как ни странно, никого больше не смущала мрачность этого зала.

Камерон Гордон сел слева от девушки, а Роберт – справа. Если бы Девлен не уехал, он, несомненно, занял бы место напротив. Стул справа от Камерона, по всей видимости, предназначался для миссис Гордон.

- Скоро ли приедет миссис Гордон? – поинтересовалась Беатрис.

- Моя жена приезжает и уезжает, когда ей заблагорассудится, мисс Синклер. Она не посвящает меня в свои планы.

Беатрис кивнула, чувствуя себя неловко, оттого что задала свой бестактный вопрос. Немного погодя она извинилась и подошла к сервировочному столу, уставленному блюдами с едой. Ей предстояло решить, что выбрать на завтрак.

«Неужели все это изобилие рассчитано на четверых?» – изумилась про себя Беатрис.

Выставленных здесь яств ей хватило бы на неделю. Она взяла несколько ломтиков ветчины, тарелку овсяной каши и чашку, от которой исходил божественный запах крепкого кофе и шоколада. У нее заурчало в животе, но не столько от голода, сколько от предвкушения удовольствия.

Следующую четверть часа Беатрис куда больше увлекалась едой, нежели своими соседями по столу. Она не замечала, разговаривают они или молчат, пока Камерон Гордон не задал племяннику вопрос:

- Какие у тебя планы на сегодня, Роберт?

- Я хочу посмотреть на нового жеребенка. Девлен сказал, что Молли наконец ожеребилась. А потом я буду играть в солдатики. Девлен привез мне новых из Эдинбурга.

- Как это мило с его стороны, – пробормотал Камерон.

Беатрис отложила вилку и сцепила пальцы.

- Сегодня утром мы с вами будем заниматься, Роберт. Взглянуть на жеребенка вы отправитесь позже, а если успешно справитесь с чтением, то, возможно, поиграете и в солдатики. Это будет вашей наградой.

Роберт сделал вид, что ничего не слышал. Камерон посмотрел на девушку, и на его губах мелькнула улыбка. Похоже, происходящее забавляло его.

- В замке есть детская или какая-нибудь комната для занятий? – повернулась к нему Беатрис.

- В Крэннок-Касле более двухсот комнат. Разумеется, одну из них отведут для ваших нужд.

- А вы разве не здесь выросли?

- Здесь.

- И вы никогда не занимались в замке с учителем?

- Меня отослали в школу в довольно юном возрасте, мисс Синклер, как и моего брата. Так что комната для занятий нам была ни к чему. Но я думаю, книги, которые вам понадобятся, вы сможете найти в библиотеке. А что касается комнаты, выберите себе любую. Я прикажу, чтобы ее убрали и приготовили для вас.

- Очень хорошо, - откликнулась Беатрис, поворачиваясь к Роберту. - Тогда сегодня мы встретимся у меня в комнате. Я хочу проверить, как вы читаете. Если у вас есть любимая книга, пожалуйста, возьмите ее с собой.

- Я не приду. - Роберт бросил на нее хмурый злой взгляд исподлобья.

Если бы Беатрис, будучи ребенком, осмелилась посмотреть на кого-то из взрослых подобным образом, ее бы немедленно выставили из-за стола и отправили в детскую.

- Я буду ждать вас в девять, - строго произнесла она.

- Нет, я иду в конюшню.

Беатрис покосилась на Камерона, но тот и не подумал прийти ей на помощь. Он лишь молча ждал, чем закончится поединок между племянником и гувернанткой. У Беатрис возникло ощущение, что ей устраивают своего рода проверку: ведь ни Камерон, ни Роберт совсем ее не знают. Но она вовсе не из тех, кто легко сдается. Отец всегда поддразнивал ее, говоря, что эпитафия его дочери наверняка будет звучать так: «Беатрис Синклер. Я еще восторжествую, вот увидите». Ну не могла Беатрис Синклер позволить семилетнему мальчишке взять над ней верх, с титулом или без.

- Я распоряжусь, чтобы вам не показывали новорожденного жеребенка без моего разрешения.

Роберт отшвырнул вилку и встал из-за стола.

- Да кто вы такая, чтобы распоряжаться в Крэннок-Касле? Я единственный, кто тут отдает приказы. Вы слышите? Я герцог Брикин.

- Вы герцог Грубиян. И если не хотите вырасти невоспитанным невежей, вы сделаете так, как я сказала. - Роберт с возмущением посмотрел на дядю. Камерон не произнес ни слова. Тогда юный герцог повернулся и смерил уничтожающим взглядом Беатрис, но на девушку его гнев не произвел ни малейшего впечатления. - В девять, - повторила она. Не ответив, Роберт бросился вон из комнаты.

Беатрис могла бы выйти вслед за мальчиком или попросить Камерона поддержать ее, но промолчала, потому что заметила, как маленькая детская рука Роберта, наполовину скрытая скатертью, дрожала. Это ее и остановило.

Беатрис проводила взглядом юного герцога. Пылая от гнева, он с шумом захлопнул за собой дверь.

- Мисс Синклер, вы должны понять: мой племянник действительно герцог Брикин. С ним

нельзя обращаться как с обычным учеником. Вам следует считаться с его положением. Роберт вправе рассчитывать на определенные привилегии.

Беатрис сцепила руки под столом. Ей предстояло сделать выбор: согласиться с только что высказанным пожеланием Камерона или предпочесть более трудный путь ради блага самого мальчика. Мисс Синклер не пришлось долго раздумывать.

– Боюсь, я не согласна с вами, сэр, – твердо возразила она. – Привилегии мальчик должен заработать, а не милостиво принимать как подношение только потому, что унаследовал титул. Вы сами жаловались на его манеры. Помнится, вы говорили, что ребенку нужна дисциплина. Если не принять срочных мер, он вырастет настоящим деспотом, отнюдь не к чести семьи, и навсегда покроет позором свое имя.

Горячность Беатрис удивила Камерона. Он откинулся на спинку стула и внимательно взгляделся в лицо гувернантки.

– Нечасто случалось, чтобы мои же слова бросали мне в лицо в такой очаровательной манере, мисс Синклер.

– Вы изменили свое мнение, мистер Гордон?

– Нет. Вы правы, что напомнили мне о нашем разговоре. Как я понял, у вас мало опыта. Вы ведь никогда прежде не работали гувернанткой, мисс Синклер?

– У меня достаточно опыта в том, что касается обучения, сэр. К тому же я долгие годы помогала отцу. А он совмещал преподавание в деревенской школе с частными уроками.

– Я не сомневаюсь в вашей квалификации, мисс Синклер, а спрашиваю, есть ли у вас опыт. Это разные вещи.

Беатрис похолодела. Неужели она потерпела поражение?

– Нет, сэр. Опыта работы гувернанткой у меня нет. Но это не значит, что к моему мнению не стоит прислушиваться.

– Вы удивляете меня, мисс Синклер, – негромко заметил Камерон. – Я и понятия не имел, что в груди костлявого заброшенного котенка бьется сердце настоящей тигрицы. – Не успела Беатрис ответить на его оскорбление, как Камерон продолжил: – Кажется, вы неплохо справляетесь со своей ролью. Гастон сказал мне, что вы были с Робертом прошлой ночью и примчались ему на выручку сегодня утром. Пока я вами доволен. Поступайте так, как считаете нужным. И все же вспоминайте хотя бы иногда, что ваш ученик – герцог Брикин.

– Вы употребите власть и запретите ему идти в конюшню?

– Я скажу, что ему следует подчиняться вам, мисс Синклер. Думаю, так будет лучше.

Камерон щелкнул пальцами, и тут же из тени выступил Гастон. Он кивнул Беатрис, положил руки на незаметные ручки за высокой спинкой кресла и покатил хозяина к двери.

Глава 13

Роберт исчез. В замке насчитывалось не меньше сотни мест, где мог бы спрятаться семилетний мальчишка.

– Вам стоит поискать его в часовне, мисс, – посоветовала одна из горничных.

Беатрис остановилась и с интересом взглянула на нее. Молоденькая служанка стояла с ведром и тряпкой в руках у искусно скрытой в стене потайной двери.

– Как вы узнали, что я ищу Роберта?

Горничная пожала плечами.

– Его светлость вылетел отсюда точно летучая мышь из пещеры. Я решила, что за ним, верно, кто-то гонится. Обычно это бывает Гастон.

– А где часовня? – Девушка принялась объяснять, но это оказалось делом непростым, учитывая размеры замка. – И часто он туда ходит? – спросила Беатрис. Роберт не показался ей религиозным ребенком.

– Всякий раз, когда его светлость чем-то взволнован. – Горничная повернулась, чтобы уйти. – Вы ведь знаете почему, правда, мисс? – бросила она через плечо. Беатрис покачала головой. – Там похоронены его родители.

Прежде чем отправиться на поиски Роберта, Беатрис вернулась на второй этаж и зашла в покои герцога, чтобы захватить плащ мальчика и змею, которая все еще лежала на полу. Потом заглянула к себе в комнату за накидкой и пошла в часовню.

Ей не хотелось жалеть Роберта Гордона. Двенадцатый герцог Брикин был на редкость неприятным ребенком. Она не желала вспоминать его дрожащие руки или думать о том, что значит для семилетнего мальчика лишиться обоих родителей. Беатрис сама пережила такую же потерю, и порой горе казалось ей невыносимым, а ведь их с Робертом разделяли два десятка лет.

Дорога к часовне отняла у нее добрую четверть часа. Пришлось долго кружить по старому крылу замка, сворачивая то направо, то налево. Наконец Беатрис увидела перед собой двойные сводчатые двери, украшенные массивным резным крестом.

На мгновение она заколебалась. Если Роберт в часовне, что она ему скажет? Возможно, сейчас не лучшее время, чтобы проявлять строгость. Но если не теперь, то когда? Рано или поздно кому-то придется сказать мальчику «нет». И чем раньше это произойдет, тем лучше для Роберта. Не стоит позволять ему быть слишком заносчивым. Рядом с ним должен быть кто-то взрослый.

Беатрис толкнула тяжелую дверь и вошла в залитую светом часовню. На этот раз помещение освещали не свечи – свет струился сквозь цветные витражи на стенах. Алтарь, расположенный в нише напротив входа, был затянут кружевной тканью цвета слоновой кости. Его убранство составляли два массивных кубка и несколько блюд из литого золота. Перед самым алтарем стояла скамеечка для коленопреклонений, обитая темно-красным бархатом. На самом ее краешке, склонив голову и сложив молитвенно руки, стоял на коленях Роберт, двенадцатый герцог Брикин.

Беатрис не хотела мешать ребенку молиться. Стараясь не шуметь, она тихо опустилась на деревянную скамью посередине часовни.

Но Роберт нарочно заговорил громче, обращаясь к Всевышнему во весь голос:

- Господи, пожалуйста, избавь меня от нее. Верни ее туда, откуда она явилась. Боже, пусть ее унесет ураган или поразит молния.

- Отец Небесный, прошу тебя, даруй рабу твоему немного смирения и скромности, - также громко взмолилась Беатрис. - Пожалуйста, помоги ему понять, что я стараюсь изо всех сил ради его блага. Что я настаиваю на том, чтобы он прилежно учился. Для его же пользы. Его родители не хотели бы видеть своего сына необразованным грубияном.

В воздухе повисла тишина. Беатрис подняла глаза и увидела, что Роберт стоит у церковной скамьи.

- Никто не смеет говорить о моих родителях.

- Кто установил это правило? Вы сами?

Мальчик покачал головой.

- Мой дядя.

- Он думает, что вам будет больно слышать о них? Если так, то это нелепо. Мы должны помнить тех, о ком скорбим.

Роберт присел на край скамьи.

- Вы мне не нравитесь.

- Вы меня совсем не знаете. Вам просто не нравится сама мысль о том, что кто-то, а тем более гувернантка, станет указывать вам, что делать.

- Никто больше не пытается меня поучать.

- Можно не сомневаться: любой мальчишка в Килбридден-Виллидж превосходит вас в математике или географии. - Роберт с подозрением покосился на нее. - География, Роберт, - это наука о земле. Если вы хотите стать герцогом, вы должны как можно больше узнать о мире, в котором мы живем.

- Я и есть герцог.

- Если вы хотите стать настоящим герцогом, вы должны учиться.

- И что же еще мне надо знать?

- То, что знали и надеялись передать вам ваши родители. Они хотели бы, чтобы вы много читали, хорошо знали Библию и наследие писателей прошлого, разбирались в современной литературе. Они научили бы вас, как подсчитать урожай на полях или вычислить поголовье скота, как решать задачи и справляться с трудностями. Как защитить семейную собственность, сохранить фамильное состояние и даже приумножить его.

- И как очистить Крэннок-Касл от моего дяди?

Вопрос заставил Беатрис растерянно замолчать.

- Да, думаю, и этому, - сказала она, наконец. Мальчик кивнул, соглашаясь. - Неприятно носить прозвище «невежественный», Роберт. И вам это не пристало. Сам по себе герцогский титул не

способен наделить знаниями. Вам дан разум. И вы должны использовать свои способности, чтобы приобретать знания. А знания помогут вам стать самым лучшим герцогом Брикином.

– Вы знали моих родителей?

– К сожалению, не имела удовольствия. Вы расскажете мне о них?

Роберт покачал головой.

– Мои родители умерли год назад, – призналась Беатрис. – Ушли из жизни друг за другом, с разницей в три дня. Не проходит и дня, чтобы я не тосковала о них.

– Вы когда-нибудь говорите о них? – Спросил Роберт дрожащим голосом. Казалось, мальчик страстно хочет, но в то же время боится услышать ответ.

– Иногда. Мне потребовалось время, чтобы справиться с собой. Сначала я все время плакала, когда пыталась заговорить.

– Моих родителей не стало полгода назад.

– Прошло не слишком много времени...

Роберт хмуро качнул головой.

– Когда попадаешь в беду, дни тянутся очень медленно.

Какое-то время они сидели молча. Казалось, наступило долгожданное перемирие, но Беатрис не обманывалась. Роберт в любой момент мог снова замкнуться в себе, разразиться оскорблениями или сбежать, оставив ее одну в часовне.

– У моей матушки был удивительный смех, – неожиданно добавил он. – Когда она чему-то радовалась, то все вокруг улыбались. – Беатрис показало, что сердце у нее вот-вот разорвется. Она почти желала, чтобы Роберт вновь превратился в противного, капризного мальчишку. – Отец говорил, что надо всегда радовать маму, потому что она королева нашего замка. – «Не рассказывай мне больше ничего!» – хотелось закричать Беатрис. Но она не могла заставить мальчика замолчать, как не могла ожесточить свое сердце и не испытывать мучительной жалости. – Каждый вечер матушка приходила, чтобы подоткнуть мне одеяло.

– При жизни родителей вам снились кошмары?

Роберт не ответил. Он поднялся со скамьи и зашагал к двери. На мгновение Беатрис показало, что он покинул часовню и уже не вернется, но в следующий миг мальчик ее окликнул:

– Хотите посмотреть на них?

Девушка пошла на звук его голоса и увидела Роберта. Он стоял в нефе, которого Беатрис прежде не заметила.

Эйми Элисон Гордон лежала рядом с Маркусом Гарольдом Гордоном. Высеченные на камне даты рождения были разными, а даты смерти совпадали.

Беатрис осторожно отступила, но Роберт не двинулся с места. Он стоял на каменных плитах, под которыми покоились его родители, и смотрел на надписи.

- Вы приходите сюда каждый день?

Он бросил короткий взгляд через плечо.

- Да.

«Невозможно исцелиться, если постоянно беречь свои раны», - подумала Беатрис.

Лишь время поможет Роберту смириться, как помогло ей самой. Хотя, возможно, у семилетних мальчиков все иначе? Но даже сейчас, когда боль по-прежнему сильна, почти невыносима, должно же быть что-то, что могло бы его увлечь, заинтересовать?

- Какое место в Крэннок-Касле вы любите больше всего?

Роберт удивленно покосился на нее.

- Лес. И еще башни.

- Отведите меня туда.

- Куда именно?

- Выбор за вами. Но сначала нам нужно кое-что сделать.

- Что?

Беатрис подошла к скамье, где оставила вещи, передала мальчику его плащ и набросила на плечи накидку, которую подарил ей Камерон.

Девушка вышла из часовни и направилась к выходу из замка. Она держалась так, словно ее нисколько не заботило, следует за ней Роберт или нет. На самом же деле она напрягала слух, стараясь уловить шаги у себя за спиной.

Беатрис подошла к небольшой рожице на пригорке. На глазах у мальчика она опустила на колени и при помощи палки вырыла маленькую ямку.

- Что вы делаете?

Она не ответила. Роберт привык приказывать, повелевать, а прислуга в Крэннок-Касле мгновенно бросалась исполнять любую его прихоть. Беатрис не собиралась поступать так же. Вырыв ямку, она достала из-под складок накидки полотняную салфетку и развернула.

- Змея?

Девушка кивнула. Потом наклонилась, бережно положила змею в крохотную могилку и присыпала сверху землей.

- Вы должны что-нибудь произнести, - сказала она Роберту, выпрямляясь.

- Что?

- Не знаю. Прочитать молитву.

- Я не знаю ни одной молитвы.

- Но вы ведь молились в часовне.
- Эту молитву я выдумал сам.
- Так придумайте сейчас еще одну.
- Сначала вы.

Поскольку усопшей была змея, Беатрис решила немного изменить слова молитвы.

- Прощай, дорогая змея. Да будет благословен путь твой из этого мира. Во имя Отца Всемогущего, создавшего тебя, да примет тебя Господь в своем Царстве Света. И ангелы Его да вознесут тебя на лоно Авраамово.

- «*Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis*». - Беатрис изумленно взглянула на мальчика. - Вечный покой ниспошли им, Господи, и свет вечности да воссияет им, - перевел Роберт, не отрывая взгляда от могилки змеи.

- Вы выучили эти слова для родителей?

Маленький герцог опустил глаза.

- Для похорон. Мой отец любил говорить на латыни.
- Прекрасно, ваша светлость.

Беатрис бросила последний взгляд на крошечный холмик, под которым нашла свой последний приют раздавленная змея. Роберт продолжал удивлять ее.

- Хотите, я отведу вас в лес?

Она кивнула и последовала за мальчиком вниз по тропинке.

Ровена Гордон сложила руки на коленях и подняла глаза к потолку, решив не обращать внимания на свою камеристку. Между тем Мэри вот уже несколько минут пыталась напомнить о себе, издавая выразительные звуки. Она тихонько взвизгивала, словно ее щипали, шумно и протяжно вздыхала. Когда же этот прием не сработал, Мэри попыталась привлечь внимание госпожи стоном и тонкими пронзительными воплями, напоминающими завывания привидения.

Не в силах больше терпеть, Ровена швырнула сумочку на подушки кареты и яростно уставилась на служанку.

- Мы скоро будем дома, Мэри. Нет никакой нужды устраивать представления.
- Но путешествие слишком опасно, мадам. Здесь так легко свалиться вниз с горы. Эта тропа запросто может обернуться дорогой на небеса. - Ровена вздохнула. Она слушала эти причитания всякий раз, когда карета приближалась к Крэннок-Каслу. - Здесь начинаются самые ужасные повороты. Если лошади устанут или испугаются, они мигом скатятся с обрыва.

Мэри со страхом выглянула в окно и тут же задернула шторку. Дрожь охватила все ее тело.

- Сколько раз ты уже совершала подобные путешествия?

– За последние полгода? Не меньше дюжины.

– Лошади отлично знают дорогу, Мэри. До сих пор с нами ровным счетом ничего не случилось. Успокойся. Мы будем в замке уже через пять минут.

Мэри испуганно вжалась в подушки. На лице ее застыло упрямое выражение.

– Хорошо, мадам. Я больше не побеспокою вас.

Ровена едва сдержала раздраженный вздох. Никогда еще не встречала она такой чувствительной и ранимой особы. Мэри то и дело обижалась. Она находилась в услужении у Ровены уже одиннадцать лет. Тогда Ровена была еще юной девушкой и жила в Лондоне. За эти годы госпожа успела привыкнуть к особенностям характера своей служанки.

– Мэри, тут действительно не о чем волноваться. Но если тебе непременно хочется о чем-то беспокоиться, то подумай лучше, выдержат ли дорогу те изящные вещицы, которые мы накупили в Лондоне. – Мэри стрельнула глазами в сторону хозяйки. – Помнишь статуэтки пастушки и пастушка? А прелестную фарфоровую лисичку для каминной полки?

– Их упаковали в солому, мадам. – Мэри закусила губу и озабоченно наморщила лоб. – Впрочем, эти олухи вполне могли и пренебречь моими указаниями. Тогда страшно представить себе, что мы обнаружим, когда раскроем коробки.

«Ну слава Богу, Мэри принялась тревожиться о багаже. По крайней мере это отвлечет ее от переживаний из-за опасных поворотов».

Ровена забилась в уголок кареты и торжествующе улыбнулась. Когда Мэри чем-то поглощена, она ведет себя вполне сносно.

День обещал быть солнечным. На утреннем небе виднелись серые облака, но чем ближе подъезжала карета к Крэннок-Каслу, тем яснее становился небосвод. Возможно, это добрый знак?

Ровена ненавидела Крэннок-Касл, словно тот был человеком, наделенным душой. Она ненавидела это место, олицетворявшее собой ее поражение, отчаяние и упадок. Она ненавидела Крэннок, потому что Камерон любил проклятый замок и жаждал обладать им. Страсть его к этим древним стенам оказалась намного сильнее чувства, которое он испытывал к собственной жене. По крайней мере, в последние полгода.

Эти полгода стали сущим кошмаром для них обоих. Временами Ровена боялась, что у нее не хватит сил выдержать эту пытку. Нет, она не пыталась наложить на себя руки, но иногда боль казалась ей до того нестерпимой, что сердце сжималось и мертвело.

Постепенно она свыклась с мыслью, что их жизнь с Камероном уже никогда не будет прежней. Если раньше супруги почти не разлучались и даже одной ночи не провели порознь, то теперь у каждого была отдельная спальня, отдельная гардеробная, отдельный штат прислуги и в конечном счете отдельная жизнь.

Сколько бы ни разъезжала Ровена вдали от мужа, бывая то в Лондоне, то в Париже, то в Эдинбурге, она всегда возвращалась в Крэннок-Касл. Это место неудержимо притягивало ее. Не как мотылька манит пламя свечи – как томящуюся от любви женщину влечет к мужчине, которого она обожает. И не важно, был ли Камерон обречен на неподвижность или нет, замечал присутствие жены или нет, испытывал ли хотя бы малейший интерес к Ровене или

нет, – она все равно любила его. Любила всем сердцем.

Путешествие приближалось к концу. Карета замедлила ход, но Ровена не потрудились откинуть шторку и выглянуть в окно. Услышав, как кучер прикрикнул на лошадей, она приготовилась выйти из экипажа. Как только дверца распахнулась, Ровена натянула перчатки и сошла с подножки.

Изобразив приветливую улыбку, она окинула взором замок. Миссис Гордон искренне надеялась, что ее лицо выражает воодушевление и восторг, а не смертельный ужас, который она в действительности испытывала.

– Похоже, нас тут не было целую вечность, – протянула Мэри. – Полных два месяца. Но замок ни капельки не изменился, правда, мадам?

– Крэннок-Касл простоял века. Два месяца – не слишком большой срок, чтобы что-нибудь изменилось.

– Вот это верно. – Мэри с благоговением оглядела замок. В отличие от своей госпожи Мэри всегда восхищалась Крэнноком и не скрывала радости, переехав сюда из Эдинбурга. Не сводя восторженного взгляда с каменной громады, она добавила: – Воображаю, как обрадуется мистер Камерон, когда увидит вас, мадам.

Ровена горько усмехнулась про себя. Камерон так обрадовался, что даже не показался ей на глаза. Никто не стоял у широких парадных дверей замка, чтобы приветствовать ее. Ни один слуга не спустился по лестнице, и даже дверь оставалась закрытой.

Если бы Ровена имела глупость довериться Мэри, она призналась бы, что за два месяца не получила от мужа ни одного письма. Миссис Гордон не имела ни малейшего представления, был ли Камерон здоров, страдал ли от одиночества, скучал ли по ней. Муж все больше отдалялся от нее.

Стояло чудесное утро. Ярко светило солнце.

– Должно быть, мистер Гордон поздно пробудился и еще одевается, мадам, – неуверенно предположила Мэри.

Ровена нахмурилась, и служанка заметила ее замешательство. Это был недобрый знак. Того и гляди Мэри достанет платок и начнет вытирать глаза, чтобы показать, как она сочувствует госпоже. Какое несчастье – быть нелюбимой женой калеки.

– У меня не было возможности известить мужа заранее о нашем возвращении, Мэри. Мы просто дадим знать, что вернулись, вот и все.

Ровене не пришлось отдавать распоряжения кучеру. Он и сам отлично знал, куда следует доставить вещи. К сожалению, даже купленные в Лондоне чудесные наряды не могли смягчить горькое разочарование Ровены.

Помимо новых туалетов она привезла подарки для Камерона и Девлена и собиралась пополнить оловянное воинство Роберта новыми солдатиками. Она знала, что мальчик будет приятно удивлен. Они с Робертом почти не соприкасались, но, похоже, некоторая отстраненность устраивала обоих.

Ровена всегда настороженно относилась к детям, сдержанно и с опаской. Она никогда не таяла

от умиления, видя младенца в колыбели, а если подруга шептала ей на ухо, что ждет ребенка, Ровена мысленно жалела бедняжку и надеялась, что та сумеет пережить родовые муки.

Пять лет назад, выйдя замуж за Камерона, она задумалась было о ребенке, но вскоре оставила эту мысль. Муж был старше ее на двенадцать лет и уже имел наследника, Девлена. После трагедии, навсегда приковавшей Камерона к креслу, Ровене пришлось свыкнуться с мыслью, что собственных детей у нее не будет. Она удовольствовалась ролью тети Роберта, двенадцатого герцога Брикина.

Ровена взошла по лестнице, приподняв юбку и слегка приоткрыв лодыжки. В своем сером шерстяном платье с шелковой отделкой она выглядела элегантно. Корсаж плотно облегал грудь и талию, а цвет подчеркивал яркость рыжих волос. Может быть, после двух месяцев разлуки Камерон все же заметит, что его жена на редкость привлекательная женщина? Во всяком случае, многие мужчины в Лондоне находили ее неотразимой.

Заметит ли он, как она бледна? Ровена вела себя осторожно, стараясь избегать солнечных лучей и... любовников. С ней не раз пытались завязать короткое знакомство самые соблазнительные мужчины, но каждый раз Ровена отказывала, удивляясь собственной добродетели.

Интересно, проявил бы Камерон на ее месте подобную сдержанность? Но Ровена была не настолько глупа, чтобы задаваться этим вопросом.

Мэри открыла перед госпожой дверь с ловкостью заправского лакея. Ровена улыбнулась в ответ, но улыбка получилась вымученной и неискренней. Добрая служанка лишь приветливо кивнула и поспешила закрыть дверь.

«Милая, милая Мэри! Она всегда рада услужить». Ровена направилась к лестнице, ведущей в правое крыло замка – в противоположную сторону от герцогских покоев. В этом крыле они с мужем занимали две соседние комнаты. Камерон предпочел поселиться подальше от Роберта. Он не желал, чтобы вид герцогских покоев служил ему постоянным напоминанием о титуле, ускользнувшем из его рук и доставшемся в наследство племяннику.

Как будто он мог хоть на минуту о нем забыть. «Надо бы уговорить Камерона завести побольше слуг, – подумала Ровена. – По крайней мере время от времени в замке можно будет увидеть приветливое лицо. А пока приходится переходить из спальни в гостиную в полном одиночестве, не встретив ни одной живой души».

На втором этаже Ровена нерешительно застыла. Пожалуй, женщина благоразумная отправилась бы сейчас в свои покои, чтобы привести себя в порядок, освежиться и отдохнуть после утомительного путешествия. Но этой минуты Ровена ждала два месяца без одного дня.

Покидая Крэннок, в самый первый день Ровена радовалась своему решению, но почти сразу в душе зашевелились сомнения. Вскоре миссис Гордон охватило такое безысходное одиночество, что ей захотелось немедленно вернуться в замок, но действительность превзошла самые мрачные фантазии Ровены: Крэннок-Касл принял ее холодно, с сухим безразличием.

«Как глупо было мечтать о несбыточном».

Ровена остановилась. Внезапно изменив решение, она повернулась и направилась к двери в свою спальню. Опередив Мэри, миссис Гордон сама открыла дверь, вошла в комнату и шагнула к туалетному столику. Готовая всегда прийти на помощь, Мэри поспешила за госпожой. Но Ровене хотелось лишь одного – остаться одной.

– Займись своими делами, дорогая, – сказала она, стараясь придать голосу как можно больше мягкости. – И будь добра, зайди ко мне перед обедом.

Камерон требовал, чтобы все переодевались к обеду. Зачастую Ровене удавалось увидеться с мужем лишь за обеденным столом, поэтому она старалась выглядеть безупречно и всегда тщательно выбирала наряд.

Мэри о чем-то непрерывно тараторила, а Ровена время от времени кивала, делая вид, что слушает. На самом же деле она попросту не обращала внимания на болтовню Мэри. Служанка имела обыкновение делиться с госпожой всеми мыслями, какие только появлялись в ее голове, даже самыми мимолетными. Мэри нисколько не смущало, что Ровена ей не отвечает, и продолжала щебетать обо всем подряд. Скрип задвижки на дверце кареты или шуршание шторы на окне тут же напоминали ей о давних временах, когда Мэри была еще ребенком. Отец взял ее с собой в путешествие на настоящем корабле, покуда мать с братишкой оставались дома.

Мэри обожала сплетни и каждый день обрушивала на хозяйку поток добытых новостей.

– До обеда ты свободна, Мэри.

– Хорошо, мадам, как скажете, – откликнулась служанка. – Но если хотите, я могу остаться. Скоро принесут дорожные сундуки. Надо будет разобрать вещи, а иначе все ваши прелестные новые платья окажутся безнадежно испорчены.

Ровена не считала, что с платьями случится что-то ужасное, если они еще несколько часов пробудут в сундуках после стольких дней путешествия, но лишь улыбнулась в ответ:

– Позже будет достаточно времени, чтобы заняться вещами.

Наконец Мэри ушла, осторожно прикрыв за собой дверь. Ровена остановилась перед зеркалом, неторопливо поправила шляпку с пером и легкой короткой вуалью, придававшей особое очарование ее зеленым глазам.

Ровена выглядела немного бледной, но в остальном долгое и утомительное путешествие из Лондона никак не сказалось на ее внешности. Она видела в зеркале здоровую и цветущую молодую женщину, достаточно привлекательную, чтобы мужчины при встрече провожали ее восхищенными взглядами. Ровена пристально вгляделась в свое отражение и увидела покрытые нежным румянцем щеки, улыбающиеся губы да веснушки на носу, почти незаметные под тонким слоем пудры. Глаза ее сияли, но не от радостного предвкушения, а от подступающих слез.

Ровена медленно смахнула ладонью слезинку, скатившуюся по щеке.

Камерону уже наверняка доложили, что приехала супруга. Должно быть, он сейчас наблюдает, как разгружают сундуки, разглядывает ее покупки со своей обычной полунасмешливой и немного циничной улыбкой. Но он и не подумал прийти в комнату жены, не сделал попытки приветствовать ее. Два месяца разлуки ничего не изменили, и Камерон по-прежнему все так же далек от нее, так же холоден.

Что ж, если ей предстоит прожить так остаток дней, она с достоинством примет все удары судьбы. Камерон никогда не узнает, какую горечь пришлось испытать в этот день его жене. Раздавленная и опустошенная, она заставит себя улыбаться. Пусть Камерон задумается, пусть поломают себе голову, как проводила она время в Лондоне. Пусть увидит, что его жена по-

прежнему прекрасна и желанна. Пусть решит, что она распутничала вдали от него. Пусть думает что угодно, лишь бы не смотрел на нее как на жалкое, презренное создание, которое униженно выпрашивает его любовь и не получает в ответ даже жалких крох. Лишь бы не видеть его надменного холодного взгляда.

Он слишком горд. Что ж, и у нее есть своя гордость. С этой минуты все будет иначе. Камерон еще узнает, какой гордой может быть его ничтожная жена.

Ровена поправила прическу и припудрила лицо, скрыв следы слез. Она выпрямилась и разгладила руками платье, любясь своим отражением в зеркале. Серое шерстяное платье необыкновенно шло ей, подчеркивая изящную фигуру и яркий цвет волос.

Прикрываясь улыбкой словно щитом, она покинула спальню и направилась вниз, в библиотеку. Камерон присвоил эту комнату и проводил там большую часть времени, изображая герцога Брикина. Пусть он и не заполучил герцогского титула, но управлял Крэннок-Каслом как полновластный хозяин.

Камерон Гордон обладал редким талантом управляющего, держал в голове великое множество сведений, мог точно назвать численность коров, овец, коз, кур или лошадей и указать, где находятся стада в данный момент. Он знал цену каждому клочку земли, помнил, сколько бушелей дает то или иное поле. Принадлежавшие юному герцогу корабли, а также обширные и разнообразные владения, раскиданные по всей Шотландии, Камерон содержал в идеальном порядке, приумножая богатства племянника.

Но Ровена никогда не забывала, что Роберту не всегда будет нужен опекун. Когда вырастет, он сможет пустить по ветру все фамильное достояние, если захочет. Как только герцогу исполнится двадцать один год, Камерону придется выпустить из рук и передать племяннику все, чем он так бережно и рачительно распоряжался долгие годы. Однажды Ровена спросила мужа, хватит ли ему сил оставить все и покинуть Крэннок-Касл, но Камерон лишь посмотрел сквозь нее отсутствующим взглядом, словно рядом с ним стояла не живая женщина, а тень, призрак, когда-то бывший ему женой.

Ровена точно знала, в какой момент любовь мужа обернулась к ней ненавистью. Маркус с женой приехали в Эдинбург, чтобы отпраздновать вместе день рождения Камерона. При крушении экипажа герцог и герцогиня погибли мгновенно, а Камерона доставили домой в крайне тяжелом состоянии. Именно тогда Ровене пришлось принять роковое решение.

Она неотлучно оставалась у постели мужа после операции. Камерон обладал огромным запасом жизненных сил, и ему удалось выжить. Ровена желала этого всей душой. Целыми днями она сидела рядом с ним и молилась.

Когда Камерон пришел в сознание, Ровене пришлось выполнить тяжелый долг и сказать мужу правду: упавший экипаж разможил ему ноги. Камерон никогда не сможет ходить, но главное – он жив и будет жить дальше.

«Только не безногим калекой, Ровена».

Он отвернулся от нее и с тех пор перестал замечать. Камерон никогда не смотрел на жену и крайне редко обращался к ней. Когда он принял решение переехать в Крэннок-Касл, Ровена молча уступила. Все равно она не смогла бы ничего изменить.

Странно, неужели возможно так сильно любить мужчину и одновременно ненавидеть?

День выдался холодным. В ярко-голубом небе светило солнце, но тронутая ночными заморозками трава побурела и пожухла. И все же этот ясный день казался не зимним, а весенним. Беатрис остановилась на косогоре и посмотрела вниз, с любопытством изучая длинную гряду далеких холмов, подернутых голубоватой дымкой.

Высоко в небе парил орел. Его черные с серым крылья отчетливо вырисовывались в прозрачном воздухе. Эта живописная картина и нечто неуловимое в легком дуновении ветра заставили Беатрис вспомнить о лете. Она закрыла глаза и на мгновение словно почувствовала аромат горящего торфа и дыма.

Отец Беатрис был истинным шотландцем, и дочери передалась его горячая любовь к этой стране. Но отец не питал иллюзий по поводу прошлого Шотландии или ее будущего, как не обольщался и насчет ее народа.

«Слово «нет» заменяет в Шотландии национальный гимн, моя дорогая Беатрис. Сколько ни ищи, все равно не найдешь других таких же неуступчивых упрямцев, как шотландцы. Но зато и благороднее шотландца нет никого на свете. И никто так не дорожит верной и преданной дружбой, как мы».

Матушка Беатрис, наполовину француженка, всегда улыбалась, слыша подобные разговоры. Возможно, она давно убедилась, что о национальных чертах лучше не спорить.

Беатрис подставила лицо солнечным лучам. В этот миг она необыкновенно остро ощутила свое родство с шотландской землей.

Девушка посмотрела поверх плеча Роберта на грозную громаду замка, нависшую над холмом. Отсюда хорошо просматривалось старое крыло и одинокая башня, кое-где покрытая трещинами.

- Интересно, почему прошлое всегда представляется более романтичным, чем настоящее? Ваши предки жили здесь давным-давно. Наверняка им приходилось терпеть немало лишений, но почему-то никто не вспоминает об их страданиях. Потомки упоминают лишь о гордости и железной воле своих прародителей.

- Вы ничего не слышали о Гордонах, мисс Синклер? - Роберт остановился на тропе и оглянулся на девушку. - Они отличались особым зверством и кровожадностью. Отец рассказывал мне об их набегах на приграничные области. Немало скота угнали с собой мои предки.

- В самом деле?

- Каждую пятницу мы с отцом весь вечер беседовали о Гордонах. История нашего рода насчитывает тринадцать поколений, мисс Синклер, и каждое из них достойно изучения. Кое-кто из Гордонов прославился глупостью, но встречались в нашем роду и настоящие герои.

В голосе мальчика прозвучали горделивые нотки. Беатрис даже почудилось, что она слышит эхо слов Маркуса Гордона.

- Думаю, мне бы понравился ваш отец, - улыбнулась она.

Роберт как будто собирался что-то сказать в ответ, но промолчал. Возможно, если бы мальчик разговорился, это могло стать для него первым шагом на пути к исцелению. Конечно, потери

никогда не проходят бесследно. Они оставляют шрамы. Это как дыры на любимой, но изношенной одежде. Если заштопать дыру, платье уже не будет прежним, но из-за одной прорехи не избавляются от одежды. Беатрис не ушла из жизни даже после того, как пережила великое горе. Этому она должна научить Роберта. Может так случиться, что в будущем ей не придется давать ему другие уроки.

В конце концов, юному герцогу едва исполнилось семь лет. Впереди у него целая жизнь. Конечно, детство Роберта навеки связано с горьковато-сладкими воспоминаниями о любимых родителях, но ведь ему давно пора начинать жизнь, наполненную новыми впечатлениями и воспоминаниями.

По обеим сторонам посыпанной гравием дорожки громоздились высокие скалы. Тропинка была слишком узкой, чтобы по ней могли пройти двое, и Беатрис с Робертом пришлось следовать друг за другом. Тропа извивалась и петляла по долине, напоминая дорогу, ведущую вниз с горы. Путь к лесу оказался довольно длинным, но совсем не утомительным. Герцог и его спутница хотя и описывали зигзаги, но почти все время шли под гору.

Там, где холм отвесно спускался вниз, давным-давно кто-то вырубил в камне ступени. Со временем эти ступени поросли травой, превратившись в продолжение тропы. Следуя за мальчиком, Беатрис замечала, что движения Роберта стали куда менее скованными. Двенадцатый герцог Брикин оживленно размахивал руками и вертел головой.

Когда же мальчик в последний раз покидал замок? Пусть Крэннок – родовое владение Роберта, но это всего лишь нагромождение множества роскошных темных комнат, лишенных солнечного света и залитых сиянием сотен свечей. Ребенку нужно бывать на воздухе, резвиться и играть, готовить уроки и нести обязанности, даже если он герцог.

Справа вдоль пологого склона холма тянулась широкая полоса деревьев с пышными кронами. Густой подлесок выглядел так, словно его долгие годы никто не прореживал. Издалека лес казался темным и враждебным. Подойдя ближе, Беатрис вдруг поняла, что для мальчишки это место таило в себе множество тайн и возможных открытий.

Роберт небрежно засунул кулаки в карманы брюк. Его галстук давно развязался, на сюртуке красовалось пятно, брюки на коленках тоже запачкались. Сейчас Роберт ничем не напоминал щеголя-аристократа, тщательно заботящегося о своей внешности.

Беатрис внезапно захотелось обнять мальчика. Конечно, временами Роберт бывал невыносимо грубым и задиристым, но чем больше она узнавала этого трудного ребенка, тем больше привязывалась к нему.

– Что вы обычно делаете в лесу?

– Притворяюсь, что я герцог. – Беатрис удивленно подняла брови. – В Крэннок-Касле я не могу быть настоящим герцогом, мисс Синклер, – пояснил Роберт.

– Но как же так? Это ведь ваш дом.

Герцог недоуменно взглянул на гувернантку, словно не мог поверить, что она настолько глупа. Мальчишеская гримаса Роберта выглядела до того забавной, что Беатрис невольно улыбнулась.

– Замок был моим домом при жизни родителей, а теперь там полно людей, которые меня не любят. Кое-кто желал бы, чтобы я и вовсе не родился на этот свет.

Он резко повернулся и зашагал к лесу, а Беатрис осталась стоять на тропе и оторопело смотреть ему вслед.

Девушке пришлось поспешить, чтобы догнать Роберта.

– Но вы ведь не думаете так о Гастоне?

– Гастон служит моему дяде. – Мальчик снова остановился и посмотрел на Беатрис. – Вы, должно быть, не знали, мисс Синклер, что в замке не осталось ни одного слуги из тех, кто получил место при жизни моих родителей? – Беатрис удивленно покачала головой. – Большинство прислуги сменяется каждые три месяца. Людей доставляют сюда из Эдинбурга или Глазго. Дядя хорошо платит, но предупреждает, что служба продлится всего лишь четверть года. Даже если кто-то из слуг и хочет «статься дольше, ему не позволяют.

«Наверное, и меня ждет та же участь», – подумала Беатрис и тут же устыдилась своей эгоистичности.

– Но почему ваш дядя так поступает?

Роберт пожал плечами.

– Это вы мне скажите, мисс Синклер. Дядя ничего не объясняет. По-моему, он иногда делает вид, что меня и вовсе не существует.

– А Девлен? – вырвалось у Беатрис. – Что вы скажете о нем?

Роберт резко крутанулся на месте и решительно устремился вперед; девушка тоже прибавила шаг. Теперь ей приходилось едва ли не бежать, чтобы поспеть за герцогом.

– Девлен – мой единственный настоящий друг. Я бы хотел жить вместе с ним в Эдинбурге, но дядя ни за что не разрешит.

– Почему?

– Потому что Девлен оказал бы на меня дурное влияние. – Роберт хитро усмехнулся, как-то совершенно по-мужски. Забавно было видеть эту плутоватую ухмылку на лице семилетнего мальчишки. – Знаете ли, он поздно возвращается домой, и у него слишком много женщин-приятельниц.

– В самом деле?

Роберт замедлил шаг.

– Однажды я нашел здесь оленя, – проговорил он, с сомнением глядя на Беатрис, словно никак не мог решить, стоит ли ей доверять.

– Надеюсь, с ним вы обошлись лучше, чем со змеей?

Роберт надменно поднял брови, явно подражая своему кузену.

– Я герцог Брикин, мисс Синклер. И я единственный, кому дозволено охотиться в этих лесах. Но, боюсь, олень был уже мертв.

– Временами вы меня просто ужасаете, Роберт. Разве за этим люди ходят в лес? Чтобы найти

там очередное несчастное мертвое создание?

Мальчик снова с жалостью посмотрел на нее, и Беатрис молча пожала плечами.

Они подошли к самому краю леса, когда Беатрис вдруг услышала громкий треск. Девушка посмотрела под ноги, думая, что наступила на ветку, но звук повторился, на этот раз у нее за спиной. Беатрис обернулась в сторону замка. Внезапно щеку словно обожгло огнем. Девушка вздрогнула и прижала ладонь к щеке. Отняв руку, она увидела на ладони кровь.

Беатрис не успела спросить Роберта, что все это значит. Он мгновенно бросился к ней, схватил за руку и потянул за собой в чащу, а там резко дернул ее вниз и опрокинул на землю.

– Кто-то стрелял в нас, мисс Синклер!

Прогремел еще один выстрел. Теперь Беатрис уже не нужно было уговаривать оставаться на земле. Она укрылась за поваленным стволом и распласталась на колючем ковре из прелой листвы и гниющей хвои, вся облепленная опавшими сосновыми иголками.

Щеку слегка саднило. Ощупав лицо, Беатрис убедилась, что царапина пустяковая. Должно быть, пуля попала в дерево. Это отлетевшая щепка задела щеку.

– Боюсь, кто-то еще считает себя вправе охотиться в ваших лесах, Роберт, – пробормотала она. Снова раздался выстрел, на этот раз так близко, что Беатрис отчетливо услышала, как просвистела пуля, прежде чем вонзиться в ствол дерева. – Слава Богу, этот «кто-то» не слишком меткий стрелок.

От ствола поваленного дерева, за которым прятались герцог и его гувернантка, осталась едва ли половина. Время и насекомые потрудились на славу, превратив в труху большую часть древесины. И все же дерево служило хоть каким-то убежищем. Беатрис вгляделась в гущу ветвей, пытаясь понять, откуда летят пули.

Впереди вздымался крутой холм, слева на горе темнел силуэт Крэннок-Касла, а внизу, у подножия холма, виднелся бывший домик лесника. Теперь от него остались одни развалины. Беатрис окинула взглядом тропинку, по которой шли они с Робертом. За одним из огромных валунов вполне мог бы спрятаться мужчина с ружьем.

– Нас преследовал не охотник, мисс Синклер. Стрелял кто-то из замка, – с пугающей уверенностью заявил Роберт. Мальчик говорил очень тихо. Если бы Беатрис не положила руку ему на плечо, она бы и не узнала, что ребенок дрожит. Девушка поспешно обняла его, и они вместе принялись настороженно осматривать сквозь путаницу веток залитые солнцем холмы и тропинку.

– Наверное, это все же был охотник, просто он совсем не умеет стрелять.

– Никому не дозволено охотиться на земле Гордонов.

– Человек, которому нужно накормить голодную семью, не остановится ни перед чем и легко нарушит закон.

– Стрелял не охотник, – упрямо повторил герцог. – Кто-то пытался убить меня.

Голос Роберта звучал совершенно бесстрастно, и Беатрис невольно вздрогнула. Откуда у мальчика это ужасающее хладнокровие? Как можно так спокойно рассуждать о покушении на

свою жизнь?

– Какие странные вещи вы говорите, Роберт.

– Это уже не первый случай.

Беатрис в ужасе отпрянула, схватила мальчика за плечи и повернула к себе.

– Что вы имеете в виду?

– В день, когда мой первый гувернер должен был покинуть замок, я, вместо того чтобы попрощаться с ним, отправился в домик лесника. – Роберт махнул рукой в сторону разрушенного дома у подножия холма.

– Вы хотите сказать, что прятались там, пока все разыскивали вас?

Роберт опустил голову и ответил, пряча глаза:

– Я едва не попал в капкан. Раньше его там не было. Я чудом избежал западни.

– Это могло быть случайностью.

– В Крэннок-Касле не пользуются капканами. Можете спросить моего дядю. Он подтвердит.

Роберт вырвался из рук Беатрис и задрал вверх штанину, показав повязку, которую девушка прежде не замечала.

– А несколько дней назад кто-то столкнул меня с лестницы.

Они молча посмотрели друг на друга. Беатрис не знала, что сказать. Похоже, она угодила в самое настоящее осиное гнездо.

Девушка поднялась с земли и зашагала к краю леса, оставив Роберта позади. Последний выстрел прозвучал всего несколько мгновений назад, и Беатрис хотела знать, станет ли стрелок преследовать свою жертву или же стрелял действительно незадачливый охотник, который не сразу понял, что целился отнюдь не в дичь.

Синяя накидка Беатрис заметно выделялась на фоне деревьев, а желтовато-коричневый сюртук Роберта сливался с листвой.

– Наверное, вас просто приняли за оленя, – неуверенно заметила девушка. Слова Роберта заставили ее засомневаться.

Мальчик молча покачал головой.

Беатрис осторожно ступила на дорожку. Больше всего на свете ей сейчас хотелось оказаться в замке, в надежном укрытии. Но так ли уж безопасен Крэннок-Касл? Особенно если все, что сказал Роберт, – правда?

Четверть часа спустя, когда выстрелов больше не последовало, Беатрис решила, что можно отправляться в обратный путь. Они принялись взбираться на холм. На узкой тропинке мальчик и девушка представляли собой прекрасную мишень. Единственной мерой безопасности, к которой она могла прибегнуть, – это держать герцога позади себя. Если Роберт сказал правду и стрелявший метил в него, теперь зловещему стрелку будет куда труднее прицелиться – ведь он

увидит перед собой одну лишь гувернантку.

Они шли в угрюмом молчании, но когда наконец приблизились к замку, Беатрис едва не заплакала от облегчения.

- Нужно рассказать все вашему дяде, - выдохнула она, оказавшись на дальнем дворе.

Роберт остановился и посмотрел на нее с таким выражением, что у Беатрис невольно сжалось сердце. Семилетний ребенок не должен смотреть так: с мудрым пониманием, горечью и безысходной печалью в глазах.

- Идите и скажите ему, мисс Синклер. Он ответит, что это нелепая случайность. Или что ничего не было, а я лишь дал волю своему воображению. Так он и заявил в прошлый раз.

- Он ваш дядя. И он желает вам добра.

Мальчик разразился жутким, зловещим, совсем не детским смехом. Повернувшись, он окинул взглядом газон перед замком.

- Мисс Синклер, мой отец женился очень поздно, на склоне лет. И долгие годы до этого события дядя верил, что унаследует титул. Мое появление стало для него сюрпризом. Неприятным сюрпризом. Если со мной что-то случится, дядя станет герцогом.

Беатрис потрясенно посмотрела на него.

- Роберт, неужели вы думаете, что ваш дядя к этому причастен?

Мальчик зашагал вверх по лестнице к массивным двойным дверям. На верхней ступени он обернулся и посмотрел в глаза Беатрис.

- Можете поговорить с моим дядей, если хотите, мисс Синклер. Только хочу вас предупредить: это скорее ухудшит мое положение, но уж точно не улучшит.

Она проводила глазами мальчика и задумалась, не зная, на что решиться. Если бы здесь был Девлен, она могла бы довериться ему, В конце концов Беатрис решила поговорить с Гастоном и отправилась на поиски слуги. Она нашла его на кухне.

- У вас есть минутка, чтобы выслушать меня?

- Вы поранились, мисс Синклер.

Беатрис потрогала щеку. Она совершенно забыла о царапине.

- Это просто царапина, ничего особенного.

- У нас есть мазь, она хорошо помогает в таких случаях. Нужно обязательно намазать, чтобы не осталось шрама.

Беатрис ничего не оставалось, кроме как последовать за Гастоном и сесть к столу. Слуга аккуратно промыл царапину, смазал каким-то зловонным снадобьем, а потом вручил Беатрис баночку с мазью и велел обрабатывать царапину дважды в день.

- О чем вы хотели со мной поговорить?

Беатрис оглянулась и поймала на себе любопытные взгляды слуг.

– А мы не могли бы выбрать более уединенное место?

– Разумеется, мисс Синклер.

Гастон оставил поднос с мазями и притираниями на столе и повел девушку за собой по бесконечным коридорам замка, похожим на подземные туннели. Беатрис показалось, она смутно припоминает дорогу, по которой ее вел Девлен в первый вечер.

Они вышли из замка в небольшой внутренний дворик, и девушка поняла, что память ее не подвела. Здесь остановилась карета Девлена в тот вечер.

– Что случилось, мисс Синклер?

– Я могу рассчитывать на ваше молчание, Гастон? Об этом не стоит говорить даже вашему хозяину.

– Не могу ничего обещать, пока не узнаю, о чем идет речь.

Беатрис оценила преданность Гастона своему господину, но и юный Роберт вправе был рассчитывать на верность гувернантки. Беатрис не давала ему слова молчать о происшествии в лесу, но мальчик вызывал у нее все больше уважения. Хотя бы одной своей храбростью.

– Роберту действительно угрожает опасность? После смерти родителей с ним происходило что-нибудь необычное?

Она ожидала услышать короткий отрицательный ответ, но слуга не торопился отвечать. Несколько долгих мгновений он внимательно изучал Беатрис, словно пытался прочесть по ее лицу, что заставило ее задать этот вопрос.

– Было несколько неприятных происшествий. Несчастных случаев, которые могли бы приключиться с любым маленьким мальчиком.

– Вроде того случая, когда Роберта столкнули с лестницы?

– Его светлость частенько забывает надеть туфли и скользит по паркету в одних чулках, мисс Синклер. Это досадная случайность, только и всего.

– А капкан?

– Мы так и не смогли найти западню, о которой говорил герцог.

Беатрис хотела было упомянуть о выстрелах, но промолчала, решив, что Гастон найдет и этому вполне правдоподобное объяснение, как это сделала недавно она сама. Всеми виной какой-нибудь страстный охотник, которому недостает мастерства, а ружейного пороха хватает с избытком.

– Мистеру Гордону известно об этих несчастных случаях?

– Хозяин знает, мисс Синклер. Ему известно все, что происходит в Крэннок-Касле. Если мистер Гордон не обсуждает этот вопрос и не делает публичных заявлений, то это вовсе не значит, что он пребывает в неведении. – Гастон немного помолчал и добавил: – Если в ближайшем будущем подобные происшествия учащаются, то, возможно, из-за вас, мисс Синклер.

Беатрис испуганно отступила.

– Из-за меня?

– Его светлость наверняка понимает, что у вас доброе сердце. Возможно, он попытается использовать свои ужасные истории, чтобы вынудить вас покинуть замок.

– Вы считаете, что все они – плод мальчишеского воображения?

– Ребенок все еще горюет по своей семье, вот и выдумывает бог знает что.

Беатрис задумчиво перевела взгляд на извилистую дорогу, ведущую вниз с горы. Если у нее еще остались крупицы разума, она должна немедленно бежать из этого места с его тайнами и трагедиями. Но за последние два дня кое-что изменилось. Она успела привязаться к маленькому мальчику, надменному, несносному, но удивительно отважному.

Нет, она не сможет так просто уйти и бросить Роберта. Возможно, Беатрис – единственная, кто верит мальчику, потому что охотник (если это действительно был охотник) стрелял не только в герцога, но и в его гувернантку.

Беатрис повернулась на каблуках и покинула Гастона, чтобы не сказать нечто такое, о чем впоследствии могла бы пожалеть. Она даже не попросила его держать в секрете их разговор, поскольку понимала, что Гастон все равно не станет этого делать. Напротив, он тут же отправится к Камерону Гордону и выложит хозяину все, о чем только что услышал.

Она поднялась по боковой лестнице на второй этаж и постучала в дверь Роберта. Ответа не последовало, но на этот раз Беатрис и не подумала отправиться на поиски мальчика. Наверняка в замке имелось множество мест, где мог бы спрятаться семилетний ребенок. Вероятно, Роберт укрылся в одном из них. «Лишь бы его убежище оказалось надежным», – с тревогой подумала она.

Беатрис вошла к себе в комнату и захлопнула за собой дверь. В ней боролись сомнения и страх. Мрачные коридоры замка таили явную угрозу.

Глава 15

– Когда я хлопал дверью, родители делали мне замечание, – заявил Роберт.

Беатрис посмотрела в дальний конец комнаты. Юный герцог сидел на краю ее постели и болтал ногами в воздухе.

– Могу я поинтересоваться, что вы делаете в моей спальне? – с напускной строгостью спросила Беатрис. На самом деле при виде Роберта она испытала странное облегчение. – Вы решили подложить еще одну змею мне в постель? Или на этот раз выбрали жабу?

Очаровательная озорная улыбка появилась на его губах. Роберт весело рассмеялся, как смеются маленькие мальчики, а не серьезные юные герцоги.

– Я не рассказывал вам, как подстрелил одного из гувернеров и попал ему прямо в зад? Конечно, это произошло случайно, но он не поверил. Гувернер заявил моему дядюшке, что я – сатанинское отродье, что мое место в тюрьме, а вовсе не в школе. Не так-то просто решить, какой еще сюрприз приготовить вам, мисс Синклер. Тут нужно как следует подумать. Боюсь,

вас не так-то легко испугать.

– И все же сегодня я испугалась. Происшествие в лесу, – Беатрис намеренно выбрала слово, которое употребил Гастон, – нагнало на меня страху.

– Но вы держались очень храбро, – признал Роберт. – Вы вышли на тропинку, где любой мог выстрелить в вас.

– Я вовсе не собиралась рисковать. Я надеялась всей душой, что стрелял охотник. Увидев меня, он бы сразу понял, что я не олень.

– Вы говорили с дядей?

– А, так вот почему вы здесь! Нет, не говорила. – Она уселась на кровать рядом с Робертом. – Странно, что никто не слышал выстрелов.

– Должно быть, все подумали, что стрелял охотник. Возможно, дяде захотелось крольчатины и он послал в лес одного из слуг. – Мальчик не сомневался, что Камерон Гордон прямо или косвенно замешан в странном происшествии в лесу. – По-моему, вы очень смелая, мисс Синклер.

Этот комплимент, произнесенный неожиданно спокойным и приятным тоном, совершенно непохожим на обычное надменно-повелительное брюзжание Роберта, заставил Беатрис изумленно взглянуть на мальчика. Лишившись привычной маски высокомерного презрения, юный герцог оказался очень милым собеседником. Беатрис с удивлением поймала себя на мысли, что утром прекрасно провела время в его обществе.

– Чем мы теперь займемся? – спросил Роберт.

Беатрис больше всего хотелось бы сейчас лечь в постель и положить на глаза холодный компресс, чтобы хотя бы на минуту забыть об острой пульсирующей головной боли, которая не отпускала ее с той самой минуты, когда раздался первый выстрел. Но ради Роберта девушка решила потерпеть.

– Вы проводите меня в библиотеку?

Мальчик сжал губы и покачал головой. Его неожиданное упрямство удивило Беатрис. Не поторопилась ли она, только что подумав про себя, что Роберт – довольно милый ребенок?

– Обычно днем эту комнату занимает мой дядя.

Теперь Беатрис поняла. Ей тоже не хотелось встречаться с Камероном Гордоном.

– Что ж, похоже, пока мы не можем взять книги, чтобы начать учиться. А где вы обычно занимались с учителями?

Роберт отвел глаза, разгладил ладонями брюки и принялся рассматривать невесть откуда взявшуюся дыру у себя на чулке. На Беатрис он так и не взглянул.

– Роберт? – Мальчик покосился на гувернантку, но тут же внезапно приткнулся к окну, словно внизу происходило нечто захватывающее и увлекательное. – Роберт!

Маленький герцог тяжело вздохнул и повернулся к Беатрис.

- У меня было трое гувернеров, мисс Синклер. - Она выжидающе подняла брови. - Двое из них считали, что Крэннок-Касл слишком далек от цивилизации. Они не переставали ныть и жаловаться с момента своего появления в замке, так что я не особенно горевал, когда они ушли. Третий был не так уж плох, но постоянно твердил, какой красавец мой дядя. Он едва не падал в обморок всякий раз, когда встречался с ним. Сказать по правде, в том, что он ушел, нет моей вины. Стрела не причинила ему особого вреда. Дядя его уволил.

- Получается, никто из них не задержался здесь надолго, чтобы хоть чему-то вас научить? - Мальчик развел руками, - А где вы занимались?

- Рядом с моей спальней есть маленькая гостиная.

- Тогда мы встретимся там утром.

Вместо ответа Роберт соскользнул с кровати.

- Не хотите ли заглянуть в мансарду, мисс Синклер? - предложил он, с надеждой глядя на гувернантку. - Там наверху множество пустых комнат. Я знаю одну, которая как нельзя лучше подойдет для занятий. - Его глаза радостно сверкнули.

- В мансарду? - с сомнением протянула Беатрис.

- Пойдемте, мисс Синклер. Я отлично знаю замок.

- Кто учил вас, когда были живы ваши родители?

- Отец.

Беатрис кивнула. Этого ответа она и ожидала. Теперь стало понятно, почему Роберт с таким ожесточением относился к появлению гувернеров или домашних учителей. Их присутствие в доме постоянно напоминало мальчику о том, что отца больше нет. Легко объяснимо и пристрастие Роберта к мансарде. Разумеется, Камерон Гордон в своем кресле на колесах не мог преодолеть лестницу и взобраться наверх. Дядя мальчика цепко держал в своих руках все дела поместья, а Роберт, двенадцатый герцог Брикин, находился под его неусыпным надзором. Беатрис не удивляло, что мальчик постоянно ищет способ ускользнуть из-под бдительного ока дядюшки. Честно говоря, она нисколько не осуждала за это Роберта. И все же Беатрис не обманывалась: долго его бунт не продлится. Какую бы комнату ни выбрал Роберт для занятий, Камерон непременно явится туда. Вполне возможно, он потребует, чтобы уроки проходили в более подходящем месте. В конце концов, Камерон Гордон - опекун мальчика.

Роберт провел Беатрис вниз по коридору, затем свернул налево, потом направо. Он двигался с уверенностью человека, хорошо знающего дорогу. В конце галереи мальчик протянул руку и надавил на одно из лепных украшений, висевшее чуть ниже массивной картины в золоченой раме. Стена вдруг раздвинулась, открылся проход в узкий коридор. Утром Беатрис видела, как одна из служанок исчезла в похожем проходе под лестницей.

- Потайной ход?

- Всего лишь коридор, которым пользуются горничные и лакеи, чтобы перейти с этажа на этаж. Думаю, когда-то здесь прятали сокровища. Отец говорил, что среди наших предков встречались разбойники и воры. - Роберт лукаво ухмыльнулся. - Кажется, их призраки бродят здесь до сих пор. Однажды я видел самого первого Гордона вместе с его лошадей. - Беатрис недоверчиво взглянула на Роберта, изогнув бровь. - Дядя предпочитает не видеть слуг,

поэтому при его приближении они исчезают, проходят сквозь стены и растворяются в воздухе. – Он засмеялся.

– В замке много подобных мест?

– Нет, только в новом крыле. Этой части замка всего около ста лет. Если в старом крыле и скрыты какие-то потайные ходы, мне не удалось их разыскать.

– А вы, похоже, тщательно исследовали замок?

– Чем тут еще заняться?

– Ну, с этой минуты вам придется заниматься уроками.

Роберт скорчил забавную рожицу, но ничего не ответил.

Беатрис последовала за ним в небольшой холл, ведущий к чугунной винтовой лестнице. Определенно когда-то здесь была башня. Сквозь узкие сводчатые окна проникал солнечный свет, а вместе с ним и холод. Должно быть, студеной зимой прислуживать семейству Гордонов невыносимо холодно. Роберт понизил голос и доверительно прошептал:

– Отсюда можно спуститься в кухню или подняться в мансарду.

– А почему вы шепчете?

– Осторожность не помешает, ведь здесь нас может услышать любой. Звуки слишком хорошо разносятся.

Беатрис вцепилась в перила и принялась карабкаться вверх. Казалось, лестница никогда не кончится. Башня оказалась до того высокой, что девушке стало не по себе. Наконец они добрались до самого верха и ступили на дощатую площадку. Между последней ступенькой и досками зияла щель. Беатрис поспешно переступила через нее, стараясь не смотреть вниз.

– Все в порядке, мисс Синклер, – шепнул мальчик. – Мы почти пришли. – Он толчком распахнул дверь, и Беатрис очутилась в ярко освещенном коридоре. Холл показался ей немного уже, чем на втором этаже. Здесь никто даже не пытался скрыть проход к лестнице для слуг. – Мы на самом верху, – с торжеством заявил Роберт, и впервые в его голосе послышалась гордость обладателя. – На этом этаже есть одна комната с окном на потолке. Сейчас в ней хранятся дорожные сундуки, но оттуда хорошо виден океан.

Описание комнаты прозвучало так заманчиво, что на какое-то время сомнения в душе Беатрис уступили место любопытству.

– Когда в замке держали множество слуг, они спали здесь, наверху. Но сейчас их комнаты размещаются на третьем этаже.

– А сколько теперь слуг в Крэннок-Касле?

– Вроде бы всего семь. Чтобы обслуживать замок, нам нужно по крайней мере впятеро больше.

– Так почему бы вам не нанять еще?

– Дядя говорит, что заботится о моем состоянии, а я думаю, он просто не хочет видеть вокруг себя людей.

- Вам не очень-то нравится ваш дядя, верно?

Роберт бросил на нее такой мрачный взгляд, что Беатрис немедленно захотелось взять свои слова обратно.

После короткого молчания мальчик заговорил снова:

- Мой отец не раз повторял, что людям приходится выбирать между добром и злом.
- Должно быть, ваш отец был очень мудрым человеком.
- Отец был лучше всех на свете. И что бы ни говорил мой дядя, я всегда буду думать так.

Беатрис озадаченно посмотрела на Роберта. «Неужели Камерон Гордон дурно отзывался о покойном брате?»

Мальчик не сказал больше ничего о Камероне, и Беатрис испытала странное облегчение. Всего два дня назад она получила место гувернантки герцога, но это время оказалось наполнено самыми необычными событиями, какие только можно себе представить.

Роберт прошел в конец холла и толкнул тяжелую дверь. Из комнаты тут же хлынули потоки света. Не в силах сдержать любопытство, Беатрис последовала за мальчиком.

Окна начинались примерно от середины наружной стены и тянулись к самому потолку, образуя угол. Вся комната была залита теплыми золотистыми лучами солнца. Беатрис показалось, что она находится внутри огромного драгоценного камня, сверкающего желтыми гранями.

- Не правда ли, здесь красиво, мисс Синклер?

- По-моему, здесь просто изумительно, - благоговейно прошептала Беатрис. Справа виднелась вытянутая гряда гор, а слева, купаясь в полуденных лучах солнца, переливалась серебром широкая гладь океана. Впереди простирались живописные холмы и долины - великолепные уголья Крэннок-Касла. - Надеюсь, - с улыбкой прибавила она, - хотя бы этот чудесный вид заставит вас усердно учиться, ваша светлость. Каждый день разглядывая свои фамильные владения, вы захотите стать самым образованным герцогом в истории вашего рода.

- Вы заметили, что говорите мне «ваша светлость», только когда довольны мной?

- Правда? - усмехнулась Беатрис. - Тогда попробуйте заставить меня произносить эти слова чаще. - Она огляделась. «Кто-то превратил эту прекрасную комнату в кладовую для пустых сундуков, ящиков и саквояжей». - Потребуется время, чтобы разобрать эти завалы. Нам придется перенести сундуки в другое место.

Роберт потянул к двери один из сундуков.

- Нет, все не так просто. Тут понадобится кое-что переделать.

Беатрис принялась пересчитывать сундуки.

- Что нам действительно нужно, так это помощь. Это называется разделением труда.

- Так позовем одного из лакеев. Я герцог Брикин, мисс Синклер, и по-прежнему вправе приказывать своим слугам.

Роберт не переставал удивлять Беатрис. Только что он казался ей бесхитростным и ребячливым, и вот перед ней снова стоял заносчивый аристократ.

– Хорошо. А здесь есть звонок? Или нам придется спускаться на второй этаж?

На лице Роберта заиграла плутоватая ухмылка. С довольным видом он прошел в конец коридора и махнул рукой, желая привлечь внимание Беатрис.

Девушка скрестила руки на груди и нетерпеливо топнула ногой.

– Что там у вас?

На стене она увидела металлический треугольник. Роберт ловко подпрыгнул и ухватился за него. Ему хватило одной попытки. Крепко вцепившись в рычаг, Роберт повис на нем всей своей тяжестью и оттянул почти до пола. Когда мальчик выпустил треугольник из рук, тот подскочил едва ли не до потолка.

– Что это такое? – удивленно спросила Беатрис, подходя ближе, чтобы рассмотреть диковинный инструмент.

– Пожарная тревога, – с торжеством провозгласил мальчишка. – На кухне уже прозвенел звонок. Через несколько минут сюда явятся все слуги, какие только есть в замке.

– Роберт Гордон! Вы совсем лишились рассудка? Вы же насмерть перепугаете всех слуг до единого.

Беатрис сердито нахмурилась, но Роберт не придал этому значения. Он так и сиял от радости.

Через пять минут в холл перед лестницей для прислуги показались с ведрами в руках четверо из семи слуг Крэннок-Кас-ла. Все они раскраснелись и тяжело дышали. Как и опасалась Беатрис, услышав сигнал тревоги, слуги изрядно перепугались.

Девушка отослала всех, кроме одного лакея, который запыхался меньше остальных. Лакей и Роберт обменялись заговорщическими взглядами. При виде их ухмылок Беатрис заподозрила, что лакей и раньше помогал юному герцогу в его озорных проделках, но предпочла промолчать.

Роберт и слуга принялись вытаскивать в коридор ящики, а Беатрис прошла в глубину комнаты, внимательно разглядывая сундуки. Большинство оказались пустыми, кроме нескольких, задвинутых в угол. Два из них были сильно помяты, раздавленные крышки чудом уцелели.

Беатрис попыталась сдвинуть сундуки с места, но поняла, что ей это не под силу. Сундуки доверху были наполнены вещами.

– Сундуки принадлежали моим родителям, – объяснил Роберт, заглядывая ей через плечо. – А я все не мог понять, куда они подевались. – Он показал пальцем на сундук у стены. – Это сундук моей матушки.

– Куда их лучше перенести?

– А нельзя ли оставить их здесь?

Слава Богу, мальчик не попросил открыть сундуки. Он лишь хотел, чтобы принадлежавшие родителям вещи оставались в комнате и находились поблизости во время его занятий, как

сидели бы рядом с ним мать и отец, будь они живы.

Беатрис хорошо понимала Роберта. Она и сама проделывала подобные глупости: зажигала отцовскую трубку, чтобы запах табака окутал пустой дом, или оставляла на крышке комода матушкин передник, как будто мама только на минутку вышла из дома и вот-вот вернется.

– Конечно, можно, – с улыбкой кивнула она, и Роберт попытался улыбнуться в ответ.

Им потребовалось два часа, чтобы вынести все лишнее и освободить комнату. Они выдвинули стол на середину, оставив место сбоку от окна для книжных полок. Настоящим открытием стал камин у боковой стены. Горящий очаг способен наполнить теплом комнату даже в самую лютую стужу.

Все трое работали на удивление слаженно. Физический труд помогал Беатрис отвлечься от пугающих утренних событий. Закончив перестановку, девушка оставила Роберта в обществе лакея, а сама отправилась на поиски щетки, которой можно было бы вымыть пол. Беатрис вернулась из людской, вооруженная ведром и шваброй, и обнаружила, что лакей исчез, а вместо него в комнате рядом с Робертом стояла женщина.

– Должно быть, вы и есть удивительная мисс Синклер.

Беатрис никогда еще не видела такой красивой женщины.

Ярко-рыжие волосы, уложенные высокой короной на голове незнакомки, обрамляли лицо, безупречно гладкое и нежное, словно фарфоровое. Ярко-зеленые глаза напоминали осколки камня – таким твердым и холодным был ее взгляд.

– Роберт, – повелительно сказала женщина, поворачиваясь к мальчику. – Идите и переоденьтесь к обеду.

– Я не голоден.

Беатрис тяжело вздохнула. Юный герцог снова набросил на себя маску высокомерного презрения.

– Ваша светлость, – огорченно произнесла она, – Не забывайте о хороших манерах.

Роберт сверлил ее взглядом, но Беатрис лишь сурово нахмурила брови.

– Хорошо, – откликнулся он наконец и отвесил учтивый поклон. – Мисс Синклер. – Беатрис довольно кивнула. Мальчик повернулся и поклонился рыжеволосой красавице. – Тетя Ровена.

– Простите, – смущенно улыбнулась Беатрис. – Я не знала, что вы вернулись. Я гувернантка Роберта.

– Я так и поняла. Вы были знакомы с моим мужем раньше, до того, как он вас нанял, мисс Синклер? – ледяным тоном осведомилась миссис Гордон.

– Нет.

– Удивительно. Особенно если принять во внимание, что моему мужу нравится окружать себя привлекательными молодыми женщинами.

Никогда еще Беатрис не сталкивалась со столь неприкрытой враждебностью. Ровена Гордон

невзлюбила ее с первого взгляда. Лживые слухи и беспочвенная ревность заставили эту холеную красавицу возненавидеть мнимую соперницу.

– Вряд ли вам придется по душе Крэннок-Касл, мисс Синклер. Вам тут будет нечем себя занять. Здесь нет ничего интересного для такой женщины, как вы.

Беатрис промолчала, опасаясь сказать в ответ какую-нибудь дерзость.

Ровена, гордо вскинув голову, направилась к двери и покинула комнату. Встреча с миссис Гордон оставила у Беатрис тяжелое чувство, что отныне жизнь в Крэннок-Касле еще больше усложнится. К тревожным утренним событиям добавились новые неприятности.

Глава 16

Беатрис закончила одеваться, наклонила висевшее над столом зеркало и оглядела себя в последний раз. Теперь, когда Ровена вернулась в Крэннок-Касл, Беатрис ожидал первый семейный обед. Откровенно говоря, она предпочла бы, чтобы ей доставили еду в комнату, как раньше.

Беатрис тихо закрыла за собой дверь и прошла в дальний конец коридора, к герцогским покоем. Ей хотелось убедиться, что Роберт не собирается выкинуть какую-нибудь шалость, – ведь гувернантка обязана следить за манерами своего воспитанника. Беатрис решила, что не помешает короткий разговор с мальчиком, прежде чем они спустятся в обеденный зал.

На ее стук никто не ответил. Беатрис медленно повернула ручку и осторожно приоткрыла дверь. Комната оказалась пуста. Девушка озабоченно нахмурилась.

«Что ж, будем надеяться, Роберт пораньше отправился в столовую, а не прячется в каком-нибудь темном углу».

У Беатрис совершенно не было сил его разыскивать.

Спускаясь по лестнице, она заметила горничную, которая как раз собиралась скользнуть за потайную дверцу, и сделала ей знак.

– Как мне найти обеденный зал?

– Первый этаж, третья комната в восточном крыле. – Служанка сделала короткий реверанс и проворно исчезла, вызвав у Беатрис легкое чувство зависти. Как бы ей хотелось так же изящно раствориться в воздухе, вместо того чтобы сидеть за одним столом с Камероном и его женой. Указания горничной оказались не вполне точными, но в конце концов девушка все же нашла то, что искала.

В отличие от комнаты, где она завтракала, обеденный зал Крэннок-Касла, предназначенный для торжественных трапез, походил на музей истории рода Гордонов. Висевшие на стенах старинные палаши, щиты, клетчатые шотландские пледы и знамена соседствовали с живописными полотнами, изображавшими сцены охоты, а также портретами собак и лошадей. Никогда прежде Беатрис не доводилось видеть такое невероятное сочетание по-настоящему плохих картин и никуда не годных предметов искусства.

К счастью, Роберт уже спустился в зал. При виде мальчика у Беатрис вырвался вздох облегчения. Юный герцог сидел не во главе стола, а по левую руку от своего дяди. Ровена

занимала место справа от мужа. Беатрис заметила еще один прибор на левой стороне стола, довольно далеко от остальных. Оскорбительно далеко. Беатрис молча кивнула семейству Гордонов и уселась за стол. В ответ она получила лишь улыбку Роберта.

Обед проходил довольно странно. Роберт пребывал в отличном расположении духа и весело хихикал по малейшему поводу, однако в остальном маленький герцог вел себя вполне сносно, так что гувернантке не пришлось напоминать ему о хороших манерах.

Ровена Гордон подчеркнуто не замечала Беатрис на протяжении всей трапезы. Стоило Камерону обратиться к гувернантке, как Ровена тотчас делала вид, что внимательно разглядывает канделябр на дальней стене зала.

Интересно, Ровена Гордон ревнует своего мужа к каждой женщине в Крэннок-Касле? Может, все дело в том, что Беатрис здесь недавно, что ее наняли без ведома Ровены?

– Вы долго были в Лондоне, миссис Гордон? – спросила девушка.

Ровена снова обратила взгляд к канделябру. Соизволит ли она ответить? Или снова притворится, что не замечает гувернантку? Беатрис охватило смущение и гнев. Она уже жалела, что обратилась к Ровене.

– Нет, не долго. Хотя, быть может, и долго.

– Два месяца, мисс Синклер, – вмешался Камерон.

– Вы приятно провели время в Лондоне?

– Я старалась получить удовольствие от поездки. Насколько это возможно, когда находишься в разлуке с мужем.

– Говорят, весь мир рано или поздно приезжает в Лондон.

– В самом деле? – Ровена изобразила скучающую улыбку. Так улыбаются красивые женщины, уверенные в собственной неотразимости. Капризно и неохотно, словно им стоит большого труда изогнуть губы. Возможно, эти обольстительные создания просто не хотят зря расходовать силы, а приберегают их до лучших времен, когда надо бросить кокетливый взгляд или соблазнительно обмахнуться веером.

Пожалуй, не стоило заводить разговор с Ровеной. И все же простая вежливость требовала хотя бы попытаться. Но как оказалось, беседовать с Ровеной и оставаться при этом любезной – чрезвычайно трудно.

Прошло немало времени, прежде чем прекрасная Ровена все-таки посмотрела на гувернантку. Впервые за весь вечер.

– У вас достаточно знаний и опыта, чтобы выполнять обязанности гувернантки герцога Брикина, мисс Синклер? Должно быть, у вас безукоризненные рекомендации?

У Беатрис не было никаких рекомендаций.

Она бросила взгляд на Камерона Гордона, но тот лишь откровенно разглядывал ее, сохраняя непроницаемое выражение лица, словно кошка, которая наблюдает за мышью. Помощи от него ждать не приходилось. Но почему? Потому что сегодня утром жалкая гувернантка осмелилась

бросить ему вызов?

В который раз Беатрис подумала, что лучше бы она брела сейчас вниз с горы по извилистой дороге. В конце концов, она нашла бы себе какую-нибудь работу. А может, лучше было бы отправиться в Эдинбург вместе с Девленом? Уж конечно, в Эдинбурге она легко подыскала бы себе место в приличной семье.

Ровена ждала, и Беатрис пришлось ответить.

– Сказать по правде, я не слишком хорошо вышиваю, – невозмутимо произнесла она. – Но читаю на трех языках. Свободно владею французским, итальянским и немецким. И готова поддержать разговор на множество тем, как религиозных, так и светских. Я помогала обучать молодых людей латыни и обладаю достаточными познаниями в математике, географии и экономике.

– Похоже, вы кладезь премудрости, мисс Синклер. У вас так много разнообразных талантов! Вы слишком хороши для гувернантки. Почему бы вам не попробовать себя на любом другом поприще? Например, в роли помощницы модистки или девушки за стойкой бара?

– Меня не интересуют шляпки, миссис Гордон. И хотя у меня нет никакого предубеждения против спиртного, я не переношу запаха пива. Вам это покажется забавным, но хозяин трактира, где я пыталась найти работу, счел, что я слишком стара и недостаточно красива для его заведения. – Беатрис спокойно встретила колючий взгляд Ровены. – Приятно слышать, что вы считаете иначе.

Она ни словом не упомянула о том, что находилась тогда на грани отчаяния. Разве могла она выбирать? Найти работу, все равно какую, или продать свое тело за миску с едой – вот и весь выбор. Слово «добродетель» наполнено смыслом лишь для тех, кто живет в сытости и тепле, не думая о том, как выжить в этом жестоком мире.

Что ж, на смену одним трудностям пришли другие. Пусть так, но в Крэннок-Касле, помимо враждебности и интриг, она нашла и кое-что другое – полные кладовые и баснословное жалованье. Когда Камерон мельком упомянул о причитающихся ей деньгах, у Беатрис от изумления отвисла челюсть.

Гувернантка заставила себя улыбнуться и вернулась к еде. «Господи, хоть бы Ровена Гордон вовсе не возвращалась из Лондона!»

Обед был великолепен. Сочный ростбиф и утка в сливочном соусе, овощи и чудесный сладкий торт. Он был такой легкий, что, казалось, вот-вот поднимется в воздух прямо с блюда. Но Беатрис одолевала сомнения. Теперь ей не приходилось голодать – в Крэннок-Касле кормили отменно. Но можно ли считать это достаточной наградой за жизнь в окружении людей, подозревающих друг друга в чудовищных поступках и тайном вождении?

Наконец она поняла, почему Роберт так не хотел, чтобы Камерон узнал об утреннем происшествии в лесу. Мальчик и гувернантка обменялись взглядами. Беатрис улыбнулась с видом заговорщицы и поклялась про себя строго хранить секрет Роберта.

– Не ожидал увидеть вас дома так скоро, сэр. – Сондерс отступил на шаг, ловко взялся за воротник элегантного облегающего сюртука Девлена и помог хозяину его стянуть.

– Честно говоря, – признался Девлен, – я и сам не ожидал, что так рано вернусь.

Он вошел в библиотеку и с удовольствием отметил, что слуги успели зажечь все свечи в канделябрах, а также масляные лампы на каминной полке и на столе.

- Прием пришелся вам не по вкусу, Сэр? Я слышал, в списке приглашенных числились члены королевской семьи.

- Они там были, Сондерс. Сегодня вечером эдинбургское общество почтили своим присутствием несколько высокородных вельмож, в чьих жилах течет королевская кровь, и великое множество титулованных особ. Пожалуй, даже в излишке. Как мне показалось, большинство из них охотно бы расстались со своими титулами в обмен на более или менее приличное состояние. Чем выше положение человека, тем усерднее он делает вид, что не нуждается в деньгах, хотя денег ему требуется очень много. Почему так происходит, Сондерс?

- Боюсь, я этого не знаю, сэр.

- Можешь идти, - рассеянно произнес Девлен, взмахом руки отпуская слугу. Сондерс облегченно вздохнул и мгновенно исчез.

Девлен привык быть один, но в последнюю неделю одиночество начало тяготить его. Ему вдруг стало не хватать общества других людей. Девлен терпеть не мог нераскрытые тайны, особенно когда дело касалось его самого. Так откуда взялось это странное тревожное чувство?

Внезапный стук в дверь заставил его обернуться. В дверях появился Сондерс. Его лицо вместо привычной любезности выражало замешательство и смущение.

- К вам посетитель, сэр.

- В этот час? - Девлен взглянул на каминные часы. Они показывали девять. Довольно рано, чтобы ложиться в постель, но определенно слишком поздно для делового визита.

- Некий мистер Мартин, сэр. Он утверждает, что разговор с вами жизненно важен для него.

Мартин был владельцем компании, о покупке которой подумывал Девлен. Этот человек создал взрывающийся от удара порох, а Девлена чрезвычайно заинтересовало его открытие. Но предприятие Мартина пребывало в плачевном состоянии. Финансовые дела были запутаны, а управление никуда не годилось. Ему грозила опасность пойти ко дну, если Девлен не купит компанию вместе с изобретением.

Гордон уселся за стол и кивнул Сондерсу. Вскоре в кабинет проводили Мартина. Девлен жестом предложил ему занять стул напротив, и Мартин сел, сжимая в руках шляпу.

- Вы подумали над моим предложением? - задал вопрос Девлен.

- Да, я не хочу продавать дело. Но у меня нет выбора, верно?

- Выбор есть всегда. Не хочу, чтобы пошли слухи, будто я запугал вас и силой вынудил принять решение.

Девлен поднялся и предложил посетителю виски. Мартин быстро выпил спиртное и поставил пустой бокал на край стола. Девлен налил себе виски и уселся за стол с бокалом в руках.

- Мне бы хотелось сохранить за собой роль полноправного партнера, вместо того чтобы отдать все. Я продам вам половину.

Девлен вопросительно изогнул бровь.

– А какой мне прок от половинной доли в компании?

Мартин не ответил. Девлен ожидал услышать что-нибудь вроде: «Я обладаю знаниями, которых у вас нет», «Я сделаю вам огромное состояние» или «Я не раскрою вам секрет своего изобретения, пока вы не согласитесь на мои условия». Но Мартин сидел с опущенной головой и молча разглядывал шляпу.

Девлен начал терять терпение. Он предпочитал иметь дело с людьми, способными точно формулировать, чего они хотят и как собираются добиваться желаемого. Человек всегда должен уметь высказать свои пожелания и требования.

– Итак? – нетерпеливо добавил он. Но сидевший напротив человек даже не посмотрел в его сторону. – Какая для меня выгода в том, чтобы купить половину вашего предприятия? Обычно я не соглашаюсь на партнерство. Я привык быть единоличным владельцем.

Мартин поднял голову, и Девлен с ужасом увидел слезы на глазах гостя.

– Это все, что у меня есть.

Девлен встал и подошел к окну. Более жалостливый человек на его месте, возможно, сдался бы и уступил мольбам, но Девлена никто не назвал бы жалостливым, скорее уж жестким и прагматичным. Гордон никогда не поддавался эмоциям, а исходил из соображений целесообразности. В обществе любят наклеивать ярлыки, и за Девленом прочно установилась репутация человека сильного, честолюбивого, целеустремленного, не допускающего возражений.

– Вы женаты, мистер Мартин? – бросил Девлен, не обращившись.

– Да. Вот уже двадцать лет.

– Вы любите свою жену?

– Сэр?

Девлен повернулся и посмотрел в глаза Мартину.

– Понимаю, вопрос странный, но простите мне мой каприз. Так вы любите жену?

Мартин кивнул.

– А как вы решили, что любите ее?

Изобретатель выглядел смущенным. Девлен отлично понимал, что творится в его душе, и нисколько его за это не осуждал.

– Ну, это был брак по сговору, сэр. Ее отец хорошо знал моего отца.

– И через несколько лет вы решили, что любите жену?

Мартин улыбнулся:

– Скорее через несколько недель. Жена была очень хорошенькой, со светлыми волосами и

прелестными глазами орехового цвета. Но стоило ей надеть голубое платье, ее глаза становились голубыми. По особым случаям она надевала зеленый наряд. Вот тогда я мог часами любоваться ее глазами. Они походили на омуты или озера. – Изобретатель покачал головой и уставился на свои башмаки.

– Так вы любите ее за внешность, мистер Мартин?

Гость, не поднимая глаз, поспешно затряс головой.

– Это самое доброе существо из всех, кого я знаю. Жена всегда готова прийти на помощь нуждающемуся, будь то человек или бродячая собака, мистер Гордон. Она, можно сказать, спасла меня.

– Значит, ваша компания не все, что у вас есть, мистер Мартин. И даже не главное в вашей жизни.

Мартин взглянул на него с любопытством.

– Вы полагаете, что брак для мужчины может быть важнее, чем его дело, сэр? Тогда почему же вы не женились?

Девлен вернулся к своему столу.

– Я так и не услышал от вас убедительного ответа, мистер Мартин. Почему я должен довольствоваться половиной вашего предприятия?

Мартин привел свою компанию к краху, погубил блестящую идею, так и не сумев претворить ее в жизнь. Если бы этот человек оказался способен внятно выразить словами свои намерения, предложения иди хотя бы желания, Девлен, в порядке эксперимента, пожалуй, дал бы ему денег и списал бы их как безнадежный долг.

– Вы получите больше, чем стоит ваша компания, мистер Мартин.

– Но она принадлежит мне.

– Так оставьте ее себе. – Девлен раздраженно откинулся на спинку стула. – Насколько я помню, вы сами ко мне пришли, просили купить ваше предприятие. Вы передумали?

– Если вы не купите мое дело, я разорен. А если купите, я потеряю все.

– Похоже, вам нужно на что-то решиться. – Девлен поднялся и нажал на кнопку звонка у себя на столе. Когда дверь приоткрылась, в комнату заглянул Сондерс. Гордон перевел взгляд на своего посетителя. – Проводите мистера Мартина.

Прежде чем покинуть кабинет, Мартин посмотрел в лицо Девлену.

– Зачем вы задавали мне все эти вопросы насчет моей жены?

– Обыкновенное любопытство, только и всего.

Похоже, ответ не убедил Мартина. Когда изобретатель повернулся, чтобы уйти, Девлен снова заговорил:

– Я даю вам пять дней, мистер Мартин. По истечении этого срока я или куплю ваше

предприятие, или сниму свое предложение.

Когда изобретатель ушел, Девлен снова уселся за стол.

Не одному Мартину требовалось принять сейчас решение.

Девлен не собирался работать, но не хотелось ему и ложиться спать, читать или предаваться размышлениям. Его терзали беспокойство, неясная тревога и нетерпение. Никогда прежде Девлен не испытывал этой странной неуверенности. Его всегда ждали важные дела. Вечно он вынашивал планы укрепления и расширения своей империи. Девлен любил деньги. Ему нравилось тратить их, ворочать огромными суммами и ощущать свое всевластие. Он прекрасно сознавал, что в обществе цену человека определяет не масштаб личности, а размер банковского счета. Это его забавляло. Девлен Гордон слыл одним из самых многообещающих холостяков Шотландии.

Угрызения совести никогда не мучили его. Гордон тщательно рассматривал вопрос со всех сторон, прежде чем принять решение. Он обдумывал все возможные последствия, порой проявляя резкость и даже жестокость, но никогда не прибегал ко лжи, оставаясь честен как с деловыми партнерами, так и с теми, кого молва причисляла к его врагам. Возможно, за видимым бесстрашием Девлена и скрывались чувства, но он умел подчинять их рассудку. Не испытывая ни взлетов, ни падений, он никогда не испытывал тайного злорадства или открытого торжества в случае успеха, но никогда не впадал в отчаяние при неудаче.

«Так вы очень богаты? Деньги делают вас счастливым?»

Беатрис Синклер. Почему он так часто вспоминает о ней?

Девлен никогда еще не встречал женщины, столь же прямой и откровенной в своих высказываниях, как и он сам. Он с удовольствием вспоминал меткие замечания Беатрис, но еще больше ему нравилось, как она в ужасе замирала, высказав какое-нибудь убийственное суждение.

Большей частью эта женщина вела себя так, словно ее совершенно не заботило, что он о ней подумает.

А что он, собственно, подумал?

Женщина из Килбридден-Виллидж, гувернантка его кузена, наемная прислуга, служанка. Женщина, окутанная тайной.

Девлен взял в руки перо и принялся составлять список дел на завтра. Он занимался этим каждый вечер – сосредоточенно готовился к предстоящему дню, стараясь ничего не упустить. Как всегда, он полностью погрузился в работу, не позволяя себе отвлекаться ни на что.

Девлен любил планировать свою жизнь, ставить перед собой цели и стремиться к их достижению.

Уже к окончанию школы он точно знал, чего хочет. А хотел он стать богаче всех своих знакомых, обзавестись обширными владениями и сколотить состояние крупнее, чем у любого шотландца в округе. Создать собственную империю. Этой цели Девлен и посвящал все свое время.

Нельзя сказать, что Девлен никогда не предавался удовольствиям, но если находил очередное

приятное развлечение, то с радостью предвкушал, как после небольшой передышки с новыми силами возьмется за работу. Он уже мысленно готовился к следующей деловой встрече, соглашению или крупной сделке.

Девлен старался каждый день отводить немного времени на отдых – прогулку верхом, карточную игру или посещение любовницы. Но вот уже несколько дней как он не садился на лошадь и не брал в руки карт. Более того, он ни разу не зашел к Фелисии, и этот тревожный сигнал свидетельствовал о том, что Девлен Гордон до крайности раздосадован и раздражен.

«Беатрис Синклер. Господи, ну почему именно она?»

Мысли о ней накрепко засели у него в голове, неотвязные словно репей. Эта женщина совсем не в его вкусе – слишком бледная и худая. Интересно, как она будет выглядеть, проведя месяц в Крэннок-Касле? Наверняка немного поправится, да и волосы приобретут блеск. Но исчезнет ли та безысходная печаль в ее глазах, которая так поразила его, когда он впервые увидел Беатрис?

Странно, не так уж часто Девлен испытывал желание выступить в роли покровителя.

Гордон пользовался репутацией требовательного, но щедрого любовника. Собираясь расстаться с надоевшей ему женщиной, он обязательно оставлял ей в подарок что-нибудь по-настоящему красивое и дорогое – изящную вещицу, которая бы служила напоминанием о нем.

Нередко ему случалось встречать недавно брошенных любовниц в обществе других мужчин на каких-нибудь светских приемах и нередко замечал сверкающий браслет, брошь или великолепное бриллиантовое кольцо, некогда привезенные им из Амстердама. Девлен приветливо кивал, и женщина кивала в ответ. Оба при этом держались подчеркнуто вежливо.

Он подошел к окну и окинул взором ночное небо. Может быть, пришло время избавиться от нынешней любовницы и заменить ее кем-то еще?

Мисс Синклер?

Едва ли он выбрал бы себе в любовницы женщину подобного типа. Она слишком прямолинейна, слишком любит спорить. Слишком... умна? Она никогда не заводила разговоров о шляпках, никогда не интересовалась у Девлена, нравится ли ему ее платье, с очаровательным бесстыдством напрашиваясь на комплимент. Впрочем, ее убогое платье никак не могло бы ему понравиться. Руки Беатрис покраснели от работы, пальцы загрубели и покрылись мозолями. Прежде ей явно приходилось заниматься непосильным физическим трудом.

Она большая гордячка, эта мисс Синклер. И вымученная ее улыбка не могла его обмануть, поскольку глаза гувернантки никогда не улыбались. Девлену понравился ее смех, долгий, громкий и искренний. Ему вдруг захотелось купить ей шоколад, чтобы увидеть, как она станет восторженно смаковать его. Интересно, как она будет выглядеть в красном платье? Красный цвет выгодно оттенит бы необычную яркость ее лица и волос, придаст бы блеск чудесным глазам.

Ему захотелось поговорить с ней, только и всего. Обычное любопытство. Так откуда в нем это растущее беспокойство?

Девлен заставил себя вернуться к столу и сосредоточиться на списке. Он только что выкупил часть судоверфи в Лите вместе с двумя новыми кораблями, быстроходными клиперами, с

помощью которых собирался расширить торговлю с Китаем.

Женщина не может быть причиной этого легкого смятения. Должно быть, ему просто не хватает активности. Он не такой человек, как Мартин. Тот попросту не способен решить, что ему нужно, а Девлен хорошо знает, чего хочет.

Он хочет Беатрис Синклер, черт побери.

Глава 17

Роберт сказал, что в библиотеке дядя. Беатрис не хотелось лишний раз попадаться Камерону на глаза, а с появлением в замке Ровены это было бы и вовсе неблагоприятно.

Занятия с Робертом в классной комнате, которую они устроили в мансарде, продолжались уже неделю. Беатрис приходилось давать уроки по памяти. Мальчику страстно хотелось изучать географию, и решено было начать с Британской империи. А Беатрис обожала античную историю, и вскоре юный герцог и его гувернантка уже увлеченно рассуждали о Египте, последних открытиях археологов и следах неизвестной цивилизации.

Но обходиться без книг становилось все труднее, и настало время вторгнуться в библиотеку Камерона. Беатрис выбрала для своей вылазки рассветный час. Она решила рано утром наведаться в библиотеку и отобрать нужные книги. Беатрис уже успела убедиться, что покойный герцог Брикин сумел неплохо преподать сыну основы наук, но знания мальчика следовало укрепить и расширить. Беатрис собиралась заняться с Робертом латынью, историей и литературой.

Она чувствовала себя немного виноватой, потому что не сказала никому о происшествии в лесу. Еще больше ее смущало то, что никто в Крэннок-Касле по-настоящему не интересовался ребенком: Ровена относилась к мальчику холодно, Камерон смотрел на племянника критически. Один лишь Девлен был искренне привязан к юному герцогу. Возможно, если бы он вернулся, Беатрис смогла бы довериться ему.

Дверь в библиотеку выглядела так, будто ей насчитывалось столько же лет, сколько и стенам замка. Крепкая дубовая древесина вся была источена жучком, а железные кованые полосы покрыты бесчисленными вмятинами и царапинами. Беатрис откинула щеколду и осторожно отворила дверь, опасаясь увидеть восседающего в кресле Камерона. Но, по счастью, библиотека оказалась пуста.

Гувернантка переступила порог, и у нее перехватило дыхание от восторга. Она ожидала увидеть несколько пыльных томов в комнате, такой же древней и обветшалой, как и дверь. Но библиотека отнюдь не производила впечатления заброшенной, совсем наоборот. Эту комнату смело можно было назвать сердцем Крэннок-Касла.

Здесь преобладала бордовая гамма. Обитые темно-красной тканью стулья располагались у письменного стола и напротив камина. Огромные окна были затянуты бархатными занавесями того же цвета, а на изящных бордовых ламбрекенах красовались вышитые золотом гербы герцога Брикина.

По другую сторону стола оставалось пустое пространство. Беатрис поняла, что там не хватает стула. Должно быть, его убрали специально, чтобы Камерон мог занять место за столом в своем кресле на колесах. Остальные стены библиотеки занимали высокие книжные шкафы, уставленные сотнями томов, переплетенных в кожу с золотым тиснением.

Между шкафами на стенах висели канделябры. На обоих концах стола стояли богато украшенные медные светильники, а между ними лежала обтянутая бордовой кожей книга для записей. Беатрис со свечой в руках подошла к столу и зажгла один из светильников. Лампа давала мягкий свет, достаточно яркий, чтобы прочитать названия на корешках книг.

Оглядевшись, Беатрис заметила прислоненную к полкам узкую приставную лестницу. Девушка обошла стол, взялась за лестницу и слегка отодвинула от стены, чтобы придать ей устойчивость, а уж потом принялась осторожно взбираться вверх, мысленно подбадривая себя. Беатрис немного боялась высоты. Руки ее дрожали, но все же у нее хватило храбрости продолжить поиски. Она и помыслить не могла, чтобы страх поселился в ее душе. Одну за другой доставала она с полки книги, открывала, перелистывала, а затем возвращала на место либо откладывала. Один лишь Роберт сумел бы догадаться, по какому принципу она отбирала книги.

Беатрис хотелось совместить две вещи: разговор с мальчиком о его родителях и обучение. Она старалась выбирать те книги, которые одобрил бы отец Роберта, или те, что когда-то читал одиннадцатый герцог. Подумав, Беатрис достала с полки «Айвенго». Увлекательная история молодого рыцаря должна пробудить живое воображение семилетнего мальчика. Затем она выбрала сборник французской поэзии, решив, что Роберту будет приятно читать эту книгу, потому что она напомнит ему о матери. В конце концов в руках Беатрис осталось шесть книг. Этого более чем достаточно, чтобы продолжить занятия.

Гувернантка медленно спустилась на две ступеньки, но, коснувшись ногами пола, огорченно покачала головой, поражаясь собственной глупости. Она поднялась всего на фут-другой над полом, а испугалась так, словно расстояние было в пять раз больше.

Беатрис сняла книги с верхней ступеньки лестницы, подхватила их под мышку и повернулась, собираясь покинуть библиотеку.

И в этот миг она увидела перед собой Девлена Гордона. Он стоял у книжных полок и внимательно рассматривал ее. Возможно, другая женщина на ее месте издала бы удивленный возглас, захихикала бы или сказала какую-нибудь глупость вроде «Не знала, что вы тут стоите» или «Когда вы успели войти?».

Но Беатрис испытала странное чувство, словно она уже давно ждала Девлена, как будто он беззвучно шепнул на неведомом ей языке, что скоро вернется. Она предвкушала его появление, нетерпеливо отсчитывая часы и минуты. И вот он наконец появился – внезапно, как по волшебству.

Она крепче обхватила зажатые под мышкой, книги и изобразила приветливую улыбку. Ну не глупо ли? Она ждала Девлена, но не хотела, чтобы он об этом догадался.

Девлен не ответил ей обаятельной улыбкой из своего богатого арсенала. Его лицо оставалось серьезным, а пронзительный взгляд неподвижным. Он рассматривал ее так, словно видел впервые. Хотя нет, знал слишком хорошо и теперь мысленно вызывал в памяти ее прежний облик.

Беатрис медленно достала одну книгу из стопки и положила ее на стол рядом с собой. Она чувствовала себя гораздо увереннее с книгами в руках. Без них ей было бы куда труднее бороться с искушением подойти к Девлену, прижаться к нему, обвить шею руками, опустить голову ему на грудь и испытать блаженное чувство безопасности и покоя, дожидаясь, когда он заключит ее в свои объятия. Она достала еще одну книгу и положила рядом с первой.

Но Девлен так и не заговорил. Он продолжал молча стоять, скрестив руки на груди и выставив вперед ногу. Его позу можно было бы счесть равнодушной и беззаботной, но неподвижное неулыбчивое лицо, застывшие мышцы спины, напряженные плечи и руки выдавали скрытое волнение.

Беатрис переложила следующую книгу. Теперь у нее под мышкой оставалось всего три тома, а еще три лежали на столе.

– Из-за вас я едва не загнал лошадей до смерти. – Беатрис молча выложила на стол четвертую книгу. – В последнее время я провел немало часов в карете, на пути между Крэннок-Каслом и Эдинбургом. Расстояние достаточно велико, чтобы у меня была возможность поразмыслить. Я пришел к неожиданному выводу: вы та женщина, которой стоит остерегаться.

Девлен обогнул стол, делая вид, что изучает названия книг на одной из полок, вынул тонкую книгу, лениво повертел в руках, вернул на место, затем взял толстый том и принялся рассматривать иллюстрации.

Что на это ответить? В воздухе повисло тяжелое молчание. На мгновение Беатрис показалось, что она слышит гром небесных барабанов, отбивающих бешеную дробь перед началом бури.

Девлен резко обернулся и в упор посмотрел на девушку. Книга в руках придавала ему уверенности, каким-то образом оправдывая его появление в библиотеке.

За окном светало, и окружающий мир готовился встретить новый день. Кому-то он принесет восторг и радость, а кого-то ждут горе и сердечные муки. Для одних этот день навсегда останется днем скорби, ибо они потеряют своих близких, зато другие назовут его счастливым, поскольку именно в этот день когда-то родились их любимые. За стенами Крэннок-Касла, в самом обыкновенном мире, люди жили своей привычной жизнью, в благонравии и пороке, в болезни и здравии, в роскоши и нищете. Но в стенах замка жизнь протекала в замедленном темпе, да и само время здесь, казалось, теряло всякую ценность и смысл.

Беатрис положила на стол еще один том. Теперь они с Девленом были на равных. Каждый из них держал в руках по книге. Лицо Гордона приняло суровое и непреклонное выражение. Он обошел стол и приблизился к Беатрис, а она повернулась и шагнула к нему решительно и бесстрашно.

– Вы покинули замок девять дней назад.

– И вы каждую минуту думали обо мне, верно?

Беатрис вытянула вперед руку. В другой руке она по-прежнему сжимала книгу. Девлен забрал у нее книгу и швырнул на стол, затем туда же отправился и его фолиант. Их руки встретились, пальцы переплелись.

– Вы, должно быть, сам сатана, Девлен Гордон? – выдохнула Беатрис. «Откуда ему стало известно, как часто я вспоминала о нем?»

– Думаю, кое-кто именно так и считает, – кивнул Девлен, впервые улыбнувшись. – Но я не думаю, что дьявол действительно существует. Мы сами создаем для себя ад здесь, на земле. К чему выдумывать сатану?

Он мягко притянул ее к себе, но Беатрис показалось, что, если бы она не захотела уступить, он бы применил силу. Она сделала еще два крохотных шага навстречу Девлену. Их соединяли не

только сплетенные руки, но и желание послать к черту условности.

Глаза Девлена напоминали пылающие угли. Неужели в ее глазах он тоже увидел бушующее пламя, или ей это только кажется?

Девлен Гордон – человек, лишенный слабостей. Он неуязвим. При мысли об этом Беатрис улынулась. Неуязвимых мужчин и женщин попросту не существует. Каждый терзается страхами, только умный человек знает свои слабые места, а глупец делает вид, что ничего не боится.

А как насчет Девлена?

Девлен тонок и обаятелен, отличается прямоотой и силой. Пожалуй, его не назовешь глупцом. Он мог признать, что испытывает страх, но был достаточно умен, чтобы остерегаться внезапно вспыхнувшего между ними чувства. Слишком сильного, слишком странного и необъяснимого.

За окном яростно завывал ветер, бросаясь на каменные стены замка. Высоко в небе сгущались тучи, а небосклон постепенно затягивала серая пелена, скрывая рассветные лучи. Надвигалась гроза. Почти такая же бурная, как та, что вот-вот собиралась грянуть в защищенной от дождя и ветра библиотеке.

Девлен медленно опустил руку Беатрис и отступил на шаг. Всего лишь на шаг. Он желал испытать ее. Беатрис знала это без всяких слов, как знала и то, что не раздумывая шагнет вслед за ним.

Она сделала шаг вперед, протянула руку и коснулась его плеча. Ткань плаща оказалась слишком толстой, чтобы она могла почувствовать тепло его тела или ощутить биение сердца. На мгновение Беатрис охватило нестерпимое желание проникнуть сквозь все многочисленные слои одежды и прикоснуться к коже Девлена.

Теперь уж точно ее ждут вечные муки. Гореть ей в геенне огненной. Или ад существует лишь в людском воображении? Именно так говорил Девлен. Что ж, если это правда, то она с готовностью приняла бы подобную смерть. Ну разве не ужасно желать себе смерти от удовольствия? Господи, какой стыд!

Он не пошевелился, не сказал ни слова, когда она шагнула ближе. Их ноги едва не соприкоснулись. Рука Беатрис уже скользила по груди Девлена, пальцы осторожно поглаживали ткань плаща.

В следующий миг Девлен обхватил Беатрис за плечи, мягко привлек к себе и приник губами к ее виску. Жар его губ, нежное касание рук – все это было совершенно неправильно, невозможно.

– Я хочу подхватить вас на руки и отнести к себе в постель. Хочу видеть вас обнаженной, сгорающей от нетерпения.

Беатрис охватила дрожь. Холод пробежал по спине, мучительно засосало под ложечкой. Она должна была бы оцепенеть от страха, но вместо этого ледяной холод сменился жаром. С губ сорвался вздох предвкушения – словно злой демон, долго скрывавшийся внутри нее, так глубоко, что она даже не подозревала о его существовании, внезапно пробудился к жизни и заявил о себе во весь голос. Теперь она была Персефоной, а Девлен – Аидом. Но стоит ли уступать его натиску ради одного лишь мимолетного удовольствия, пусть даже и самого полного?

Ее тело отзывалось болью в самых неподобающих местах. Ощукая кожей теплое дыхание Девлена, Беатрис повернула голову и коснулась губами его колючей щеки. Он гнал коней всю ночь, чтобы увидеть ее, мчался в темноте словно демон, а с первыми рассветными лучами вознамерился соблазнить ее. Господи, как же ей хотелось уступить! Беатрис вытянула губы и нежно поцеловала мочку его уха, кончиком языка осторожно лизнув самый краешек. Девлен вздрогнул от неожиданности и слегка отстранился. На губах его мелькнула улыбка.

– Вы девственница, мисс Синклер?

Обнимая Беатрис за талию, он скользнул рукой вверх, едва коснувшись ее груди, и остановился чуть выше выреза корсажа. Он что, хотел посмеяться над ней? Или просто дразнил, вызывая на откровенность? И что он хотел услышать? «Обнимите меня»?

Беатрис протянула руку. Набравшись дерзости, она положила его ладонь себе на грудь. Его улыбка стала еще шире.

– Да, я девственница, мистер Гордон.

– И довольно нетерпеливая, как мне кажется. Вы хотели бы расстаться с девственностью?

– И повторить историю той девицы, о которой говорится в стишке?

– В каком стишке? – Он обхватил ладонью ее грудь и принялся медленно водить пальцем вокруг соска, пока тот не затвердел и не набух, отзываясь сладкой тянущей болью на малейшее прикосновение. – В этом?

Молодая особа Шарлоттой звалась.
Безрассудно мужчине она отдалась.
Потеряв добродетель, девица
Дни закончила жалкой блудницей.

– Ах вот вы о чем. Добродетель... Еще одно измышление тех, кто выдумал ад.

– Монахов и священников? А также немногих праведников, живущих среди нас?

– Господь всемогущий, – пробормотал Девлен, понизив голос. – Уж не причисляете ли вы и себя к праведникам?

У Беатрис вырвался прерывистый вздох.

– Сомневаюсь, что это слово ко мне подходит, когда ваша рука лежит у меня на груди.

– Заметьте, вам это нравится.

– Меня воспитывали в благонравии.

– Я знаю.

– Меня учили добродетели, и я старалась вести себя достойно.

– Я знаю. Бедная Беатрис! – Он сжал ее сосок двумя пальцами, и Беатрис охватила дрожь. – Пойдемте ко мне в постель.

– Нет.

- Пойдемте ко мне в постель, и я заставлю вас вытворять такое, о чем вы никогда не смели даже подумать.
- Не сомневаюсь, вы на это способны.
- Вам понравится, мисс Синклер. Возможно, вы даже будете стонать от удовольствия.

Беатрис закрыла глаза и заставила себя отступить от Девлена на шаг.

- Я хочу раздеть вас, мисс Синклер. Мы бы играли и раззадоривали друг друга до обеда, а потом предавались наслаждениям на десерт.

Беатрис попятилась, задыхаясь. Лицо ее пылало. И прежде чем демон-искуситель успел всецело завладеть ее душой, она сгребла со стола книги и бросилась вон из комнаты, словно стремилась выскользнуть из когтей дьявола.

Глава 18

Беатрис укрылась в комнате для занятий и с облегчением заметила, что уже на лестнице ее руки перестали дрожать. Но охватившее ее странное чувство не исчезло. Наоборот! Казалось, все ее тело пылает огнем, а языки пламени лижут кожу.

Ей хотелось, чтобы Девлен ее целовал, чтобы он шептал ей на ухо свои ужасные непристойности. Хотелось чувствовать на щеке его горячее дыхание, ощущать прикосновение его пальцев к коже. И она вообразила, что он гладит ее затылок, шею и слегка притрагивается к горлу.

Почему ей вдруг стало так трудно глотать?

Беатрис положила на стол отобранные в библиотеке книги, расправила юбку, привела в порядок корсаж и пригладила руками волосы, искренне надеясь, что выглядит благопристойно, несмотря на бесстыдные мысли, теснившиеся в ее голове.

Вскоре придет Роберт. Они весь день посвятят занятиям, а если к обеду погода прояснится, отправятся на прогулку. Хотя, пожалуй, безопаснее всего будет оставаться в классной комнате, как и положено добропорядочной гувернантке. В Беатрис снова пробудилась женщина строгих правил; она жила в ней всегда, но почему-то легко угасала и теряла голос в присутствии Девлена Гордона.

Интересно, чем он сейчас занят? Собирается вскоре покинуть замок? И зачем он только вернулся? Неужели лишь для того, чтобы ее соблазнить?

Беатрис подошла к окну и прижала пальцы к губам. Губы распухли, как будто они с Девленом целовались долгие часы.

Беатрис улыбнулась, вспомнив забавный эпизод из своего детства. Девчонкой она упражнялась в поцелуях с помощью уголка подушки, и делала это тайно, поздно ночью. Она не рассказывала об этом ни одной живой душе, даже Салли.

Беатрис прижала к холодному стеклу пылающие ладони. Лед, налипший на стекло снаружи, подтаял и медленно сполз на наличник. Девлен дотронулся до ее груди и сжал пальцами сосок. Он зашел бы еще дальше, если бы она не сбежала.

Они оба совершенно забыли, где находятся. Девлен даже не вспомнил, что библиотека – излюбленное прибежище его отца. Камерон мог застать их врасплох в любой момент. Да и сама Беатрис об этом не подумала.

Господи, да что же это с ней делается? В кого она превращается? В похотливую распутницу, которая жаждет прикосновений мужчины? Все ее мысли теперь заняты плотскими удовольствиями, это ясно.

Беатрис вернулась к столу, села и попыталась привести мысли в порядок. Она хотела забыть сцену в библиотеке, но, перебирая в памяти подробности, лишь разжигала в себе желание. Лучше пожелать, чтобы он поскорее уехал, чем мечтать о том, как разрушить собственную жизнь. Беатрис задумчиво перебирала книги на столе, решая, с чего начать урок: с французской поэзии, географии или эссе на тему религии. А может, прежде всего стоит заняться с Робертом чтением?

Беатрис принялась перелистывать сборник французской поэзии, и чтение ее увлекло. Она начала декламировать вслух. До появления в Крэннок-Касле Беатрис давно не практиковалась во французском. Стихотворение, на которое она случайно наткнулась, показалось ей исполненным особого смысла, словно само провидение посылало ей знак найти себе более достойное занятие, а не предаваться размышлениям о Девлене Гордоне.

На сумрачном моем закате,
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов сладостной мечты. [3]

Но как можно сожалеть о том, чего ты никогда не испытывала?

Беатрис больше не стремилась быть благонравной, непорочной и добродетельной. Она хотела всего лишь простой и безыскусной жизни. Хотела просыпаться по утрам и знать, что грядущий день не несет с собой ничего пугающего. Хотела быть уверенной, что у нее достаточно еды, одежды и дров, чтобы не умереть с голоду и не замерзнуть. Теперь у Беатрис было занятие, способное ее прокормить, а иногда на ее долю выпадали и редкие развлечения. Она твердо знала: в ее жизни существует цель. И пусть эта цель – всего лишь желание существовать без боли, ни в чем не нуждаясь, но Беатрис охотно довольствовалась своими скромными радостями, поскольку последние три месяца была лишена даже их.

Если Девлен прав и ад существует лишь в людских умах, не для того ли его выдумали, чтобы заставить человечество придерживаться правил морали? Если геенна огненная – вымысел, то и Царствие Небесное тоже? Если все это выдумки, то и мысль, что праведники возносятся на небеса и становятся ангелами, тоже ложь? Тогда и порядочность и доброта – все иллюзорно?

А может быть, она, Беатрис Синклер, просто ищет оправдание собственной порочности?

Да кто она такая, чтобы менять порядок мироздания и сомневаться в истинах, которые ей внушали с детства?

Беатрис встала и обошла вокруг стола. Не находя себе места, она принялась описывать круги по комнате, от окна к двери и обратно. Начиная первый круг, она прижала руки к талии; на втором – заложила их за спину, на третьем – скрестила руки на груди и уже хотела было приступить к четвертому, но дверь резко распахнулась. В комнату вошел Роберт.

– Доброе утро, мисс Синклер, – вежливо поздоровался он и чинно сел за стол, как поступил бы

любой другой воспитанный мальчик.

Беатрис приветливо кивнула. Глядя на юного герцога, она вдруг поймала себя на мысли, что ее ученик постепенно приобретает хорошие манеры, в то время как учительница все больше впадает в безумие.

Беатрис вдруг осенило, с какой книги следует начать урок. Она вручила мальчику небольшой томик с замысловатым изображением Крэннок-Касла на обложке.

– Вы знаете, что эту книгу написал ваш отец?

Роберт кивнул. Он бережно сжимал книгу обеими руками и смотрел на нее так, словно держал в руках сокровище. Несколько долгих мгновений он молчал, а когда наконец заговорил, его голос немного дрожал.

– Это история Крэннок-Касла, – взволнованно выдохнул он. – Отец работал над ней долгие годы – так он мне сказал.

– Хотите начать чтение? – Мальчик кивнул, раскрыл книгу и перевернул первую страницу. – Вслух, пожалуйста.

Поначалу Роберт слегка запинаясь, и Беатрис уже подумала, что нужно больше времени посвящать декламации, но мало-помалу чтение увлекло мальчика, его голос окреп и обрел уверенность.

– «Крэннок-Касл, – читал он, – был построен четыреста лет назад третьим герцогом Брикином. За два десятилетия на месте обыкновенного земляного холма возникла огромная вытянутая крепость. Хотя от первоначальной постройки сохранилась лишь южная башня, этого было вполне достаточно, чтобы получить представление о строительной технике, довольно развитой для своего времени».

Мальчик продолжал читать. В тонком детском голосе звучало неподдельное восхищение. Роберт гордился не только наследством предков, но и своим отцом, написавшим эту книгу – Беатрис откинулась на спинку стула, разглядывая воспитанника. Было в нем что-то необыкновенно привлекательное и милое. Удивительно, а ведь совсем недавно ей хотелось придушить этого несносного ребенка.

Когда Роберт прочитал отрывок до конца, Беатрис искренне похвалила его.

– Отец научил меня читать, когда я был совсем маленьким, – улыбнулся Роберт. – С тех пор я постоянно читаю.

Беатрис хотела заметить, что Роберт и сейчас маленький, но тут же упрекнула себя в глупости. Горе состарило это дитя и заставило рано повзрослеть.

вернуться

3

Стансы Вольтера «К мадам дю Шатле». – Перевод А. С. Пушкина.

Когда-нибудь мальчику придется возложить на себя обязанности взрослого герцога Брикина,

но пока от этого дня его отделяла целая вечность. Пусть Роберт и унаследовал титул, пусть к нему обращались не иначе как «ваша светлость», но он по-прежнему оставался ребенком.

Беатрис прекрасно понимала, что ей предстоит стать не столько гувернанткой, сколько защитницей Роберта. Происшествие с выстрелами в лесу лишь укрепило ее в этой мысли. Но справится ли она с подобной ролью?

Оставшееся до обеда время они решали математические задачи. Здесь юный герцог показал такую же блестящую подготовку, как и в чтении. Роберт как раз повторял таблицу умножения, когда неожиданно раздался стук в дверь.

В первое мгновение Беатрис охватило радостное волнение, но восторг немедленно сменился страхом. В ней боролись два противоречивых чувства. Ей страстно хотелось видеть Девлена, и в то же время она не желала встречаться с ним, понимая, что неразумно проявлять подобную слабость.

Дверь отворилась. На пороге показалась служанка с подносом в руках, а вовсе не Девлен. Девушка вошла и осторожно поставила поднос на стол между герцогом и гувернанткой.

– Мне велели подать вам обед, мисс.

– Уже так поздно?

– Остальные давно пообедали. Мистер Камерон сказал, что вы, должно быть, слишком увлеклись занятиями и забыли обо всем.

Девушка повернулась к Роберту, сделала быстрый реверанс и попятилась к двери, а затем бесшумно закрыла ее за собой. Мальчик вскочил со стула, склонился над одним из блюд и заглянул под крышку.

– Суп. Я не люблю суп!

– Значит, вы никогда не были по-настоящему голодны! – раздраженно отрезала Беатрис.

– Я герцог Брикин. И мне никогда не придется голодать.

«Определенно мальчику следует черпать свои знания не только из книг», – решила Беатрис.

– Вы узнаете, что такое голод, если вдруг наступит засуха и все ваши богатые земли погибнут. Или ваших коров и овец поразит мор. Вам придется голодать, если ваших работников убьет эпидемия холеры или разрушится замок. Сейчас вы счастливый молодой человек, и я буду молиться, чтобы удача никогда не покидала вас. Но великая глупость – думать, что титул способен защитить вас от любых невзгод и тягот жизни. Жизнь уже преподала вам урок. Вы знаете, что такое утрата, Роберт. Так учитесь быть мудрым. Вам понадобится вся ваша мудрость, чтобы стать достойным наследником, чтобы укрепить и расширить ваши владения для тех, кто придет после вас.

Роберт долго молчал, а когда заговорил, его слова удивили Беатрис.

– И отец говорил мне то же самое.

– Правда? Тогда он гордился бы вами сегодня. Вы хороший ученик.

– Это мой долг, мисс Синклер. Я же герцог Брикин, а «кому многое дано, с того много и

взыщется».

– Так говорил ваш отец?

Роберт впервые рассмеялся.

– Нет, мисс Синклер. Фома Аквинский. – Он заглянул под крышку второго блюда, давая Беатрис время оправиться от смущения. – Кухарка прислала нам печенье с корицей. Обожаю это печенье.

Кроме двух тарелок с супом и вожделенного печенья кухарка подала им аппетитную буханку хлеба с хрустящей корочкой и горячий чай, способный не только утолить жажду, но и придать сил.

Беатрис расчистила место на одном конце стола и передвинула свой стул, предлагая Роберту сделать то же самое. Некоторое время оба молчали, занятые едой. Беатрис всего дважды пришлось сделать мальчику замечание, и оба раза юный герцог выказывал откровенное раздражение, но Беатрис отвечала ему лишь ослепительной улыбкой.

«Возможно, после обеда стоит обсудить с его светлостью сущность понятий «высокомерие» и «заносчивость»», – решила она.

Беатрис откинулась на спинку стула и посмотрела на буханку хлеба. Пожалуй, лучше взять печенье. Она откусила кусочек. Кухарка просто превзошла себя. Беатрис зажмурилась, наслаждаясь божественным вкусом. Открыв глаза, она вдруг обнаружила, что остальное печенье исчезло с блюда.

Роберт улыбался с самым невинным видом, но Беатрис не собиралась дать себя одурачить.

– Вы приберегли печенье на вечер? – поинтересовалась она. – Собираетесь перекусить перед сном? – Его улыбка ничуть не потускнела. – Или же намерены съесть все печенье сейчас?

Мальчик кивнул.

– Мне бы следовало конфисковать его у вас и выдать одну штучку, если вы успешно выучите задание по географии. Но сегодня утром вы так хорошо себя вели, что, пожалуй, я сделаю вид, будто не заметила исчезновения пяти печений.

Притворно-ангельская улыбка Роберта стала искренней.

– Вы мне очень нравитесь, мисс Синклер.

– Потому что разрешаю вам есть сладкое?

– И поэтому тоже. А еще вы нравитесь мне потому, что позволяете говорить о матушке с отцом. Потому что умеете хранить секреты.

Беатрис не успела ничего сказать в ответ на это ошеломляющее признание. Роберт вскочил, схватил со стола буханку хлеба, подошел к окну и распахнул его...

– Роберт! За окном холодно!

Мальчик встал на цыпочки, взял хлеб и принялся его крошить.

- Птицам тоже холодно, мисс Синклер. Мой отец обычно кормил их каждый день. Он всегда говорил: «Господь заботится о воробьях, вот и нам следует о них подумать».

Неужели Роберт настолько хитер, что пускается на такие уловки? А может, семилетний ребенок инстинктивно нащупывает самые чувствительные струнки в ее душе и играет на них? Каждый раз, стоило Беатрис рассердиться на юного герцога, Роберт Гордон обязательно выкидывал что-нибудь особенное, отчего подчас у нее наворачивались слезы на глаза.

Мальчуган стоял на цыпочках у подоконника, крошил хлеб и швырял его в окно в память о своем отце.

Будь у нее власть Всевышнего, обладай Беатрис даром воскрешать мертвых, она непременно вернула бы родителей Роберта в Крэннок-Касл. Несчастный случай слишком рано унес их жизни, заставив ребенка жестоко страдать. Но Беатрис не умела творить чудеса. Она могла лишь передать мальчику свои знания и сделать все возможное, чтобы защитить его.

- Давайте дернемся к нашим урокам. - Беатрис закрыла окно и смахнула с подоконника хлебные крошки. - Вы скормили птицам всю буханку. Счастье, если они смогут взлететь после такого пиршества.

- Возможно, им придется теперь ходить раскачиваясь, вперевалку, как ходят утки, - весело откликнулся Роберт. Он спрятал кулаки под мышки и забавно задвигал локтями вверх-вниз, показывая, как утки машут крыльями. Беатрис весело рассмеялась. Тогда Роберт выпятил живот и важно прошелся по комнате вперевалку, выворачивая ступни внутрь.

- Восхитительная картина, мисс Синклер. Надеюсь, вы находите время и для других, более достойных занятий?

Роберт мгновенно замкнулся и принял неприступный вид. Беатрис повернулась к двери и увидела Камерона Гордона в кресле. Он появился бесшумно - обтянутые кожей колеса неслышно скользили по паркету.

- Мистер Гордон... - Бесполезно было объяснять Камерону Гордону, что они всего лишь позволили себе немного подурочиться. Может, сейчас Роберт впервые за долгие месяцы повел себя как обычный мальчик.

Дядя Роберта вопросительно изогнул бровь и посмотрел на гувернантку.

Внешне отец и сын поразительно походили друг на друга. Глядя на Камерона, Беатрис легко могла представить себе, как будет выглядеть Девлен лет через двадцать или тридцать. Но станет ли он таким же желчным и озлобленным, как отец? Кто знает, как изменило бы его жизнь крушение экипажа? И все же Беатрис не сомневалась, что Девлен нашел бы способ справиться с трудностями и даже извлечь из них выгоду.

- Мы как раз закончили обедать, мистер Гордон. Спасибо, что позаботились о нас. - Камерон не ответил, и Беатрис повернулась к мальчику. - Роберт, если вы сядете, мы сможем снова начать занятия. - Она бросила взгляд на Камерона. - Вы хотели бы присутствовать, сэр? - Беатрис открыла дверь шире. Однако вместо того чтобы направить кресло в комнату, Камерон повернул назад, в коридор.

Как же ему удалось забраться в мансарду? Судя по выражению лица Роберта, мальчик думал о том же. Неприкосновенность их убежища оказалась грубо нарушена, а святилище осквернено.

- Пожалуй, нет, мисс Синклер. Но я жду от вас еженедельных отчетов. Мне бы хотелось знать, чему еще научиться Роберт, кроме легкомыслия.

- Его светлости всего семь лет, сэр. Немного легкомыслия ему не повредит. А может, даже пойдет на пользу.

- Вы удивительная женщина, мисс Синклер.

«Похоже, этой удивительной женщине вскоре грозит увольнение», - подумала Беатрис, глядя на руки Камерона Гордона, яростно вцепившиеся в подлокотники кресла. Замечание Беатрис явно вывело его из себя.

- Я забочусь исключительно о благополучии Роберта.

- Ваша преданность весьма похвальна, мисс Синклер, как и ваше усердие. Одно лишь время покажет, не совершил ли я большую ошибку, наняв вас.

С этими словами Камерон направил кресло в глубь коридора и щелкнул пальцами. Мгновенно рядом с ним появился Гастон. Он взялся за поручни кресла и покатил своего господина прочь.

Беатрис со вздохом закрыла дверь.

- У нас неприятности, мисс Синклер?

- Боюсь, что да, - кивнула Беатрис, стараясь не поддаваться мрачным предчувствиям.

Глава 19

Девлен понял, что совершил глупость, вернувшись в Крэннок-Касл почти сразу же после отъезда.

Что мешало ему, устав от Фелисии, найти ей замену в Эдинбурге? Девлен мог бы с легкостью назвать не меньше дюжины женщин, готовых без раздумий броситься в его объятия. Любая из них с радостью согласилась бы принять у себя красавца Гордона. А некоторые пошли бы на все, лишь бы задержать его до утра в своей спальне. Но Девлен гнал лошадей всю ночь ради тайного свидания в библиотеке с молодой девицей, которая с каждой новой встречей все больше разжигала его интерес.

Как же ей это удавалось?

Ее прямую и откровенную манеру выражать свои мысли Девлен находил до странности эротичной. Он отнюдь не был похотливым сатиром, но никто не назвал бы его и неопытным новичком в делах любви. Удивительно, но Беатрис Синклер заставляла его ощущать в себе диковинную смесь того и другого.

Эта женщина представляла собой досадную помеху, совершенно ему не нужную. Она запросто могла осложнить ему жизнь. Черт возьми, она уже это сделала. Тогда почему он, словно робкий школьник, сгорал от нетерпения, предвкушая встречу с ней за ужином? Почему так тщательно следил за своей внешностью? Зачем специально отправился к портному и потребовал поскорее закончить новый костюм? Уж точно не ради отца, мачехи или даже себя самого.

Ему хотелось ослепить своим блеском мисс Беатрис Синклер. Хотелось дать ей понять, что

другие женщины восхищаются им, что ей выпала большая честь, если он обратил на нее внимание.

Он вовсе не собирался соблазнять гувернантку. Не желал даже думать о ней. Пускай, остается со своими книгами, перьями и крохотной морщинкой между бровями. Ее улыбка смущала Девлена, вызывая незнакомое тревожное чувство. Ему не хотелось вспоминать о ней.

Он опустил голову, взглянул на свои руки, и его снова пронзило ощущение близости Беатрис, словно кто-то испытывал его волю. От нее исходил удивительный аромат. То был запах лилий или роз, неуловимый аромат мисс Беатрис Синклер.

Портной с восторгом оглядел его шерстяной плащ и сказал, что синий цвет ему очень к лицу. Девлен испытал мимолетное замешательство, заметив восхищенный взгляд портного. И в тот же миг он подумал о Беатрис. Интересно, что бы сказала она?

Он совсем не знал ее. Их связывало всего лишь несколько случайных встреч. Станных встреч. И все же всякий раз рядом с ней Девлен испытывал необъяснимое волнение. Даже когда она пыталась усмирить его вождение и показать свое интеллектуальное превосходство.

Конечно, в ней нет и тени кокетства. Она никогда не стала бы нарочно терзать мужчину, распаляя его желание.

«Так уложи ее в постель и покончи с этим, – сказал он себе. – Иди в ее комнату и займись с ней любовью. Останься у нее до утра. Эти длинные трепещущие ресницы и загадочная улыбка так и вызывают к тебе. Дай ей то, о чем она просит, сама того не зная. Заставь ее молить о пощаде. Доведи до изнеможения ее и себя, тогда чары развеются и умопомрачение пройдет».

Девлен так явственно представил себе эту сцену, что ему пришлось поправлять на себе брюки, нещадно врезавшиеся в тело. Ужин грозил превратиться для него в пытку, особенно если Беатрис будет, как и прежде, бросать на него томные взгляды из-под ресниц. Не сможет же он постоянно терзать на себе брюки, сидя за столом.

«Черт возьми, да она же девственница!»

Девлен взял себе за правило никогда не иметь дела с девственницами. С ними слишком много мороки. Первый раз редко когда проходит успешно, а Девлену не доставляло ни малейшего удовольствия причинять женщине боль.

Девственницы подходят для брака, а не для развлечения. А с женитьбой вполне можно подождать. Девлен не слишком-то стремился заключить союз с другой семьей, скрепить его ритуалом «кровопускания». Нет, девственниц лучше отложить на потом, когда этого никак не избежать. Проклятие, лучше бы он остался в Эдинбурге и занялся делами. К примеру, заключил бы контракт и приобрел компанию Мартина, если этот бедняга все-таки пришел к какому-то решению.

В конце концов, если желание обладать женщиной стало бы невыносимым, он вполне мог отправиться к своей любовнице. В последнее время Фелисия вечно обижалась, что он редко ее навещает. Возможно, она уже утешилась с другим покровителем.

Итак, в своих раздумьях о Беатрис Синклер он снова пришел к тому, с чего начал. Теперь ему уже не хотелось спускаться в обеденный зал. Возможно, разумнее будет вернуться в Эдинбург с той же поспешностью, с которой он предпринял путешествие в Крэннок-Касл? Девлен покачал головой, поправил шелковый галстук, расправил рукава сюртука и придиричиво

оглядел безукоризненно вычищенные туфли. Выглядел он безупречно. Образцовый богатый джентльмен. По счастью, смущение и досада нисколько не отразились на его внешности.

Необходимо изгнать Беатрис Синклер из своих мыслей, а для этого следует удовлетворить любопытство, вот и все. Стоит узнать о ней немного больше, и гувернантка станет всего лишь еще одной женщиной в его жизни. Одной из множества.

За час до ужина Беатрис закончила переодеваться и приняла решение. Она быстро пересекла коридор и постучалась в дверь герцогских покоев. Дождавшись ответа Роберта, она вошла.

Повсюду в комнате горели новые свечи, разгоняя мрак. Роберт сидел рядом с кроватью на большом круглом ковре. Перед ним выстроилось не меньше сотни игрушечных солдат. Скомканная простыня справа от оловянного воинства изображала горную гряду.

Мальчик старательно делал вид, что не замечает гувернантку, но на этот раз Беатрис не стала делать ему замечание.

– Для мальчика вашего возраста довольно необычно проводить все вечера в обществе взрослых. Если бы вы не были герцогом, то ужинали бы вместе со мной в комнате для занятий. Не хотите ли поступить так сегодня? Нам принесут поднос с едой в классную комнату или в вашу гостиную.

Не поднимая головы, Роберт заметил:

– Вы просто хотите избежать встречи с моим дядей.
– Вам ни за что не дашь ваших семи лет. – Беатрис покачала головой. – Всякий раз, стоит мне только подумать, что вы всего лишь мальчик, вы ведете себя как умудренный опытом взрослый.

Роберт вскинул глаза на гувернантку.

– Глядя на дядю, я чувствую то же, что и вы. У меня все внутренности завязываются в узел, когда я спускаюсь в столовую. Иногда мне страшно хочется сказать больным.

– Раз вы так откровенны со мной, мне ничего не остается, кроме как ответить вам тем же. Сомневаюсь, что ваш дядя позволит нам совсем не участвовать в совместных ужинах, но сегодня вы выглядите слишком усталым. Вы провели весь день за уроками. Думаю, вам не стоит спускаться в обеденный зал. Я не хочу, чтобы вы заснули за столом.

Роберт кивнул. На его губах мелькнула лукавая улыбка.

– Я очень, очень устал, мисс Синклер. Но я очень, очень голоден.

– Что ж, ваша светлость... – Беатрис выразительно вздохнула. – Я вызову служанку и попрошу принести нам ужин в комнату.

– А вы не могли бы попросить побольше печенья с корицей?

– Хорошо, – кивнула Беатрис. Она повернулась и вышла из комнаты, радуясь тому, что хотя бы на этот раз ей не придется выдерживать уничтожающие взгляды Ровены и настороженность Камерона. Кроме того, ей удастся избежать общества Девлена. По крайней мере, она хотела сделать такую попытку.

Меньше чем через час они с Робертом уже сидели за большим круглым столом в центре комнаты, примыкавшей к спальне герцога, напротив камина. Шторы все еще были раздвинуты. За окном виднелось безоблачное темно-синее ночное небо. Звезды сверкали словно освещенные окна в Килбридден-Виллидж. Это был самый приятный вечер, проведенный Беатрис в Крэннок-Касле.

Пожинав, они с Робертом попытались честно разделить печенье с корицей, которое прислала кухарка.

- Если вы съедите слишком много, то не сможете заснуть, - предупредила Беатрис.

- Я и так плохо сплю, - невозмутимо возразил Роберт и потянулся за печеньем. Даже не извинившись, он положил две штуки себе на тарелку. - Но если вы съедите слишком много, мисс Синклер, то не влезете в свои платья.

Беатрис изумленно уставилась на воспитанника, а тот довольно ухмыльнулся и быстро сунул в рот печенье.

- Вам не следует делать замечания насчет женской одежды или фигуры, - решила вымолвить Беатрис, смущенная неожиданной репликой Роберта. - Уж во всяком случае, не в семь лет.

- Вы еще убедитесь, что мужчины в нашей семье неплохо разбираются во всем, что касается женщин, мисс Синклер. Мы, Гордоны, довольно рано начинаем интересоваться женщинами.

Беатрис убрала руки со стола и откинулась на спинку стула, не оборачиваясь к двери. Голос Девлена походил на отцовский, но звучал глуше и тише, напоминая мурлыканье.

- Девлен!

Роберт тут же забыл про десерт, вскочил из-за стола и бросился к кузену, выражая бурную радость. Беатрис невольно улыбнулась, наблюдая восторженную встречу. Девлен нагнулся и без малейшего усилия поднял Роберта, так что голова мальчика оказалась вровень с его собственной.

- Не прошло и двух недель после моего отъезда. Неужели мисс Синклер так жестоко обращалась с вами? Если бы я знал, то вернулся бы намного раньше. - Девлен без улыбки посмотрел на Беатрис. Выражение его глаз напомнило ей их утреннюю встречу и несостоявшийся поцелуй.

- Мы нашли себе комнату для занятий, Девлен. Нам пришлось долго ее расчищать, но теперь там проходят мои уроки.

- Правда? Так вы больше не занимаетесь в гостиной? - Роберт торжествующе улыбнулся и покачал головой. - Мне не хватало вас за ужином, - признался Девлен, не глядя на Беатрис. Его замечание предназначалось Роберту, а вовсе не ей. И все же гувернантка вспыхнула от удовольствия.

- Если бы я знал, что вы здесь, Девлен, - поспешно ответил Роберт, - мы бы спустились к ужину. - Он повернулся к Беатрис. - Вы знали, что Девлен вернулся, мисс Синклер?

- Да, - кивнула она.

Роберт сердито нахмурил брови.

- Вам следовало мне сказать.

- В следующий раз я так и сделаю, - пообещала Беатрис, старательно разглаживая салфетку на коленях. Как бы ей хотелось уметь читать мысли. Взгляд Роберта показался ей до того загадочным, что она не решилась бы угадать, о чем он думает. - Вы сердитесь на меня, Роберт? - Мальчик не ответил. - Хорошо, Роберт, - примирительно сказала Беатрис. - Впредь я прослежу, чтобы вам сразу же дали знать, как только ваш кузен появится в замке.

Юный герцог удовлетворенно кивнул, а Девлен заметил:

- Пусть это послужит вам уроком, Роберт. Женщины временами искажают правду. Говорить недомолвками также грешно, как и лгать.

- Вы наставляете Роберта в добродетели, мистер Гордон?

- Нет, просто рассказываю ему о женщинах. Эта разновидность человеческого рода не отличается искренностью и открытостью.

Беатрис встала и посмотрела в лицо Девлену.

- В прошлом какая-то женщина жестоко ранила вас?

Брови Девлена удивленно изогнулись, потянув за собой вверх уголки рта.

- Насколько я помню, нет.

- Вам не приходилось страдать от неразделенной любви?

- Определенно нет.

- Вас никогда не бросали у алтаря?

- Поскольку я никогда не просил ничьей руки, это было бы попросту невозможно.

- Может быть, какая-то женщина что-то у вас украла?

- Разве что мое время.

- А ваше доброе имя? Возможно, женщина обесчестила вас?

- Обычно подобное случается с женщинами, не правда ли, мисс Синклер?

- Тогда откуда ваша неприязнь к женщинам? Прежде чем вы продолжите читать наставления Роберту, неплохо было бы вспомнить, что отнюдь не женщина вероломно предала Христа, поцелуем указав на него стражникам.

- Вот вам и другой урок, Роберт, - произнес Девлен, не отрывая глаз от лица Беатрис. - Не стоит обмениваться колкостями с умной и красивой женщиной. Вы только даром время потеряете. Как только вам захочется что-нибудь возразить ей в ответ, подумайте о том, как соблазнительно выглядит она при свечах. Или в рассветных лучах солнца.

- А если вам хочется узнать больше о той разновидности человеческого рода, к которой принадлежите вы, Роберт, то имейте в виду, что временами мужчинами правят самые низменные инстинкты, а отнюдь не возвышенные побуждения.

Мужчинам случается следовать голосу рассудка, но гораздо чаще ими повелевает зов плоти.

– Так сказала бы женщина, которая охотно пользуется своей способностью пробуждать самые низменные инстинкты. – Улыбка Девлена скорее напоминала волчий оскал.

Разговор принял опасное направление. Вряд ли стоило его продолжать, тем более что Роберт с растущим интересом разглядывал кузена и гувернантку, получая несомненное удовольствие от их словесной дуэли.

Беатрис медленно разгладила ладонями юбку, раздумывая о том, как бы поскорее сбежать и укрыться у себя в комнате. В этот миг Девлен Гордон неожиданно подошел и встал рядом.

Выглядел он великолепно в элегантном темно-синем сюртуке и брюках, но в уголках его глаз затаились морщинки. Так бывает, когда человек проводит много времени на открытом воздухе или часто улыбается. Ровные зубы сверкали белизной, а шея... Беатрис резко одернула себя: «С какой стати я вдруг стала обращать внимание на мужские шеи?»

Даже его шея – вернее, та ее часть над галстуком, которую можно было разглядеть, – казалась верхом совершенства. Все в нем вызывало восхищение: широкие плечи, узкая талия, длинные ноги, такие мускулистые, что даже под тканью брюк угадывались бугры мышц. И разве справедливо, что у мужчины такой соблазнительный зад?

Этот вопрос они никогда не обсуждали с Салли. Оказывается, мужчина может выглядеть привлекательно не только спереди, но и сзади.

Чем дольше она находилась в одной комнате с Девленом, тем больше росла ее тревога. Весь день она неотступно думала о нем, таком красивом, прекрасно одетом и обворожительном. Да, она понимала, что ей предстоит бессонная ночь.

Возможно, Роберт согласится составить ей вечером компанию? Они могли бы скоротать время за играми. Тогда ей не пришлось бы проводить мучительно долгие часы в томлении и мечтах о Девлене Гордоне.

«Прикоснись ко мне».

Желание терзало ее так сильно, что Беатрис едва не произнесла эти слова вслух. Она с трудом сдерживалась, чтобы не выдать себя, но судорожно сжатые руки, опущенные плечи и взгляд, прикованный к рисунку ковра под ногами, безжалостно изобличали ее.

Чтобы выйти из комнаты, ей пришлось бы пройти мимо Девлена. Но приближаться к нему было так же опасно, как дразнить языки пламени, касаясь горящих углей краем нижней юбки.

Раньше Беатрис никогда не испытывала страстного желания прикоснуться к кому-то или почувствовать чье-то прикосновение. А теперь...

«О пожалуйста, прикоснись ко мне».

А если бы он подарил ей поцелуй? Неужели она просит о невозможном? Всего один поцелуй. Этого достаточно, чтобы чувствовать себя счастливой до следующей встречи. Или следующего приступа одиночества.

«Какой опасный человек этот Девлен Гордон».

– Вы покидаете нас?

– Да. Мне нужно подготовить план занятий на завтра! Должна признаться, – Беатрис ласково улыбнулась Роберту, – я не ожидала, что мой ученик обладает такими обширными познаниями в разных областях. Придется изменить заранее намеченный план и перестроить наши уроки.

– Пожалуй. И это займет у вас так много времени, что вам непременно нужно покинуть нас прямо сейчас?

– А вы подозреваете, что у меня могут быть и иные мотивы, мистер Гордон?

– Похоже, каждый раз, когда мы с вами встречаемся, вы стремитесь поскорее сбежать. Неужели я вас чем-нибудь обидел? – Девлен хитрил. Он отлично знал, что дело вовсе не в этом. – Могу я присоединиться к вам завтра в классной комнате?

– Пожалуйста, не нужно, – поспешно выпалила Беатрис, с ужасом понимая, что ее слова прозвучали неоправданно грубо. – Я бы предпочла, чтобы вы не приходили, – объяснила она, стараясь сгладить неловкость. – Это может помешать нашим занятиям. Мальчик должен сосредоточиться на обучении. – Она улыбнулась, радуясь, что сумела найти правдоподобное объяснение.

– Когда я снова увижу вас?

– А разве это так необходимо?

– Может, я обеспокоен тем, как учится мой кузен.

– Нет.

– Нет?

– Вряд ли это будет разумно.

– Я не люблю, когда мне указывают, что разумно, а что нет, мисс Синклер. Познакомившись со мной поближе, вы поймете, что я расцениваю это как вызов. А я не из тех мужчин, что пасуют перед трудностями. Я не привык отступать.

– И я не из тех женщин, что склоняются перед трудностями, мистер Гордон. Но вы напрасно видите в моих словах вызов. Примите их как просьбу.

– Не могу.

Беатрис подняла голову и посмотрела Девлену в глаза.

– Я проделал такой долгий путь. Какая жалость, что путешествие оказалось напрасным.

Притихший Роберт с интересом прислушивался к разговору. Беатрис кольнуло чувство вины. Нужно было подумать хотя бы о ребенке. Она прошла мимо Девлена и выскользнула в коридор. К несчастью, Девлен последовал за ней.

– Когда вы вернетесь в Эдинбург?

– Пока у меня нет планов. Не знаю, сколько пробуду здесь. Все зависит исключительно от моей прихоти.

- Но в Эдинбурге вас наверняка ждут важные дела.

- А разве здесь у меня нет дел? Думаю, вы ошибаетесь, мисс Синклер. Мне есть чем заняться в Крэннок-Касле.

- У вас есть любовница?

Девлен улыбнулся, словно грубость Беатрис его очаровала.

- Да. Ее зовут Фелисия. Прелестная женщина, весьма талантливая во многих отношениях.

- Так возвращайтесь к Фелисии. Она наверняка тоскует без вас.

- А вы нет?

- А я нет, мистер Гордон.

- Думаю, вы лжете, мисс Синклер. А гувернантка должна служить образцом добродетели для своих учеников. Вы не согласны? Только так она может воспитать их в благочестии. Как же вы научите Роберта быть правдивым, если сами лжете?

- Мне нужно идти, - пролепетала Беатрис, чувствуя, как дрожит ее голос. Она ненавидела себя за это. Не потому, что стыдилась своей растерянности, а потому, что каждый раз в присутствии Девлена все больше подпадала под действие его чар. И он знал об этом. Конечно же, знал! - Мне нужно идти, - повторила Беатрис и попыталась проскользнуть мимо, но на этот раз Девлен легко коснулся кончиками пальцев ее руки.

Беатрис на мгновение замерла, их взгляды встретились. Медленно Девлен отвел руку.

- Не стану вас задерживать, мисс Синклер. Доброй ночи и приятных снов.

Но выражение лица Девлена совершенно не соответствовало его любезным словам. Он смотрел на гувернантку так, будто желал ей бессонницы и ночных кошмаров.

«Вполне возможно, что его невысказанное пожелание сбудется», - решила про себя Беатрис, но предпочла утаить свои мысли.

- Ты как будто разочарован, что твоя маленькая гувернантка не вышла к ужину, - язвительно заметила Ровена, стоя в дверях комнаты Камерона. К ее удивлению, Камерон сам ответил на стук, а Гастон так и не появился.

А вдруг это знак, что муж наконец смягчился и хочет сделать шаг к примирению? Может быть, ему одиноко?

Камерон направил кресло в другой конец комнаты, и Ровена закрыла за собой дверь.

- Наоборот, дорогая жена. Вот мой сын действительно выглядел огорченным. Ты не заметила? Если я и проявляю интерес к мисс Синклер, то исключительно потому, что меня волнует благополучие Роберта.

- Пожалуй, это единственное, что тебя волнует.

Камерон ничего не ответил. Насмешливо подняв брови, он смерил Ровену оценивающим

взглядом. За полгода неподвижности Камерон не утратил былой привлекательности. Возможно, если бы он подурнел, Ровена не испытывала бы этого иссушающего неутоленного желания и страдала бы меньше.

- Должна признать, твоя мисс Синклер прелестна, но не совсем в твоём вкусе. Не тот тип. Я всегда думала, что тебе нравятся яркие, ослепительные женщины.

- Такие, как ты, Ровена?

Она улыбнулась:

- Как я, дорогой Камерон. Хотя в последнее время ты ничем не показываешь, что тебе по-прежнему нравится моя внешность. Странно. Я думала, ты лишился ног, а не того, что между ними.

Неожиданная резкость жены заставила Камерона вздрогнуть. Никогда прежде она не позволяла себе словесных нападков или оскорблений. Ровена уже не раз пыталась соблазнить мужа, говорила намеками о своём одиночестве, а когда исчерпала все уловки, отправилась в Лондон. Там она наконец поняла, что единственный способ разрушить возведенную Камероном крепость - прямая и открытая атака.

Миссис Гордон не собиралась позволять кому бы то ни было отнять у неё хотя бы крупицу внимания мужа, а уж тем более какой-то жалкой Беатрис Синклер.

- А она боится тебя, ты заметил? Может, потому что ты в кресле... или же ты ей просто не нравишься.

- Почему ты так решила?

- Она всячески избегает тебя, разве не так?

- Меня совершенно не волнует, что испытывает ко мне мисс Синклер.

- Возможно, мне следовало просветить её, что ты был куда добрее, когда мог ходить. Ты очень изменился, Камерон. Стал угрюмым, озлобленным и вечно недовольным.

- К чему это долгое перечисление моих грехов, Ровена?

- Тебе же всегда нравились мои шутки, Камерон. Помню, ты как-то сказал, что ценишь меня за ум и тонкость. Возможно, теперь ты оценишь мою тупость или грубость.

Она решительно шагнула к мужу, но неожиданно передумала, подошла к двери и заперла её.

На губах Камерона мелькнула легкая усмешка, и Ровена вспыхнула от гнева. Ей хотелось наказать мужа за бессердечие и холодность, за все те бессонные ночи, что она провела по его милости в своей одинокой постели, сгорая от желания, отчаянно надеясь, что он хотя бы прикоснется к ней. Но Ровена понимала: сейчас не время сводить счеты.

Она придвинула стул, села рядом с мужем и слегка распахнула капот. Тонкая ткань едва прикрывала обнаженное тело. От холода ее соски затвердели и отчетливо обозначились под тонкой материей, придавая Ровене соблазнительный вид охваченной желанием женщины.

Камерону ни к чему было знать, что в этот миг ее сердце сжималось от страха. Больше всего Ровена боялась, что муж отвергнет ее. Решившись пойти ва-банк, она взяла Камерона за руку и

положила его ладонь себе на грудь.

– Помнишь, как ты любил ласкать мою грудь, Камерон? Сжимать губами соски, играть с ними. И мне это нравилось. – Камерон попытался вырвать руку, нерешимость Ровены оказалось сильнее его досады. Стиснув пальцы мужа, она принялась медленно ласкать себя его рукой. – Помнишь, как сплетались наши тела, Камерон? Как мы наслаждались друг другом до изнеможения? – Ровена положила руку ему между ног. – Ты хочешь меня? Чем же ты занимаешься по ночам? Стараешься подавить желание? Или думаешь о своей мисс Синклер и сам себя ублажаешь?

– В некоторых отношениях я мало чем отличаюсь от животного, – проговорил Камерон, высвобождая руку. – Одного вида хорошенькой женщины – любой хорошенькой женщины – бывает достаточно, чтобы вызвать у меня желание.

Ровена в ужасе отпрянула.

– За что ты так ненавидишь меня?

– Вы лучше меня знаете ответ, мадам.

– Но мы всего пять лет как женаты, Камерон. Пять лет. И я должна теперь прожить остаток своих дней в одиночестве?

– Возвращайся в Лондон, Ровена. Найди себе любовника. – Камерон развернул кресло, подкатил его к дверям, открыл засов и широко распахнул дверь. – Или заплати какому-нибудь лакею, чтобы он обслуживал тебя в постели. Мне все равно. Только не приходи сюда больше.

Ровена встала, запахнула капот и приняла равнодушную позу, хотя это стоило ей невероятных усилий.

Камерон отвернулся и не сказал ни слова, когда она покидала комнату.

Глава 20

Как ни странно, Беатрис спала хорошо и проснулась лишь на рассвете. Утро в Крэннок-Касле совсем не походило на череду серых одиноких рассветов дома, где последние три месяца Беатрис просыпалась голодная и с мучительной головной болью.

Беатрис с удовольствием съела бы вчерашнее печенье с корицей, но вряд ли Роберт оставил ей хотя бы кусочек. Ничего, она найдет себе что-нибудь поесть.

Одевалась она не более пятнадцати минут, а вот на строгое самовнушение потратила целых полчаса.

«Ты не будешь флиртовать с Девленом Гордоном. Не станешь даже смотреть в его сторону. Ты не должна мечтать о несбыточном. Не смей и думать о нем. Хватит с тебя приключений в Крэннок-Касле».

Можно было бы еще добавить что-нибудь в пользу тихой, безмятежной и монотонной жизни, но в этой жизни не было места таким людям, как Девлен Гордон, неотразимым и опасным.

Беатрис тяжело вздохнула. Пришлось потратить еще немного времени, чтобы аккуратно уложить волосы. Одежда выглядела вполне пристойной для гувернантки. Беатрис умылась и

долго смотрела на себя в зеркало, дожидаясь, пока пылающее лицо побледнеет. Ее глаза блестели слишком ярко, но с этим, пожалуй, ничего нельзя было поделать. Она попыталась привести в порядок разбегающиеся мысли, но и это ей не удавалось.

Час спустя Беатрис вышла в коридор и направилась к комнате своего воспитанника.

До завтрака оставалось достаточно времени, чтобы совершить небольшую прогулку. Перед долгим сидением в классной комнате полезно немного пройтись. Когда же Беатрис заговорила об этом с Робертом, тот сразу сделал удивленные глаза.

- Вы уверены, что это безопасно, мисс Синклер?

Беатрис совершенно забыла о выстрелах в лесу. Разве хорошая гувернантка смогла бы забыть о таком ужасном происшествии?

- Мы будем гулять поблизости от замка, - виновато возразила она. - Нам необходим свежий воздух. Сегодня довольно холодно, но день обещает быть хорошим.

На самом деле хмурое зимнее небо было затянуто тучами, и в воздухе уже кружились первые снежинки, но Беатрис твердо настроилась на прогулку, словно стоял солнечный летний день.

Она закутала Роберта в теплый плащ, а сама надела новую темно-синюю накидку. Когда они вышли из замка, Беатрис повернулась к мальчику.

- Вы собираетесь рассказать кузену о случае в лесу?

Юный герцог смотрел прямо перед собой, и Беатрис засомневалась, что он удостоит ее ответом. После долгого молчания Роберт вздохнул.

- Вы думаете, следует?

Они медленно направились по дорожке вдоль фасада. Беатрис не ожидала, что мальчик захочет узнать ее мнение. Она нерешительно замаялась и осторожно спросила:

- А по-вашему, не следует?

Внезапно Роберт остановился. Его лицо застыло, глаза расширились. Беатрис заметила, что мальчик дрожит.

- Роберт, что случилось?

- Смотрите, мисс Синклер, птицы!

Она проследила за его взглядом и невольно шагнула вперед, потрясенная ужасным зрелищем. На земле лежало не меньше дюжины мертвых птиц. Рядом с их неподвижными серыми тушками валялись замерзшие куски хлеба.

- Пойдите и приведите сюда Девлена, - распорядилась Беатрис, стараясь держаться как можно спокойнее.

Не задавая лишних вопросов, Роберт бросился выполнять ее поручение.

Беатрис спрятала руки под накидку и попыталась унять дрожь. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы побороть приступ паники и принять невозмутимый вид. Она крепко сжала

кулаки и оглядела мертвых птиц. Окно классной комнаты располагалось как раз над ними. Беатрис запрокинула голову и посмотрела вверх, на окно, откуда вчера Роберт с упоением бросал птицам хлеб. Ей захотелось пронзительно закричать и бежать из Крэннок-Касла как можно дальше. Но разве этим чего-то добьешься? Беатрис старалась сохранить спокойствие, и все же ее охватил леденящий ужас. Кто-то пытался отравить Роберта, а совсем недавно в мальчика стреляли. Тогда она легко нашла этому объяснение, списав все на нелепую случайность, а теперь... мертвые птицы. Что может быть страшнее? Пищу герцога отравили. И это сделал кто-то из обитателей замка. Тот, кто желал мальчику смерти. Но кто?

Неужели Камерон Гордон настолько уязвлен, что герцогский титул унаследовал вместо него семилетний ребенок, что пожелал смерти племяннику? По спине Беатрис пробежал холодок. А ведь она тоже могла съесть вчера ломоть хлеба.

Если бы яд не предназначался мальчику, Беатрис, наверное, заявила бы о своем уходе. Пусть в деревне ее ожидали лишь нищета, бесчестье, а возможно, и голод, но там никто не пытался ее убить.

Беатрис услышала звук торопливых шагов и почувствовала, как липкий, удушливый страх понемногу отступает. Обернувшись, она увидела Девлена и Роберта. Они одновременно вышли на поляну.

Девлен, не сказав Беатрис ни слова приветствия или ободрения, окинул взглядом мертвых птиц, посмотрел на окно и наклонился, чтобы разглядеть остатки хлеба.

– Я отравил их, Девлен? – тихо спросил Роберт.

Мальчик держался с привычной напускной храбростью, но слабый голос выдавал его смятение. Роберт был умным ребенком. Возможно, даже слишком умным, Беатрис отчаянно хотелось утешить его, смягчить боль, развеять страх, но она никогда не умела лгать. Не в ее силах было защитить его и уберечь от жестокой правды. И все же она порывисто обняла мальчика и, прижав к себе, ласково заговорила с ним, как могла бы говорить мать, будь она жива.

– Все хорошо, все хорошо, – повторяла она бессмысленные слова.

На самом деле Беатрис вовсе не чувствовала уверенности, что все будет хорошо. Но Роберт не спорил. Он лишь обеими руками обхватил ее за талию и уткнулся лицом в живот. Даже сквозь толстую шерстяную ткань плаща чувствовалось, как он дрожит. Беатрис охватил гнев, в глазах полыхнула ярость.

– Это подло! – взволнованно выдохнула она. – Не знаю, зачем кто-то сделал такое, но это настоящая подлость. – Беатрис наклонилась к мальчику. – Скажите ему, Роберт.

Герцог посмотрел на нее и перевел взгляд на Девлена.

– Он будет взбешен.

– Не думаю.

– Почему вы говорите обо мне так, будто меня здесь нет? – нахмурился Девлен. – И отчего это я должен рассердиться, Роберт?

– Он не рассердится, Роберт. Я обещаю, – добавила Беатрис, глядя на Девлена.

Тот молча кивнул.

Роберт рассказал кузену о выстрелах в лесу. Пока мальчик говорил, Девлен все больше мрачнел. Хмурый и напряженный, он неподвижно застыл, словно отлитая из железа фигура.

- Идите и соберите вещи, - приказал он девушке.

Беатрис крепче прижала к себе Роберта.

- У вас нет права меня уволить. И я никуда не уйду.

- Ваша преданность весьма похвальна, - заметил Девлен, невольно повторяя слова отца. - Однако я вовсе не собирался дать вам расчет. Уложите также и вещи Роберта. Вы поедете со мной в Эдинбург.

Роберту грозила опасность, но и над его гувернанткой нависла угроза. Нет, Девлен отнюдь не желал ей смерти, но Беатрис вдруг поняла: поехать в Эдинбург - значит, пойти на огромный риск.

- Так вы едете? - негромко спросил он мягким, вкрадчивым тоном, таившим в себе особую опасность.

У Беатрис не оставалось выбора, и все же она еще могла изменить решение.

- Да, - кивнула она, сдаваясь на милость победителя. Девлен повернулся к своему кузену.

- Вы поедете в Эдинбург, Роберт?

Мальчик выпустил из рук юбку гувернантки, отступил на шаг и кивнул. Его глаза покраснели, а на щеках все еще блестели слезы. Беатрис ласково пригладила его вихры и прижала ладонь к горячей щеке маленького герцога. Ее переполняли нежность и сочувствие.

- Тогда мы пойдем укладывать вещи, - предложила она. - Давайте устроим игру. Кто первый успеет собраться?

- Вы, мисс Синклер. У меня гораздо больше вещей. Я должен взять с собой всех моих солдатиков.

- Не слишком увлекайтесь, Роберт, - усмехнулся Девлен. - Пожалейте моих лошадей.

Беатрис заставила себя улыбнуться в ответ и взяла мальчика за руку. В своей взрослой жизни ей иногда приходилось изображать чувства, не испытывая их. Напускать на себя веселый или заинтересованный вид и замечать, как постепенно проходит печаль или просыпается интерес. Но сейчас Беатрис приходилось тщательно скрывать свои подлинные чувства, и к этому она не привыкла.

- Меня одолевает искушение посадить вас в карету прямо сейчас, не давая времени на сборы. Когда вы будете готовы?

- Через четверть часа, - ответила Беатрис, сократив вдвое необходимое время. Ей хотелось как можно скорее покинуть Крэннок-Каел. Если для этого придется в спешке собирать саквояж, а вещи помнутся, так тому и быть.

- Тогда поспешите, - кивнул Девлен. - Я прикажу, чтобы подали мой экипаж.

Подойдя вслед за Робертом к дверям замка, Беатрис поняла, что с легкостью могла бы бросить вещи у себя в комнате и уехать без них. Она больше не чувствовала себя здесь в безопасности. В Крэннок-Касле поселилось зло. Казалось, им пропитался сам воздух. Даже кирпичные стены здесь источали яд.

Внезапно Беатрис мучительно захотелось повернуть время вспять и перенестись в прежнюю жизнь, счастливую, хотя и не совсем безмятежную, когда были живы родители. Тогда ничто не предвещало близкой беды.

Она так жаждала перемен. Ждала, чтобы хоть что-то произошло. Господь всемогущий, так и случилось, но разве об этом она просила? А если Всевышний понял ее слишком буквально? Может, ей следовало более тщательно подбирать слова в своих молитвах?

Как бы она хотела все исправить. Ей ведь нужно лишь одно: спокойно просыпаться по утрам и проводить дни в мире и довольстве. Жить с легким сердцем и радоваться каждому прожитому дню.

– Все будет хорошо, мисс Синклер?

– Конечно, – решительно подтвердила Беатрис. Ее голос звучал твердо и уверенно, а Роберту ни к чему было знать о ее страхах и сомнениях.

Меньше чем через полчаса они уже покидали Крэннок-Касл. Герцог и гувернантка медленно подошли к экипажу. Беатрис все ждала, что их окликнут, но Камерон Гордон так и не потребовал, чтобы беглецы вернулись. Похоже, никто не догадывался об их отъезде.

Беатрис открыла дверцу кареты и откинула подножку, помогая Роберту забраться в экипаж, потом поднялась сама, села рядом с мальчиком и взяла его за руку. День выдался холодным. В воздухе носились хлопья снега, но кто-то позаботился поставить на пол кареты маленькую медную жаровню и горящие угли давали приятное тепло.

– Мне кажется, кто-то хочет меня убить, мисс Синклер.

– Не говорите глупостей, – строго проговорила Беатрис и нахмурилась. – В лесу стрелял неумелый охотник, а бедные птицы под окном классной комнаты просто замерзли насмерть. На дворе довольно холодно. – Ее слова не убедили Роберта. В конце концов, Беатрис сдалась. Мальчик был слишком умен, чтобы обходиться с ним как с несмышленным ребенком. – Я не знаю, что случилось, Роберт, но мне это не нравится. – Герцог кивнул, словно благодарил ее за откровенность. Беатрис подняла шторку на окне. – Похоже, скоро пойдет снег. Возможно, по дороге в Эдинбург нас застанет пурга. – Мальчик равнодушно уставился в окно, и у Беатрис сжалось сердце от жалости. Уж лучше бы он вел себя как надутый маленький сноб и держался с прежним аристократическим презрением, чем это немое безразличие ко всему. – Вы любите снег, Роберт? – спросила она, желая отвлечь воспитанника от мрачных мыслей. Юный герцог пожал плечами, но не ответил. – А я очень люблю снег, – бодро продолжила Беатрис, вдруг понимая, что ведет себя в точности как одна женщина из их деревни. Бедняжка беспрестанно молчала языком, не умолкая ни на минуту; болтала обо всем, что только приходило ей в голову. – По-моему, он очень красив, особенно на ветвях деревьев. А ночью, когда идет снег, становится так же светло, как при полной луне.

Внезапная догадка заставила Беатрис похолодеть от ужаса. Неужели кто-то пытался убить мальчика, пока он спал? Так вот почему Роберт мучился бессонницей и жаловался на ночные кошмары! «Мне кажется, кто-то приходит ко мне в комнату по ночам». О Господи!

- Думаю, я никогда не видел снега ночью, мисс Синклер, - с неожиданным интересом заметил Роберт.

- Тогда нам нужно это обязательно исправить, правда?

- Мой отец говорил, что люди не в силах исправить природу. Если бы мы могли вызывать дождь, когда нам это нужно, то все крестьяне стали бы богачами.

- Уверена, мне бы понравился ваш отец. - Похоже, одиннадцатый герцог Брикин не только обладал обширными познаниями, но и отличался благородством. К тому же искренне любил своего сына.

Дверца кареты открылась, и в экипаж взобрался Девлен. В карете тут же стало тесно. Усаживаясь на подушки, он случайно задел Беатрис. По коже ее поползли мурашки, а тонкие золотистые волоски на руках встали дыбом.

Беатрис тихонько отодвинулась. Близость Девлена доставляла ей ни с чем не сравнимое удовольствие, но делала ее необыкновенно уязвимой.

Рядом с ним Беатрис чувствовала себя слабой женщиной, нуждающейся в сильном мужчине. Ей хотелось, чтобы он обнял ее, прижал к себе, утешил и защитил. Никогда прежде ей не приходили в голову подобные мысли.

Девлен подал знак кучеру, и карета тронулась. По счастью, внимание Девлена отвлекли ландшафт за окном и падающий снег.

- Вы по-прежнему держите пистолеты в карете? - неожиданно спросил Роберт.

Девлен усмехнулся:

- Да. Они всегда у меня под рукой.

- Если вдруг нападут разбойники, - пояснил Роберт, - Девлен иногда возит с собой много золота.

- В самом деле?

- Мне нужны пистолеты, чтобы защищаться. - Девлен протянул руку и надавил на стенку кареты. Раздался щелчок, и из стены выдвинулся прямоугольный ящичек с двумя сверкающими пистолетами. - Терпеть не могу, когда меня застают врасплох.

- Вам когда-нибудь приходилось пускать их в ход?

- Только однажды.

- Надеюсь, на этот раз мы обойдемся без стрельбы?

- Я твердо намерен защищать все, что мне дорого.

А что ему дорого? Или кто? Конечно, его кузен. А она, Беатрис? Деревенская девушка, с которой он привык обмениваться колкостями и которая так много знала благодаря книгам, но совершенно не имела жизненного опыта. Дорожит ли он ею хоть немного? Девлен что-то сказал Роберту, и тот улыбнулся в ответ. Эти двое держались как старые друзья, почти как братья, охотно доверяющие друг другу свои тайны.

Беатрис с облегчением заметила, что экипаж спускается с горы медленно и осторожно. В спешке не было нужды, хотя девушке и хотелось побыстрее оказаться как можно дальше от Крэннок-Касла.

Роберт зевнул. Он выглядел уставшим.

– Вы плохо спали прошлой ночью, – сочувственно сказала Беатрис. Мальчик молча кивнул. Беатрис прикрыла его пледом. – Вы можете вытянуть ноги вдоль сиденья и прилечь, – предложила она.

– Это неприлично, – возразил он как истинный герцог.

Беатрис улыбнулась. Видя, что ее воспитанник колеблется между старомодной учтивостью и привычным высокомерием, она приглашающим жестом похлопала по обивке рядом с собой, и мальчик наконец согласился подобрать под себя ноги и улечься. Он свернул одно одеяло наподобие подушки и укрылся другим, так что снаружи остался торчать лишь кончик носа. Через минуту герцог уже крепко спал.

Беатрис уютно устроилась в уголке кареты, укрывшись краем одеяла. Жаровня приятно согревала ей ноги, карета катилась все дальше от замка, и грозившая Роберту опасность уже не казалась столь нереальной.

Снегопад усиливался. Беатрис притворилась, что с интересом смотрит в окно, но на самом деле украдкой разглядывала Девлена.

Его выразительное лицо так и притягивало взгляд. Интересно, она одна ощущала на себе чары Девлена Гордона или он действовал так на всех женщин в своем окружении? Наверное, стоит ему войти в переполненный бальный зал, как все до единой женщины оборачиваются и провожают его взглядами. Любопытно, испытывают ли они смущение?

Девлен внезапно посмотрел на нее, словно сумел прочитать мысли гувернантки. Он явно угадал ее смятение и любопытство. Уголки его губ дрогнули в усмешке. Похоже, оценивающие взгляды Беатрис не остались незамеченными.

– О чем вы думаете, мисс Синклер?

– Думала, что вы умеете очаровывать женщин, – честно призналась она без малейших колебаний.

Девлен на мгновение смешался, и Беатрис решила про себя впредь всегда откровенно высказывать ему свои мысли. Этот маневр позволит ей сравнять счет. Девлен явно не привык поддерживать разговор с теми, кто всегда говорит то, что думает, а она чувствовала себя так же неуверенно, когда слышала заведомую ложь.

– Я не испытываю недостатка в женском обществе, если вас это интересует.

– Откровенно говоря, нет. Вы ведь уже говорили о Фелисии. Вы любите хвастаться своими победами, мистер Гордон? Или просто хотите сообщить мне, сколько у вас женщин?

– Вы очень скованны, мисс Синклер.

– Разве?

- Я еще никогда не видел такой сдержанной женщины, как вы.
- А в ваших глазах это такой же великий грех, как и привычка говорить правду?
- Это всего лишь ваша особенность. Она, как ни странно, очень меня тревожит.

Беатрис сжала руки в кулаки и посмотрела в глаза Девлену.

- И почему же?
- Вы слишком невозмутимы. Я никогда не видел вас в гневе, хотя не раз давал вам повод прийти в ярость. И еще... вы никогда не показывали, что напуганы, хотя, возможно, и испытывали страх.
- А по-вашему, я должна разыгрывать драму?
- Кто вас обидел, мисс Синклер? - Беатрис не нашла, что ответить и лишь растерянно посмотрела на Девлена. - Может быть, сама жизнь? Слишком много горестей? Слишком много разочарований?
- Вы ведете себя так бесцеремонно со всеми знакомыми женщинами?
- Большинство женщин не пробуждают во мне любопытства - лишь одну скуку. Но вы, мисс Синклер, совсем другое дело.
- Так мне нужно молить Бога, чтобы сделаться скучной, мистер Гордон?
- Боюсь, слишком поздно. Я уже заинтригован.

Беатрис смотрела в окно на падающий снег и укрытые белой пеленой холмы. Без всяких видимых причин ей вдруг захотелось заплакать или рассказать Девлену обо всем, что пришлось пережить за этот ужасный год. О том, как потеряла родителей, как одного за другим хоронила друзей и подруг, как оставалась в одиночестве в пустом доме, ожидая, когда холера заберет и ее.

Долгие годы Беатрис училась подчинять страсти рассудку. Когда ее охватывало какое-нибудь сильное чувство, она давала ему некоторую свободу, а уж потом пыталась окончательно подавить. И Беатрис удавалось владеть собой даже в горе. Чтобы выжить, нужно было думать о сегодняшнем дне.

Практичность и здравый смысл помогли ей выстоять тогда, помогут и теперь. Беатрис повернулась и храбро встретила взгляд Девлена.

- По-моему, вам лучше побеспокоиться о том, что произошло с Робертом.

Беатрис нахмурилась. Выстрелы в лесу и мертвые птицы - достаточный повод для тревоги.

- Не волнуйтесь, Роберт под моей защитой. Если на то пошло, мисс Синклер, я готов защитить и вас.
- Только мое тело, мистер Гордон? Или душу тоже?

В ее голосе звучал откровенный вызов, но Девлен лишь улыбнулся в ответ.

Беатрис внезапно вспомнила темный злоедейский экипаж, едва освещенный тусклыми фонарями, почти неразличимый в черноте ночи, так испугавший ее на узкой горной дороге, когда она впервые увидела его. Но сейчас Беатрис нисколько не боялась. Охватившее ее чувство ничем не напоминало страх.

– Для человека, который не любит темноты, вы довольно ловко извлекаете из нее пользу.

– Я мало сплю. От силы три часа в сутки. К чему зря терять время?

Беатрис не знала, что на это ответить.

Снежные хлопья кружились в воздухе словно легкие белые перья. Они опускались на деревья, кусты и траву, окутывая пушистым облаком привычный мир и превращая его в волшебную страну.

При виде этого чуда у Беатрис перехватило дыхание. К глазам ее подступили слезы. Неужели она сейчас заплачет? Как глупо. А впрочем, почему бы и нет?

Она вдруг испытала какое-то странное чувство, непонятное, необъяснимое. Оно смущало ее и тревожило, словно тянущая боль, притаившаяся глубоко внутри. Беатрис давно приучила себя не прислушиваться к собственным чувствам. Ей пришлось пережить голод, одиночество и начинающееся безумие. Копаясь в себе, она не смогла бы выстоять и остаться прежней. Защищаясь от боли и страха, она пыталась укутать себя невидимым коконом бесчувствия и, возможно, лишь на время приглушила боль. Так бывает, когда споткнешься и ушибешь ногу. Первое время не чувствуешь боли, зато потом она начинает терзать тебя с удвоенной силой. Неужели только сейчас Беатрис Синклер в полной мере осознала свое одиночество?

Девлен Гордон заставил ее измениться. Каждый раз в его присутствии Беатрис становилась немного другой, более... живой. Этот человек словно пробудил ее ото сна.

Девлен обладал слишком сильным характером и слишком большой притягательностью. Его невозможно было не заметить. Вдобавок он казался воплощением мужественности. Временами, вот как сейчас, Беатрис страстно хотелось протянуть руку и дотронуться до него, чтобы убедиться, действительно ли у него под рубашкой настоящие мышцы или это только видимость.

Его бьюки так и притягивали взгляд. Беатрис с интересом изучала его ноги в высоких, до колен, сапогах. Грудь Девлена выглядела слишком широкой, чтобы быть настоящей. У Беатрис даже мелькнула нелепая мысль: уж не носит ли он под одеждой специальные подушечки?

Нет, только не Девлен Гордон. Он не стал бы прибегать к подобным уловкам. Человек вроде него скорее предпочел бы бросить вызов обществу. Пусть принимают его таким, каков он есть: красивым или уродливым, высоким или коротышкой, богатым или бедным.

Но, конечно же, он был красивым, высоким и богатым, а еще состоял в родстве с герцогом. Ничего удивительного, что он пользовался такой популярностью в Эдинбурге.

– Почему вы до сих пор не женаты?

– А вас это очень заботит, мисс Синклер?

– Нисколько.

- Вы слишком любопытны. И в этом мы с вами похожи. Если я отвечу на ваш вопрос, вы должны будете отплатить мне тем же. - Беатрис задумалась. - Боитесь?

- Нет, не боюсь, просто стараюсь быть осмотрительной.

- Опасаетесь, что я спрошу вас о чем-то непристойном?

- Меня бы это не удивило.

- Тогда к чему ваши сомнения? - усмехнулся Девлен.

- Я еще не решила, стану ли отвечать.

Глаза Девлена насмешливо сверкнули.

- Тогда я отвечаю на ваш вопрос, мисс Синклер: у меня никогда не было времени на то, чтобы жениться.

- Не было времени?

- Ухаживание отнимает массу времени, и мне не хотелось тратить его впустую.

- Не говоря уже о чувствах, - добавила Беатрис.

- Вот именно.

- А вы когда-нибудь были влюблены?

- Но это уже второй вопрос. Думаю, теперь моя очередь спрашивать. Вы когда-нибудь были влюблены, мисс Синклер? Как видите, в моем вопросе нет ничего непристойного.

- Нет, никогда.

- Жаль. Говорят, это довольно бурное чувство.

- В самом деле?

- Любовь делает из нас глупцов. Из-за нее теряют голову, как я слышал.

- Слышали?

- Уж не воображаете ли вы, что я способен разыгрывать из себя дурака, мисс Синклер?

- Если только это может принести вам выгоду, мистер Гордон.

Улыбка Девлена стала шире.

- Вы считаете меня циником?

- А разве это не так?

- Цинизм - это простое здравомыслие. Если хотите, мудрость.

- Значит, вы слишком мудры, чтобы влюбиться? - поинтересовалась Беатрис.

- Думаю, любовь имеет мало отношения к мудрости. Она приходит, когда пожелает.
- Как вспышка молнии?
- Вы верите в любовь с первого взгляда, мисс Синклер?
- Нет.

Девлен негромко рассмеялся.

- Так кто же из нас циник?
- Почему обязательно нужно любить кого-то за внешность? Человек может заболеть или состариться. Душа, характер гораздо важнее наружности, мистер Гордон. Ум, душевная тонкость, доброта – все это намного существеннее, чем внешность.
- Так вы считаете, что любовь приходит после разговора?
- Возможно.
- И сколько времени для этого требуется?
- Для разговора?

Снисходительная улыбка Девлена заставила Беатрис вспыхнуть.

- Для того чтобы влюбиться.
- Откуда же мне знать, если я никогда не влюблялась?
- Пожалуй, нам с вами следует больше разговаривать, мисс Синклер. Думаю, понадобится еще несколько бесед.

Девлен отвернулся, и Беатрис облегченно перевела дыхание. Откровенно говоря, она не нашлась что ему ответить.

Глава 21

Погода портилась. Снег плотной завесой отгородил карету с пассажирами от остального мира. За белой снежной пеленой Беатрис не могла разглядеть даже деревья и кусты вдоль дороги. Кучеру, похоже, и вовсе приходилось нелегко. Экипаж заметно замедлил ход. Возница дважды принимался стучать в маленькое окошко, отделявшее его от пассажиров, и дважды Девлену заверял его, что можно не спешить.

- Не торопитесь, Питер, у нас достаточно времени, – повторил он в ответ на встревоженный стук кучера. – Мы скоро доберемся до постоянного двора.
- Значит, мы собираемся остаться там на ночь? – спросила Беатрис.

Девлен откинулся на подушки, ленивым взглядом окинув свою спутницу.

- Из-за такой погода дальнейшее путешествие стало невозможным.
- Кажется, это не вполне прилично?

- Мы с вами вместе остановимся на постоялом дворе в сопровождении одного лишь семилетнего ребенка. Это прилично, как по-вашему? Вы одна можете ответить на этот вопрос. Выбор за вами, мисс Синклер.
- Не уверена, что мне нравится ваш тон. Я слышу в вашем голосе сарказм.
- Примите мои извинения, мисс Синклер. Я вовсе не хотел вас обидеть. – Беатрис бросила на Девлена хмурый взгляд. – Если мы не будем спать в одной комнате; я уверен, что наутро ваша репутация останется такой же незапятнанной, как и накануне. Хотя, возможно, я слишком самонадеян. Так ваша репутация безупречна?
- Разумеется! – Беатрис возмущенно фыркнула.
- А вот меня не слишком занимают подобные вещи, мисс Синклер. Репутация не самое важное в жизни.
- Возможно, потому что вам нечего терять, – съязвила Беатрис, но Девлен лишь довольно усмехнулся.
- Если таково ваше мнение обо мне, то вы не одиноки – многие охотно согласятся с вами. Не понимаю, что заставляет их наклеивать на меня ярлык закоренелого грешника? – Он улыбнулся. – Должно быть, у вас большой опыт в этих вопросах, мисс Синклер. Вы издалека видите грешника?
- Мой отец был школьным учителем, а не священником, мистер Гордон. Но мне кажется, ваше пристрастие к темным экипажам и путешествиям под покровом ночи заставляет людей думать о вас самое худшее.
- Всего лишь потому, что я ненавижу терять время? Уже поэтому меня можно считать извергом и злодеем? Довольно странно, как, по-вашему?
- Может, вас просто боятся? Люди часто называют злом то, что не в силах понять или объяснить.
- Следовательно, чтобы изменить дурное мнение о себе, я должен стараться стать для всех более понятным?
- Возможно.
- Дело в том, мисс Синклер, что мне совершенно безразлично, что обо мне думают. Вас это удивляет?
- Нисколько.
- И все же есть несколько человек, чьим мнением я искренне дорожу. Вас удивит, если я скажу, что в этот узкий круг входите и вы?
- Очень, – откликнулась Беатрис и опустила глаза, не в силах выдержать взгляд Девлена.
- Мне далеко не безразлично, что вы думаете обо мне. И я вовсе не тот распутник, какимставляет меня отец.
- Я не так часто обсуждала вас с вашим отцом.

- И все же вы обсуждали меня. Как непривычно иметь дело с правдивой женщиной.
- Уже не в первый раз вы обвиняете женщин в неискренности, но я уверена, что лживых мужчин не меньше, чем нечестных женщин.
- Ничего подобного. Знаю по опыту: большинство женщин говорят правду, лишь когда преследуют какую-нибудь цель.
- Как женщина я должна была бы оскорбиться.
- Но ведь к вам это не относится! И я никак не могу понять почему. По правде говоря, вы редкое исключение, мисс Синклер. Интересно, вы когда-нибудь плачете?
- Глубоко личный вопрос, не так ли? Я требую компенсации.
- Хорошо, но сначала ответьте.
- Нет, я не часто плачу.
- Почему же? И прежде чем вы начнете возражать, мисс Синклер, замечу, что это всего лишь довесок к главному вопросу. Уточнение, если хотите.
- Потому что я всегда считала бессмысленным проливать слезы. К чему плакать? Слезы не помогут смягчить горе и не принесут утешения.
- А вы когда-нибудь испытываете какие-нибудь другие сильные чувства? Гнев или радость?
- Теперь моя очередь спрашивать.

Девлен откинулся на подушки и выжидающе сложил руки на груди.

- Отчего вы так дурно думаете о женщинах? Кто вас обидел?

Девлен широко улыбнулся.

- Мне жаль вас разочаровывать, мисс Синклер. Никто. Если я несколько предвзято сужу о женщинах, то исключительно потому, что вижу в них всего лишь возможность приятно провести вечер. Не более. У меня нет друзей среди женщин. Не считая любовных утех, я редко провожу время в женском обществе.
- И напрасно. Вы бы открыли для себя, что женщины отнюдь не склонны, как вы утверждаете, ловко использовать в своих целях правду или ложь, чтобы вертеть мужчинами.
- Да вы просто тепличное растение, мисс Синклер. Я покажу вам женщин, которые не умеют ничего другого, кроме как лгать и изворачиваться.

Несмотря на заверения Девлена, у Беатрис все же осталось ощущение, что в прошлом кто-то причинил ему боль. Однако Девлен Гордон не вызывал у нее ни сострадания, ни жалости. Да он бы первым посмеялся над ее сочувствием! Но Беатрис все же сомневалась, что те несчастные женщины, которых он упоминал, могли причинить ему зло. Скорее он сам разбил не одно женское сердце.

Экипаж снова замедлил ход. Беатрис отогнула край занавески и вгляделась в белую метель за окном.

- Становится холодно. - Она зябко поежилась, глядя на серое небо, едва различимое за снежной пеленой.
- Боюсь, буря усиливается, сэр, - встревоженно заметил кучер, наклоняясь к окошку.
- Буря? - Беатрис повернулась к Девлену. - Значит, мы не сможем продолжить путь в Единбург?
- Это значит, мисс Синклер, что нам нужно найти укрытие и переждать пургу. - Девлен кивнул Питеру. - Лошади замерзнут. Поезжайте к ближайшему трактиру.
- Слушаюсь, сэр.

Беатрис с недоумением посмотрела на Девлена. Этот непостижимый человек искренне беспокоился о четвероногих созданиях, но не испытывал ни малейшей жалости к женщинам. Девлен улыбнулся в ответ, словно сумел угадать ее мысли. Если это действительно так, то ей следовало бы лучше следить за выражением своего лица.

Не прошло и четверти часа, как на расплывшемся белым пятном склоне вырос высокий серый дом. Освещенные окна манили к себе путешественников словно маяк. Беатрис с облегчением откинулась на подушки, радуясь, что они нашли наконец себе место для ночлега.

Она ласково посмотрела на спящего мальчика, протянула руку и мягко коснулась его щеки.

- Роберт, - тихо позвала она. - Пора просыпаться.
- Не будите. Я отнесу его в дом, - предложил Девлен.

Беатрис заметила, как изменилось его лицо. Никогда прежде она не видела его таким. Выражение нежности и доброты удивительно шло ему.

Она ничего не ответила, только молча обернула одеялом плечи Роберта и натянула плед повыше, защищая лицо.

Карета остановилась. Кучер спрыгнул с козел и распахнул дверцу. Весь покрытый снегом, он переступал с ноги на ногу, чтобы согреться. Щеки его покраснели от мороза.

- Позаботьтесь об упряжке, Питер, а затем зайдите в дом, - распорядился Девлен. - Сегодня ночью вам не следует оставаться в конюшне. - Кучер выглядел удивленным, и Беатрис поняла, что Питер имел обыкновение спать вместе с лошадьми. Изумленное лицо возницы вытянулось еще больше, когда Девлен протянул ему маленький мешочек с монетами. - Купите себе выпить и чего-нибудь горячего. Вы честно заслужили награду, доставив нас сюда целыми и невредимыми.

- Спасибо вам, сэр. - Обветренное лицо возницы растянулось в улыбке. - Спасибо, мистер Гордон. Я так и сделаю.

Девлен первым покинул карету и помог выбраться Беатрис. Когда девушка уже стояла на замерзшей земле, он снова забрался в экипаж и вышел оттуда с Робертом на руках. Одеяло заботливо прикрывало лицо мальчика от метели и холодного ветра.

- Мы сможем утром продолжить путь?

Ей показалось, что Девлен тепло улыбнулся, хотя она с трудом различала его лицо в снежной

пелене.

– Об этом мы узнаем только завтра утром. Мы ведь не можем приказывать снегу, что ему делать, верно?

Да, Беатрис ждала долгая ночь...

Трактир оказался довольно большим, но судя по виду, не слишком-то процветал. Хозяин так бурно радовался их появлению и держался так подобострастно, что Беатрис засомневалась, уж не считает ли он их королевскими особами. Метель разогнала завсегдатаев по домам – в просторном пивном зале, съездившись у очага, сидел всего один посетитель.

– Приготовьте ваши лучшие комнаты, – приказал Девлен, прижимая к себе спящего мальчика. Он отдавал приказы с непринужденностью человека, привыкшего, что ему беспрекословно повинуются и спешат поскорее исполнить любую его прихоть.

Трактирщик поклонился, не переставая улыбаться.

– Разумеется, сэр. Сколько комнат? – Он перевел взгляд с Девлена на Беатрис.

– Две, – распорядился Девлен. – Если вы согласитесь разделить комнату с Робертом, – добавил он, обращаясь к девушке. – Мне бы не хотелось оставлять его одного, особенно после случая с птицами.

– Надеюсь, вы не думаете... – Девлен медленно покачал головой, и Беатрис замолчала, не закончив фразу. Трактирщик внимательно прислушивался к разговору, и лучше было отложить все вопросы до более подходящего места. – Я не против, – кивнула она, подумав про себя, что мальчик послужит ей дуэньей.

Хозяин жестом указал на лестницу, и Беатрис начала подниматься по ступенькам. Мужчины негромко переговаривались и шли следом.

Наверху она в нерешительности остановилась, не зная, куда идти дальше, и трактирщик проскользнул вперед, показывая дорогу. Он привел ее в дальний конец коридора. Вторая комната располагалась по соседству с первой. «Слишком близко», – подумала Беатрис.

Трактирщик открыл дверь и услужливо поклонился Девлену, но тот жестом пригласил Беатрис войти первой. В комнате царил холод, но хозяин сам торопливо разжег огонь, отпуская попутно нелестные замечания о погоде.

– Эта комната просторнее, – заметил Девлен. – Думаю, вам с Робертом будет здесь удобно.

Беатрис подошла к окну и обвела взглядом покрытые снегом окрестности. На ветвях деревьев, словно замерзшие слезы, повисли сосульки, а покрытые снегом кусты напоминали съездившиеся неподвижные фигуры. Обледенелая подъездная дорожка блестела как зеркало так, что в ней отражался желтый свет фонаря.

Снегопад прекратился. Небо расчистилось, и полная луна, похожая на снежный шар, выкатилась на небосклон. В ее лучах снег искрился, а лед сверкал, отливая серебром.

От дыхания стекло затуманилось, и Беатрис отвернулась от окна. В такую холодную ночь несладко оказаться под открытым небом. А здесь, на постоялом дворе, уютно горел огонь в очаге, на кровати лежал толстый матрас и множество теплых одеял.

Девлен положил Роберта на высокую кровать, снял с мальчика башмаки и укрыл его одеялом.

Комната, которую заняли они с Робертом, безусловно, считалась лучшей на постоялом дворе. Большую часть спальни занимала массивная кровать с пологом на четырех столбиках. В оставшемся пространстве помещался умывальник, небольшая ширма и стул с продавленным сиденьем, который, похоже, перекочевал сюда за ненадобностью из пивного зала внизу.

Трактирщик показал Девлену его комнату и незаметно удалился, унося с собой полученные от нового постояльца чаевые. Вслед за ним упорхнула и служанка. Ее появление напомнило Беатрис те времена, когда она безуспешно искала работу в «Шпаге и драконе». Интересно, как бы сложилась ее жизнь, если бы хозяин таверны все-таки согласился дать ей место?

Да, не стояла бы она сейчас у окна, бросая украдкой взгляды на Девлена, и не раздумывала о том, что тот собирается делать. И не замирала бы от волнения. Не произошло бы и многого другого. И уж точно Девлен не взял бы ее за руку, и у нее не перехватило бы дыхание от ужаса и восторга.

– У вас испуганный вид. Вы боитесь?

– Так мне следует вас бояться?

Девлен улыбнулся:

– Похоже, вы любите отвечать вопросом на вопрос.

– В таком случае да, иногда вы меня пугаете. А порой я боюсь самой себя, своего отклика на ваши слова и поступки.

Беатрис ответила честно, без увиливания и недомолвок.

– А почему вы меня боитесь?

– Потому что вы искушаете меня. Внушаете мне запретные желания и мысли. Потому что вы слишком обольстительны, Девлен Гордон. Но ваш блеск слишком ярок для девиц вроде меня.

– Обычно я избегаю девиц, мисс Синклер. Стараюсь избавиться от них как можно скорее. Я дал себе слово никогда не связываться с девственницами. С ними, знаете ли, слишком много мороки, а я из тех мужчин, что знают себе цену и дорожат своим временем.

– Стало быть, общение с девицами вы считаете напрасной тратой времени?

– Да, именно так я и думаю.

– Значит, рядом с вами я должна чувствовать себя в безопасности?

– И чувствуете?

– Пожалуй, нет.

– Я обещал защищать вас, помните? А я никогда не нарушаю своих обещаний.

– А если я не желаю, чтобы меня защищали?

– Пойду посмотрю, нашел ли трактирщик нам что-нибудь поесть, – улыбнулся Девлен и вышел,

закрыв за собой дверь.

Беатрис сразу же показалось, что в комнате стало просторнее.

– Вам нравится мой кузен, правда, мисс Синклер?

Девушка улыбнулась. Она не особенно удивилась обнаружив, что Роберт только притворялся спящим.

– Да. Вы этому рады, ваша светлость?

На лице мальчика показалась сонная улыбка.

– Он бывает очень милым, когда захочет. Но может быть и безжалостным.

«Безжалостным? Странно, что семилетний мальчик так отзывается о взрослом мужчине».

– От кого вы это слышали?

Роберт сел на постели и потер кулаками глаза.

– От дяди. По-моему, он не слишком-то любит Девлена – ведь кузен очень богат.

– Иногда человеку приходится быть безжалостным. Порой его к этому вынуждают.

Роберт завертел головой, оглядывая комнату.

– А здесь довольно тесно.

– И все же это большая удача, что нам есть где укрыться от бури.

– Девлен никогда бы не допустил, чтобы что-то случилось с его лошадьми. Он выложил за них кучу денег.

– Тогда нам очень повезло. Раз он так беспокоится о лошадях, значит, позаботится и о нас.

– О, я уверен, он бы не позволил, чтобы со мной что-то случилось, мисс Синклер.

– Ну да, вы ведь герцог Брикин.

Мальчик кивнул.

– И не только поэтому. Он меня любит.

Беатрис притихла и задумалась. Не в первый раз маленький герцог поражал ее острой наблюдательностью и совсем не детским умом.

– Помните наш разговор о том, каким бывает снег ночью? – Роберт кивнул. – Посмотрите в окно.

Мальчик выскользнул из кровати и подошел к окну. Глаза его радостно вспыхнули.

– Похоже на сахарную глазурь, мисс Синклер. Так бы и съел. Как будто кухарка покрыла сладкой глазурью весь мир.

Беатрис улыбнулась:

– Да, вы хорошо сказали.

Через несколько минут в дверях появился Девлен в сопровождении горничной. Девушка неловко присела в реверансе, что потребовало от нее известного мужества, поскольку в руках она с трудом удерживала огромный поднос с едой.

Горничная поставила поднос на стол, служивший заодно подставкой для умывальника, и снова присела. Ее реверанс предназначался не Беатрис, которая так и не сумела привыкнуть к подобному зрелищу, а Девлену. Он широко улыбался несчастной девушке, еще больше смущая ее.

– Вам не следует этого делать, – поморщилась Беатрис, когда горничная покинула комнату.

– Что делать?

– Улыбаться молоденьким девушкам. Это приводит их в смятение. Я заметила еще в Крэннок-Касле. Там из-за вас служанки столбенели и теряли дар речи. Стояли и глазели на вас, будто вот-вот лишатся рассудка.

– Вы преувеличиваете.

– Я всего лишь говорю правду, – пожала плечами Беатрис, с удовольствием замечая легкий румянец на щеках Девлена.

Неужели Девлен Гордон смутился? Или ему вдруг стало неловко оттого, что она заговорила о его даре очаровывать женщин?

– Мой кузен всегда оказывает такое действие на женщин, – вмешался Роберт.

– Вы когда-нибудь говорите как семилетний мальчик? – Беатрис укоризненно покачала головой. – Иногда мне кажется, что вам по меньшей мере двадцать и вы только притворяетесь ребенком.

– Это потому, что я очень умен и проницателен.

Девлен и Беатрис обменялись взглядами. Интересно, как воспринимает Девлен поразительные выходки своего титулованного кузена? Сама Беатрис не переставала удивляться необычным высказываниям Роберта.

Но уже в следующую минуту, к явному облегчению гувернантки, юный Роберт повел себя как самый обыкновенный ребенок. Он плюхнулся на середину кровати и потребовал, чтобы скатерть расстелили прямо на постели.

– Получится настоящий пикник, – объяснил он. – Вы садитесь сюда, – указал он Беатрис на край кровати, – а вы сюда, – жестом предложил он Девлену занять место на подушках у изголовья. – И мы сделаем вид, будто сидим под деревом в Крэнноке.

Сказать по правде, Беатрис предпочла бы более безопасное место.

– Давайте лучше мысленно перенесемся туда, где мы никогда раньше не были.

– А как насчет вересковой пустоши близ Эдинбурга? – предложил Девлен. – Ужин на траве под

большим дубом?

- Лучше под сосной, - не согласилась Беатрис. - Сосны пахнут намного приятнее.

- Не знал, что дубы пахнут.

- Это только подтверждает мою правоту.

Она потянулась за одной из аппетитных булочек одновременно с Девленом. Их пальцы соприкоснулись, и Беатрис неохотно отвела руку. Роберт выхватил булочку из корзинки и протянул ее гувернантке.

- Вот, мисс Синклер.

- Мой верный рыцарь. Спасибо, Роберт. - Беатрис смущенно разрешила булочку пополам и положила сверху ломтик ветчины, стараясь не смотреть на Девлена. Она чувствовала, что ничем не лучше этих глупых служанок. Одного его присутствия уже достаточно, чтобы на нее напал столбняк. Ему даже улыбаться не нужно. Его нахмуренные брови были не менее соблазнительны.

- А вы тоже так считаете, мисс Синклер? - обратился к ней Роберт.

Она рассеянно взглянула на мальчика.

- Извините, я задумалась. О чем вы хотели меня спросить?

- Я говорил, что мы попали в ловушку и можем надолго застрять в этом трактире.

- Что ж, по крайней мере, здесь есть еда. - Беатрис обвела рукой скатерть с роскошным ужином, который добыл для них Девлен. - И мы согрелись. - Впрочем, согреться им удалось далеко не сразу. Комната прогревалась медленно. И даже сейчас в ней было довольно прохладно, несмотря на горящий очаг.

- И лошади Девлена стоят в конюшне, - добавил Роберт. - Но мне хочется снова увидеть Эдинбург. Увидеть дом Девлена. Это самое чудесное место на свете, мисс Синклер. Наверняка вы ничего подобного никогда не видели. Там три этажа, полно мебели, а комнаты просто великолепны. А еще там есть потайная лестница, прямо как в Крэннок-Касле. И тайный коридор, выходящий из библиотеки в конюшню.

Девлен с нежностью улыбнулся мальчику.

- Только то, о чем вы сейчас сказали, - секрет, о котором никто не должен знать, кроме нас двоих.

Роберт смущенно покраснел, но вскоре лицо его прояснилось.

- Она все равно точно не знает, где проходят потайные ходы, Девлен.

- А зачем вы построили у себя в доме потайные ходы?

- Я их не строил. Они достались мне вместе с домом. Эдинбург издавна славится своими тайными интригами, а предыдущий владелец, по-видимому, имел какое-то отношение к королевскому двору. Вероятно, он проявил предусмотрительность и заранее подготовил себе и своим домочадцам путь к отступлению.

- И ему пришлось бежать через тайный ход?

- Точно не знаю. Я решил не слишком углубляться в семейные предания бывшего хозяина, когда покупал дом.

Остаток ужина прошел в приятной беседе, совершенно безобидной, поскольку Девлен и Беатрис прекрасно сознавали, что между ними сидит невинный ребенок. Они тщательно избегали малейшего упоминания о покушениях на жизнь Роберта. Когда с ужином было покончено, Девлен принялся собирать на поднос грязную посуду.

- Вы меня удивляете, - заметила Беатрис.

Девлен насмешливо взглянул на нее и продолжил свое занятие.

- Вот как? И чем же? Тем, что не требую от слуг выполнения малейшей моей прихоти, или же тем, что не боюсь обслуживать себя сам?

- Наверное, тем и другим.

Девлен взял поднос с грязной посудой и открыл дверь.

- Многие вещи не всегда таковы, какими кажутся на первый взгляд, мисс Синклер. Это относится и к людям. - Он повернулся к Роберту. - Мы решим утром, когда отправиться в путь.

Беатрис кивнула, и Девлен вышел из комнаты.

- Вам надо умыться, Роберт, - напомнила она мальчику, доставая из саквояжа небольшую глиняную кружку.

Роберт не стал капризничать, а молча повиновался. Он тщательно намылил лицо и руки, слегка поморщившись, умылся холодной водой. Беатрис вручила ему маленькое полотенце с вышитым герцогским гербом. Роберт скрылся за ширмой и взял с Беатрис слово не подсматривать, когда он будет переодеваться в ночную рубашку.

Девушка, улыбаясь, зажгла светильник. Одной лампы оказалось вполне достаточно, чтобы осветить не слишком просторную комнату трактира, и Беатрис решила не зажигать вторую.

- Здесь очень холодно, мисс Синклер, - пожаловался Роберт, выходя из-за ширмы.

- Забирайтесь скорее в постель и грейтесь.

- Расскажите мне какую-нибудь историю, - надменно потребовал мальчик.

- Нет, если вы намерены говорить со мной таким тоном.

- Но вы работаете на меня.

- Вы мой воспитанник.

- Я Брикин.

- Вы семилетний ребенок, вот кто вы. - Беатрис присела на краешек кровати. - Думаете, ваш отец гордился бы вами, если бы услышал, как вы разговариваете со мной? Судя по вашим рассказам, он с уважением относился к чувствам других людей. - Глаза Роберта широко

раскрылись, но он молчал. – Ему было бы приятно узнать, что вы так часто упоминаете о своем титуле? Мне кажется, ваш отец был очень скромным человеком. И куда больше ему хотелось делать людям добро, чем внушать страх.

К ужасу Беатрис, Роберт заплакал. Крупные слезы покатались по его щекам совершенно беззвучно, и от этого Беатрис стало еще страшнее. Растерявшись, она потянулась к мальчику и обняла его.

Беатрис никогда не отличалась пылкой любовью к детям. Если в деревне у кого-то рождался ребенок, она не стремилась, как другие женщины, непременно поддержать его на руках, не млела от восторга, любуясь крошечным личиком, ручками и ножками, не умилялась сходству младенца с одним из родителей. И вот теперь, баюкая плачущего ребенка ночью на постоялом дворе, она вдруг почувствовала себя взрослой и сильной. Ей захотелось защитить и утешить этого маленького мальчика, лишенного матери.

«Кто же посмел его обидеть?»

Эта внезапная мысль застала ее врасплох. Она здесь не ради развлечения и не в поисках приключений; Единственная причина их отъезда в Эдинбург – забота о безопасности Роберта. Кто-то желал ему смерти.

– Я расскажу вам историю, мой юный герцог, – сказала она, целуя мальчика в теплую макушку. От Роберта пахло мылом. – Жил-был на свете павлин с роскошным хвостом. И вот однажды он повстречал уродливого журавля на длинных ногах и принялся потешаться над его серым оперением.

«Я одеваюсь, как король, в золото и пурпур, – заявил он. – Мне служат все цвета радуги, а у тебя на крыльях нет ни одного цветного перышка».

И павлин, распушив хвост, принялся важно расхаживать вокруг журавля. Его великолепные яркие перья в лучах солнца отливали красным, синим и зеленым.

Журавль не сказал ни слова в ответ. Его оперение действительно не было таким ярким, как у павлина. А еще при ходьбе он неуклюже раскачивался из стороны в сторону. Павлин говорил правду: журавля никак нельзя было назвать красавцем. Но пока павлин вместе со своими братьями насмеялся над длинноногим уродом, журавль вдруг захлопал крыльями и побежал, а потом оторвался от земли и взмыл в воздух. Павлины разинули рты от изумления и страха.

Журавль поднимался все выше и выше, сквозь облака, к самому солнцу. И когда он наконец заговорил, павлины с трудом смогли расслышать его голос.

«Это верно, ты красив. Намного красивее меня. Но я летаю высоко в небесах, и мой голос доносится до самых отдаленных звезд. Ты же способен лишь расхаживать по земле и рыться в навозных кучах».

Так в чем же мораль этой истории? А в том, что не одни только перья красят птицу, – заключила Беатрис.

– А что, все басни Эзопа заканчиваются какой-нибудь моралью, мисс Синклер?

– Все до единой.

– А разве они интересные?

Беатрис покачала головой и заботливо подоткнула Роберту одеяло. Согревшись в теплой постели, мальчик вскоре заснул, а Беатрис еще немного посидела, глядя на него. Она надеялась, что этой ночью Роберту не привидятся кошмары.

Полчаса спустя Беатрис встала и разделась, сменив платье на ночную сорочку и капот.

Она собиралась совершить нечто безрассудное. Даже Салли постаралась бы предостеречь ее от такого поступка. Но минувший год научил Беатрис одному: жизнь слишком быстротечна и может внезапно оборваться в любой момент.

Нет, Беатрис не намерена была терять ни секунды. Она не желала быть мудрой и рассудительной. Не хотела лгать себе, что у нее впереди целая вечность, чтобы найти свою любовь.

Любовь. Этим словом люди привыкли обозначать все человеческие страсти и безумства. Порывы, как благородные, так и бессмысленные. Любовь. Беатрис вовсе не пыталась убедить себя, что охвачена любовью. Скорее она была увлечена Девле-ном Гордоном, очарована им. От его улыбки в ней вспыхивало желание и шелковым коконом обволакивало все ее тело. Но любви она не испытывала.

Беатрис словно утратила чувство реальности, и время потеряло для нее смысл. Она жила лишь одним мгновением.

И все же она колебалась, когда подошла к двери и взялась за ручку. Какое-то острое, жадное желание жить терзало ее словно муки голода. Ее прежняя жизнь, лишенная настоящих страстей, казалась сейчас сонным оцепенением. Желание вдохнуть полной грудью воздух свободы легко приглушило слабый шепот совести.

Беатрис вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Глава 22

Беатрис стояла перед дверью Девлена не меньше минуты, прежде чем решилась постучать.

В тишине коридора стук прозвучал слишком громко, гулким эхом отражаясь от стен. Потом раздался звук приближающихся шагов. И тут же затих, словно Девлен раздумывал, стоит ли открывать дверь.

Беатрис не стала стучать второй раз, но не повернулась и не ушла к себе в комнату, а стояла и ждала, судорожно стиснув руки.

Наконец дверь отворилась. Впервые Беатрис увидела Девлена полуодетым. Широкий галстук висел криво, рубашка расстегнута. Но Гордон и не подумал извиниться за свой расхристанный вид. Не спросил он и о цели ее прихода.

– Кто, по-вашему, мог желать зла Роберту? – выпалила Беатрис.

Вопрос требовал ответа. Его стоило обсудить. Но они оба знали: Беатрис пришла не за этим.

Девлен протянул руку, втащил Беатрис в комнату и закрыл за ней дверь.

– Вам это не понравится, мисс Синклер. Утром вы будете раскаиваться, что лишились невинности.

- В самом деле?
- Вас будет терзать мысль, почему вы потеряли так много, а так мало получили взамен.
- Похоже, вам не раз приходилось выслушивать жалобы девственников.
- Нет, не приходилось. Надеюсь, и не придется. Возвращайтесь к себе в комнату.

Девлен отлично владел своим голосом. На губах его играла улыбка, и Беатрис могла бы подумать, что ее приход оставил Гордона равнодушным, если бы не жилка на шее, бившаяся в том же бешеном ритме, что и ее собственное сердце.

- Девлен? - Она протянула руку и коснулась пальцами его щеки. Девлен вздрогнул, словно прикосновение Беатрис обожгло его.
- Вы искушаете судьбу, мисс Синклер.
- Беатрис, - мягко поправила она. - Разве мы не можем звать друг друга по имени? Я буду называть вас Девлен, как уже давно называю про себя, а вы можете звать меня Беатрис.
- Лучше я буду называть вас неблагоразумной или безрассудной, Беатрис Синклер. Неужели у вас не осталось ни капли здравого смысла?
- Вы целыми днями - да что там, неделями - искушали меня. Вы зазывали меня в свою постель, а теперь пытаетесь предостеречь?
- Кто-то же должен это сделать.
- Вот уж не ожидала. Я думала, вы станете моим любовником.

Улыбка Девлена внезапно исчезла.

- Где ваше чувство самосохранения, Беатрис Синклер? Неужели оно не подсказывает вам, что не стоит дразнить волков?
- Так вот чем я, оказывается, занимаюсь? - Сердце Беатрис отчаянно колотилось, тело сотрясала дрожь. Ей пришлось сделать усилие, чтобы разжать влажные от пота пальцы. - Неужели мое появление здесь так ужасно, Девлен?
- Вы оставили Роберта одного.
- Да.

Беатрис резко повернулась, намереваясь уйти. Ее душил гнев. Девлену удалось заставить ее отступить. Он нашел нужный довод. Но в последний момент, когда Беатрис уже готова была покинуть комнату, Девлен удержал ее.

- С ним ничего не случится.
- Нет, вы были правы, напомнив мне о моем долге. В конце концов, я нанята на работу. Я гувернантка.
- Вы женщина. - Его голос прозвучал глухо, а пальцы, сжимавшие запястье Беатрис, показались теплыми, едва ли не горячими. Беатрис не обернулась, чтобы взглянуть на него,

хотя ей очень этого хотелось. Когда он шагнул к ней, от волнения у нее перехватило дыхание. – Я никогда не встречал никого, похожего на вас, Беатрис Синклер. Что вы за женщина?

– Женщина, забывшая о своем долге, мистер Гордон, о чем вы мне и напомнили. Пожалуйста, отпустите меня.

– Завтра на рассвете. Не раньше. – Он медленно повернул ее к себе и провел пальцем по губам. – Знаете, вы меня немного пугаете.

– Правда?

– Совесть велит мне выставить вас из этой комнаты, и как можно быстрее. В конце концов, я ведь обещал защищать вас. Но любопытство и желание призывают к обратному.

– Тогда защитите меня сегодня ночью. Защитите от одиночества и отчаяния. От бесконечных вопросов, которыми я терзаю себя, и от холода.

– Беатрис...

– Не могу объяснить, что я чувствую, потому что никогда не испытывала этого прежде. Не могу описать незнакомые ощущения, волнами пронесшиеся по телу и сменяющие друг друга. Их так трудно передать. Может быть, для этого нужны стихи. Или симфония. Возможно, музыка способна выразить чувства, для которых я не нахожу слов.

– Черт возьми, Беатрис!

– Скажите, что делать, чтобы не чувствовать этого? Я поступлю так, как вы скажете, и больше не побеспокою вас. Может, мне нужно что-то выпить? Или съесть? Или сон избавит меня от этого наваждения?

– Ласкайте себя.

– Что? – Беатрис потрясенно уставилась на Девлена.

– Ласкайте себя и думайте обо мне. Положите себе руку на грудь и представьте, что это я касаюсь вас. Сожмите пальцами сосок и вообразите, что это мои губы сжимают его. Пусть ваши руки блуждают по телу, пока вы не убедите себя, что это мои руки.

– А если я и после этого не перестану желать вас?

Девлен стремительно прошел мимо Беатрис, распахнул дверь и вышел из комнаты.

«Что же делать? Ждать? Или вернуться к себе?» Решившись прийти к Девлену, Беатрис не собиралась уходить. Она подошла к кровати, сняла капот, затем поднялась по ступенькам и скользнула под одеяло. Прикосновение холодных простыней заставило ее вздрогнуть.

«Ничего, Девлен согреет меня».

Почему она здесь? Потому что ей одиноко? Потому что Девлену удалось разжечь ее любопытство?

Ее тело способно испытывать великое множество самых удивительных ощущений. Как приятно проснуться рано утром и потянуться, лежа в постели. Какое блаженство подставлять руки теплым солнечным лучам или бродить босиком по весенней траве. Беатрис могла бы закрыть

глаза и представить себе летний ветерок, овевающий щеку, прикосновение ткани легкого платья к коже...

О чем она будет вспоминать завтра утром? В холодной комнате Девлена царил тишина. Ее нарушали лишь яростные порывы ветра за окном и треск огня в очаге. Ноги Беатрис согрелись. Она глубже зарылась в одеяло, разглядывая потолок. Нужно ли бояться того, что вскоре случится?

Дверь отворилась. Девлен тихо закрыл за собой дверь, встал, привалившись спиной к косяку, и смерил мрачным взглядом свою гостью.

- У вас есть время, чтобы убраться отсюда, Беатрис Синклер, - проговорил он. - Но предупреждаю: если не уйдете к тому моменту, как я лягу в постель, вам уже не удастся сбежать.

- А разве похоже, что я собираюсь сбежать? - Беатрис приподнялась на локте.

- Вам следует бежать. Неужели вы не боитесь? Вы ведь знаете, что мне нечего вам предложить.

- Знаю.

В комнате повисла тишина.

- Куда вы ходили?

- Я заплатил горничной, чтобы она сидела всю ночь перед дверью в комнату Роберта. Она сообщит мне, если мальчик проснется.

- Вы лучше защищаете Роберта, чем я.

Девлен не ответил. Он подошел к кровати, сбросил на пол одеяло и протянул руки к Беатрис. Сгорая от любопытства, она присела на постели, а затем встала на колени. Несколько быстрыми движениями Девлен снял с нее ночную сорочку.

- Наверное, у вас есть некоторый опыт в подобных делах, - выдохнула она, изумленная скоростью, с которой Девлен освободил ее от одежды.

- Сейчас не время обсуждать мой опыт.

- Тогда вспомните об этом, когда вам захочется заговорить об отсутствии опыта у меня.

- Но ведь вы девственница, а это особые создания.

- Вы говорите обо мне так, что я чувствую себя единорогом. Надеюсь, вы не считаете меня такой же редкой диковиной?

- В моей постели - пожалуй.

Беатрис вспыхнула от удовольствия и тут же упрекнула себя за глупость. Радоваться нечему. Девлен не собирался говорить ей комплименты.

- Значит, я у вас первая девственница?

- Вижу, вам это нравится. У вас на редкость довольный вид. И напрасно, - проворчал Девлен, садясь на край кровати.

- Почему бы и нет? Каждой женщине нравится думать, что она единственная в своем роде, что мужчина ценит ее за те или иные качества. По крайней мере, вы запомните меня, потому что я девственница.

Девлен покачал головой, и Беатрис не смогла удержаться от улыбки. Ей нравилось смущать Девлена Гордона.

- Вы совсем не думаете о будущем?

- Вы говорите о ребенке?

В комнате заметно похолодало. Морозная зимняя ночь прокрадывалась сквозь щели в окнах. Беатрис не удивилась бы, увидев на полу под окнами сугробы.

Девлен встал с кровати и подошел к своему дорожному сундуку, который трактирщик поставил у стены.

- Так далеко я не загадывал, - признался он. - По счастью, обычно я путешествую во всеоружии. - Он вернулся к кровати, сжимая что-то в руке. Вместо того чтобы показать загадочный предмет Беатрис, он спрятал его под подушку. - Это «les redingotes anglaises».

- Английские рединготы? [4]

- Совершенно верно. Они защитят вас, и ребенка не будет.

- Я сделала правильный выбор, - заметила Беатрис. - Если уж мне суждено потерять девственность, так пусть лучше меня лишит ее повеса, искушенный в любовных делах. Вы имеете обыкновение держать «рединготы» вместе со свечами и пистолетами?

- Вы, кажется, недовольны?

- Вовсе нет. Правда, нет. Хотя, пожалуй, да. Мне хочется, чтобы меня защитили. И лучше всего быть защищенной, но в то же время не знать, что тебя защищают.

- Вы хотите заниматься любовью с распутником, который одновременно еще и девственник.

- Звучит абсурдно, верно?

- Было бы лучше, если бы вы вернулись к себе в комнату. Тогда нам не пришлось бы обсуждать «английские рединготы» и то, как предохранить вас от детей.

- Да, - согласилась Беатрис. - Мне было бы лучше вернуться к себе. - Внезапно ее охватил холод, и она необычайно остро ощутила свою наготу.

Девлен внимательно разглядывал ее, и все это смущало Беатрис. Впервые за вечер она почувствовала себя беззащитной. Она совершила дерзкий поступок и очутилась в ловушке. Приход сюда казался ей теперь полнейшей глупостью.

Она подняла руку, пытаясь прикрыть грудь, но Девлен оказался проворнее и не позволил ей это сделать.

– Если сегодня вечером вы решили отвергнуть мое общество, то позвольте по крайней мере вдоволь налюбоваться вами. Это зрелище оживит мои грезы.

Как ему это удалось? Всего лишь несколько слов, и Беатрис уже не испытывала холода. По телу разлилось приятное тепло.

Она протянула руку, и Девлен сжал ее ладонь. Беатрис встала на колени, положила руки Девлену на плечи и нежно поцеловала его в щеку.

– Знаю, я сделала глупость, придя сюда, – шепнула она ему на ухо. – Но я так редко делаю глупости, Девлен.

– Вам хочется почувствовать вкус греха? – Она кивнула. – А если это помешает вам выйти замуж?

– У меня нет ни титула, ни состояния. Не думаю, что моя девственность будет иметь значение, если я вдруг решусь выйти замуж. Моему мужу придется принять меня такой, какая я есть, или отказаться от меня.

– Вы собираетесь пойти против правил, Беатрис? Бросить вызов обществу?

– Мне кажется, вы не раз проделывали то же самое, Девлен. Гордон.

– Мужчины – другое дело.

– Потому что женщина лишь «неможный сосуд», как утверждает Библия. Немного странно думать так о женщинах, вы несогласны?

– Не уверен, что хоть когда-нибудь думал о женщине как о «неможном сосуде», Беатрис.

– И все же думали, – возразила Беатрис, слегка отстраняясь. – А иначе зачем бы вы возили с собой «английские редингготы» в дорожном сундуке?

– Почему вы так упорно не желаете получить что-то взамен?

– Взамен?

– Взамен вашей девственности. Это ценный дар.

– Дар? Или, может, бремя?

– Вы не получите удовольствия, так и знайте.

Несколько долгих мгновений Беатрис изучала Девлена.

– Так вы плохой любовник, Девлен? Странно, я бы никогда не подумала.

Он не улыбнулся в ответ. На его лице мелькнула горькая гримаса. Возможно, он не желал, чтобы Беатрис продолжала задавать ему вопросы. Или молчаливо соглашался с выбором, который она сделала.

Беатрис села на постели, наблюдая за ним. Девлен не стал отворачиваться. Казалось, он не испытывал ни малейшего смущения. Он неторопливо стянул с себя галстук, и Беатрис причудилось, что она ощущает медленное скольжение ткани по коже. Потом его длинные

крупные пальцы принялись расстегивать жилет. С привычной небрежностью Девлен швырнул жилет на пол вслед за галстуком.

– Здесь нет вашего камердинера, Девлен, – весело предупредила его Беатрис.

– Возможно, мне удастся уговорить вас присматривать за мной.

– У меня уже есть один воспитанник. Я не спешу обзавестись вторым.

Глупо, но ей вдруг захотелось смеяться. Беатрис переполняла радость, хотя время для веселья она выбрала самое неподходящее. И все же она чувствовала себя до нелепости счастливой, глядя, как медленно раздевается Девлен. Он не сводил глаз с ее лица и, конечно же, заметил улыбку, которую ей так хотелось скрыть.

– Похоже, вам это нравится?

– Видеть, как вы раздеваетесь? Да, очень. Хотя, должна признаться, я никогда еще не видела обнаженного мужчину. Во всяком случае, живого, – поправилась она после секундной паузы.

Расстегивая брюки, Девлен на мгновение замер.

– Живого?

– Во время эпидемии нас всех привлекали к общественной службе. Мы помогали хоронить мертвых. У меня хорошо получалось шить саваны.

вернуться

4

Редингот – длинный облегающий сюртук особого покроя, первоначально предназначавшийся для верховой езды (игра слов).

– У вас появилась несносная привычка приводить меня в замешательство своими речами, Беатрис Синклер.

– Вам вовсе не обязательно произносить мою фамилию. Зовите меня просто Беатрис. Или моим вторым именем?

– Анжелика?

– Ну уж нет, это было бы чересчур. Ангел и дьявол, – улыбнулась Беатрис. – На самом деле все гораздо прозаичнее. Меня зовут Энн.

– Но я бы не решился утверждать, что в этом союзе вам отведена роль ангела. По-моему, вы самый настоящий дьявол.

– Правда? – Замечание Девлена привело Беатрис в восторг.

Он сел на край кровати, снял сапоги и чулки, а затем стянул брюки, обнажив свои ноги.

– Вот это да! – воскликнула Беатрис. Наступило долгое молчание, прерываемое только

завыванием ветра за окном. – Вы всегда были таким огромным?

Отрывистый смех Девлена заставил ее поднять глаза и посмотреть ему в лицо.

– Такого вопроса мне еще никогда не задавали, – признался он. – Не думаю, что я всегда был таким. Мальчиком был куда меньше.

– Так что... опыт делает эту часть тела большой? Чем чаще вы пользуетесь ею, тем она больше становится?

– И как вам приходят в голову такие вопросы?

– Это все мое любопытство. Я всегда им отличалась.

– Я нахожу довольно странным, когда меня расспрашивают о любовных похождениях. Меня это смущает.

– А может, у вас их и не было?

К изумлению Беатрис, Девлен прыгнул на край кровати.

– Достаточно, Беатрис Синклер. У вас чертовски длинный язык.

– Спасибо, – поблагодарила она и еще больше удивилась, когда Девлен улыбнулся в ответ.

– Господи, за что?

– За то, что не стали потчевать меня рассказами о своих любовных победах.

– Это было бы не слишком красиво с моей стороны, правда, Беатрис?

Он наклонился и поцеловал свою гостью в нос, чем окончательно обескуражил ее. Потом опустился перед ней на колени, и Беатрис тут же принялась с любопытством его разглядывать.

Наверное, ей следовало отвернуться. Но тогда зачем было приходить сюда? Ее изумленный взгляд екользнул по широким плечам Девлена с могучими буграми мышц, остановился на рельефной груди, напоминающей кованые латы римских воинов, опустился к узким бедрам и замер, найдя нечто куда более интересное.

– Похоже, зрелище вас заворожило?

– Мне еще не приходилось видеть обнаженного мужчину так близко.

– Живого мужчину. – Беатрис кивнула. – Надеюсь, увиденное вас не отталкивает.

– Вы очень красивы. Наверное, многие женщины говорили вам об этом?

– Учитывая обстоятельства, кажется, будет лучше, если мы не станем обсуждать других женщин.

– Значит, говорили. Ну конечно, – вздохнула Беатрис, вытягивая вперед руку. Немного помедлив, она коснулась кончиками пальцев бедра Девлена. Под ее взглядом его мужское естество поднялось и вытянулось, словно спящий змей.

«О Господи!»

Девлен взял ее руку и положил на то самое место, которого она не решалась коснуться.

– Вы такой теплый, – отважилась заметить Беатрис, когда снова обрела способность говорить. Ее голос звучал хрипло, как воронье карканье. – Почти горячий.

Кожа Девлена обжигала ей пальцы. Беатрис робко провела рукой по его бедру и услышала в ответ вздох. Молчаливый, с полужакрытыми глазами, Девлен походил на кота, которого хотелось приласкать. Теплого пушистого кота, гревшегося в лучах солнца на подоконнике. Тонкие черные волоски на его коже можно было принять за шерсть. И все же сходство Девлена с домашним животным существовало лишь в ее воображении. Этот мужчина ничем не напоминал ласкового котенка, хотя и терпеливо позволял себя трогать. Его мускулы были напряжены, а на лице застыло выражение вежливого внимания.

Но вот его ладонь скользнула по плечу Беатрис и обхватила ее грудь, словно желая измерить ее полноту, ощутить тяжесть. Внезапно Беатрис вновь остро почувствовала свою незащищенность. Под огромной ладонью Девлена ее грудь казалась маленькой и чересчур белой. Дерзкая и бесстрашная Беатрис Синклер вдруг испугалась. Ей захотелось попросить Девлена обращаться с ней бережно. Но даже обнаженная и трепещущая, она по-прежнему оставалась все той же необузданной и своенравной, любопытной Беатрис.

Девлен коснулся нежного кончика ее груди, и Беатрис закрыла глаза, захваченная новым ощущением. Сквозь плотно сжатые губы вырывались сдавленные звуки, тихие стоны, вздохи.

В следующий миг Беатрис уже лежала на спине, а Девлен возвышался над ней.

– Это ваш последний шанс ускользнуть, Беатрис Синклер, безрассудный единорог.

– Я бы предпочла, чтобы вы упрашивали меня остаться с тем жаром, с каким уговариваете уйти.

– Я просто хотел честно предупредить вас.

– Не думаю, что плотская любовь так уж ужасна, Девлен. Вряд ли тогда бы ее так превозносили, да и священники не стали бы грозить грешникам страшными муками. Разве только мужчины получают от этого удовольствие?

– Боюсь, что в первый раз бывает именно так.

– Тогда не лучше ли нам покончить как можно скорее с первым разом? Я не стану обвинять вас, даже если почувствую недомогание.

– Акт любви не слабительное, Беатрис.

– Но видимо, нечто похожее, раз вы так упорно предостерегаете меня против него.

Он наклонился и поцеловал ее. С предупреждениями было покончено. А если бы Девлен и попытался снова завести этот разговор, Беатрис не стала бы его слушать. Его горячие поцелуи опьяняли как опиум, увлекая ее в сладкое небытие, в неизведанные дали, где властвовали одни лишь чувства. Прикосновение его языка к ее губам, легкий вздох перед поцелуем, вкус губ Девлена – все это замечала лишь крохотная часть ее рассудка, настолько глубоко было упоение Беатрис. Тело ее пылало и плавилось в руках Девлена, это его пальцы, ладони, губы

делали ее мягкой как воск. Поразительное ощущение захватило ее целиком, горели даже кончики пальцев на ногах. Жесткие волоски на ногах Девлена щекотали их, вызывая приятное покалывание.

Беатрис извивалась как дикарка, исполняя страстный причудливый танец. Она выгибалась дугой и трепетала, наслаждаясь каждым прикосновением. Ее грудь под ладонями Девлена стала вдруг необыкновенно чувствительной. А когда его пальцы принялись ласкать соски, Беатрис поняла, что только сейчас открыла для себя свое тело и то блаженство, которое оно способно дарить.

Ласки Девлена стали смелее, его руки касались самых сокровенных мест, открывая Беатрис тайны ее плоти. Беатрис выгнула спину, пытаясь теснее прижаться к Девлену, усилить ощущение пьянящего восторга. Она обняла его за плечи, прижалась губами к его губам, но все же их объятие было недостаточно тесным. Ей хотелось большего. Тело охватила лихорадочная дрожь.

Пальцы Девлена двигались все стремительнее. Беатрис почувствовала, как ее подхватывает неистовый, яростный вихрь и уносит все выше и выше. Девлен шептал ей что-то на ухо, но слова не имели для нее смысла. Зачарованная волшебством его прикосновений, она утратила способность различать звуки.

Ей хотелось лишь одного: чтобы колдовство не кончалось. Она сжала пальцы Девлена, безмолвно умоляя его продолжать. Он что-то сказал ей в ответ, но Беатрис не разобрала слов, уловив лишь его веселый тон. Но в том, что происходило с ней, не было ничего забавного.

Пальцы Девлена скользнули в ее тело. Теперь в его шепоте слышался уже не смех, а мольба. Движения его пальцев казались настойчивыми и в то же время робкими, завораживающими. Внезапно все ее существо захватило ошеломляющее, восхитительное чувство. Это было похоже на взрыв, от которого на мгновение у Беатрис остановилось дыхание. Бесплотная, невесомая, она словно воспарила ввысь и замерла в воздухе, а потом с медленным вздохом плавно опустилась на землю, чувствуя, как по телу расплываются волны блаженства.

Девлен сунул руку под подушку, на миг отвернулся от Беатрис, а потом склонился над ней и искусным мягким движением вошел в ее плоть.

Мгновенно наслаждение, которое она испытывала, сменилось неприятным пугающим ощущением.

- Нет.

Девлен замер. Возвышаясь над ней, он смотрел на нее сверху вниз. Его руки вцепились в подушки по обеим сторонам от ее головы.

- Нет?

Она молча кивнула.

- Ради Бога, Беатрис, ты не можешь сейчас сказать «нет»!

- Я не вмещу вас, Девлен. Знаю, вы думаете, что сможете проникнуть в меня, но это невозможно. Мы не подходим друг другу.

Девлен вздохнул и склонился ниже, пока не коснулся лбом лба Беатрис.

- Позвольте мне напомнить вам, Беатрис, что я предупреждал вас. Я ведь говорил, что вам будет неприятно.

Беатрис снова покорно кивнула.

- Это и есть неприятная часть. Но я обещаю, что буду очень мягок и внимателен.

- Я все еще девственница?

- Только наполовину.

- Тогда, пожалуйста, продолжайте.

- Вы уверены?

Она кивнула в третий раз и увидела, как на лице Девлена тревога сменилась решимостью.

Он слегка отстранился и сделал выпад. Беатрис тут же захотелось крикнуть ему, что он вовсе не так мягок и внимателен, как обещал. Она почувствовала, как вспыхнула болью ее плоть, возмущенная непривычным вторжением. Девлен отстранился снова, и на этот раз Беатрис тихонько вскрикнула, но в следующий миг он всецело завладел ею. Теперь их слияние было полным.

Беатрис закрыла глаза и попыталась отстраниться от своих ощущений.

- Беатрис.

- Да?

- Вы плачете?

- Немного.

- Мне очень жаль, но я ведь говорил вам.

- Вам легче от того, что вы правы, Девлен?

- Не особенно.

- Вам, должно быть, очень приятно?

- Нет. Только не сейчас.

- Думаю, я уже не девственница, верно?

- Определенно нет.

- Что ж, дело сделано.

В следующий миг Беатрис поняла, что все еще чувствует в себе твердую, напряженную плоть Девлена. Видимо, что-то пошло не так. Не зная, как попросить его поскорее закончить начатое, она робко спросила.

- Девлен?

- Да, Беатрис.
- Вы чего-то ждете?
- Я жду, когда вы ко мне немного привыкнете.
- Боюсь, этого никогда не случится, Девлен. Вам больше не обязательно ждать.
- Меня еще никогда не просили удалиться с такой учтивостью, Беатрис.

Она не нашлась что ответить и потому промолчала.

- Вы довольно большой.
- А знаете, это комплимент. Спасибо.
- Я чувствую себя слишком маленькой по сравнению с вами.
- Так и должно быть, ведь вы девственница.

Беатрис напрягла внутренние мускулы, стараясь облегчить боль. Девлен посмотрел на нее и улыбнулся. - Интересное ощущение, Беатрис.

- А вы что-то чувствуете?
- Даже слишком много. Со временем вы тоже почувствуете.

Беатрис повторила свой маневр, и Девлен закрыл глаза.

- Беатрис.

Она еще раз напрягла мускулы, и Девлен приподнялся на руках, глядя на нее сверху вниз. Теперь ей уже не было так больно и неприятно, как прежде.

Он сделал выпад - один, другой, третий, и каждый раз Беатрис напрягала мускулы. Так прошло несколько минут. Болезненное ощущение постепенно ослабевало, но с Девленом творилось что-то странное.

Его лицо исказилось словно от боли. Глаза закрылись. Его движения становились все более яростными, и он уже не сдерживал себя. Беатрис пришлось закинуть руки за голову и упереться ладонями в спинку кровати - таким бурным был его натиск.

Внезапно Девлен вскрикнул. Тяжело дыша, он обрушился на постель. Его сердце так бешено колотилось, что Беатрис не в шутку испугалась за него.

Но уже в следующее мгновение он поднял голову. Его лицо пылало, глаза сверкали.

- Вы, наверное, ломаете себе голову, какого черта вы это сделали?
- Вы были правы. Это оказалось не слишком приятно. Хотя поначалу было совсем не плохо, но...
- И сейчас вы бы предпочли, чтобы этого всего не было?

Беатрис смущенно кивнула.

- Мне очень жаль, Беатрис. Я заставлю вас изменить свое мнение.

Беатрис поспешно покачала головой. Она больше не собиралась этим заниматься. Никогда. Девлен придвинулся ближе и крепко обнял ее. Но его объятия не могли приглушить саднящую боль и чувство разочарования.

Теперь оставалось лишь дожидаться рассвета, а тогда и бранить себя. Сейчас на это просто не было сил. Беатрис глубоко вздохнула и провалилась в сон.

Глава 23

Проснувшись на следующее утро, Беатрис обнаружила, что Девлен уже встал. Он подошел к окну, открыл створку, сгреб с карниза снег и слепил из него шар. Локтем захлопнув окно, он вернулся к кровати и сделал нечто ужасное - сунул Беатрис снежный шар между ног и прижал.

Она так и подскочила от неожиданности.

- Девлен! Что вы делаете?

- Лежите спокойно, - скомандовал он. - Попытайтесь выдержать как можно дольше. Снег поможет уменьшить отек.

Беатрис безвольно упала на подушки.

- Будет немного саднить, но тут уж ничего не поделаешь.

- Кажется, я совсем окоченела, - пожаловалась Беатрис. - Может, уже достаточно?

Он ненадолго отнял снег, но когда Беатрис решила, что с врачеванием уже покончено, снова приложил его.

- Для человека, который никогда не имел дела с девственницами, вы слишком хорошо знаете, как за ними ухаживать.

- Просто я кое-что знаю о единорогах, - улыбнулся Девлен.

Беатрис оставалось только уступить ему и лежать, доверившись его заботам. Она испытывала неловкость, но Девлен держался так просто и непринужденно, что Беатрис невольно прониклась к нему благодарностью.

Когда большая часть снега растаяла, Девлен собрал остатки в лохань и вытер Беатрис полотенцем. Как он и обещал, она чувствовала себя намного лучше.

- Мне нужно идти, - сказала Беатрис, посмотрев в окно.

Небо уже начинало светлеть.

Девлен кивнул, встал и шагнул к окну.

- Снег прекратился несколько часов назад. Мы можем отправляться сегодня.

Беатрис села на постели, аккуратно сложив полотенце, которое Девлен заботливо подложил

под нее. Оба молчали, немного смущенные, погруженные в свои мысли.

Беатрис хотелось поблагодарить Девлена за заботу и искренность. Ей хотелось объяснить, почему она пришла в его комнату и чего ожидала. Он помог ей справиться с одиночеством, удовлетворил ее любопытство, но теперь ее терзало великое множество вопросов.

Скажет ли он правду, если спросить?

Почему одним лишь мужчинам позволено испытывать наслаждение? Может, потому, что женщинам даровано счастье вынашивать ребенка? И так ли уж глупо с ее стороны стремиться пережить те же мгновения блаженства, которые довелось ощутить Девлену?

Она соскользнула с края кровати и торопливо надела ночную сорочку, а поверх нее капот. Девлен по-прежнему стоял у окна спиной к Беатрис. Обнаженный, невзирая на холод, он нисколько не заботился о том, что его могут увидеть со двора.

«Вот так зрелище представится глазам трактирщика или служанок», – подумала Беатрис.

– Я уйду, – сказала она, и только тогда Девлен обернулся. Он хмуро взглянул на Беатрис, и она невольно вздрогнула – таким мрачным было его лицо. Блеск в глазах Девлена потух, губы сжались в тонкую линию, словно никогда прежде не улыбались. Суровый и неприступный, он походил на холодную мраморную статую. Еще вчера, увидев его таким, Беатрис пришла бы в замешательство, испугалась бы или насторожилась. Но этой ночью их тела стали единым целым, и всего несколько минут назад Девлен нежно заботился о ней.

– Позвольте мне прежде выйти и отпустить служанку. Если вы не печетесь о своей репутации, то я по-прежнему дорожу своей.

Вернувшись, он даже не взглянул на Беатрис.

– Идите и разбудите Роберта. Скажите ему, что я хочу отправиться в путь как можно скорее.

Беатрис покорно кивнула.

– Мы перекусим в дороге. Я попрошу трактирщика приготовить нам корзину с едой.

Она снова кивнула, как послушная служанка.

Беатрис открыла дверь, бросила взгляд на Девлена, но он уже отвернулся к окну и наблюдал за ее отражением в стекле. Она плотнее запахнула капот на груди, словно хотела скрыть все те места на своем теле, которых касались руки Девлена, его колючий подбородок, его горячие губы, его язык. Ее кожа все еще горела от его поцелуев.

Беатрис молча вышла и закрыла за собой дверь. Слова горечи и сожаления так и остались невысказанными.

Солнце слепило, отражаясь от белых глянцевых сугробов. Беатрис прикрыла глаза рукой.

Пока они выходили с постоянного двора и усаживались в карету, Роберт недовольно ворчал, Что еще слишком рано, что он голоден, замерз и устал, но Беатрис делала вид, что не слышит его нытья.

– Что толку бесконечно жаловаться? Вам ведь не станет легче, если вы будете продолжать

брюзжать.

К ее удивлению, мальчик затих. Он откинулся на подушки, сложил руки на груди и хранил молчание до самого появления Девлена.

– Сколько нам еще добираться до Эдинбурга, Девлен?

Девлен закрыл за собой дверцу кареты и уселся рядом с Беатрис. Раньше он никогда этого не делал. Чтобы скрыть растерянность, девушка принялась расправлять юбки. Она проделала это дважды, прежде чем осознала, чем заняты ее руки.

– При хорошей погоде путь занял бы у нас всего несколько часов, Роберт. Но за ночь напало столько снега, что я даже не знаю, сможем ли мы продолжать путь. Если дорогу завалило намертво, нам придется вернуться назад.

– Но я хочу в Эдинбург.

Беатрис строго взглянула на него, рискуя вызвать новую вспышку герцогского гнева. Она не собиралась терпеть дерзкие выходки невоспитанного ребенка, даже если он и носит громкий титул.

Ид Роберт, надо отдать ему должное, хорошо умел угадывать настроение своей гувернантки. Поэтому он отвернулся, завалился на подушки и замолк.

Девлен коротко постучал в потолок, давая сигнал кучеру. Карета тронулась. За ночь лошади успели отдохнуть, и им не терпелось поскорее пуститься в дорогу.

Дважды путешественникам пришлось останавливаться из-за того, что дорога обледенела. Оба раза Девлен выходил из кареты и помогал кучеру разбрасывать по льду солому, которой снабдил их трактирщик как раз на такой случай. Огромный мешок с соломой был привязан к крыше кареты. В остальном же путешествие прошло спокойно, без происшествий. Солнце понемногу пригревало, снег таял. Теперь экипажу грозила опасность увязнуть в грязи.

За свою жизнь Беатрис выслушала немало восторженных рассказов об Эдинбурге. Ее отец всегда восхищался этим городом, а однажды ему даже удалось раздобыть достаточно денег, чтобы нанять карету и свозить туда дочь. Отец договорился со своим старым университетским другом. Они остановились в его маленьком скромном домике, в тесной душной каморке, но для отца Беатрис неудобства не имели ни малейшего значения. Он с гордостью показывал девочке все исторические места в городе и подробно рассказывал о них.

Когда карета въехала в город, Беатрис охватила невыносимая печаль. Как был бы счастлив ее отец, если бы ему довелось побывать здесь снова. Она оглядывалась вокруг и, казалось, слышала его удивленные восклицания. Город сильно изменился с тех пор, как она приезжала сюда пятнадцатилетней девочкой с широко раскрытыми глазами.

Беатрис знала, что Эдинбург разделен на две части – Старый и Новый город, но не Особенно удивилась, когда карета двинулась в сторону последнего. Кучер остановил лошадей напротив высоких чугунных ворот. Ждать пришлось недолго. Почти сразу же появились двое слуг и распахнули ворота.

Надежно скрытая за широкими складками юбок рука Девлена нашла руку девушки и ободряюще сжала, словно Беатрис была ребенком, боявшимся темноты.

Она повернула голову и взглянула на Девлена, но тот равнодушно смотрел в окно. Беатрис последовала его примеру, притворившись, что вид за окном интересует ее куда больше, чем ласковое прикосновение теплых пальцев Девлена, сплетенных с ее пальцами.

В городе снега было гораздо меньше, но на дороге и на деревьях все еще лежал искрящийся снежный покров. Карета свернула на широкую дорогу, усыпанную дробленным ракушечником. В следующий миг Беатрис увидела дом Девлена. Это был огромный особняк (никак не меньше Крэннок-Касла), окруженный со всех сторон великолепным парком.

Она не раз слышала о богатстве Девлена и знала, что он ведет крупные торговые дела, но до настоящего момента толком не представляла себе, кто он. И лишь разглядывая роскошный дом Гордона, она поняла, что снова неверно судила о нем.

– А чем вы занимаетесь?

Девлен повернулся и посмотрел на нее.

– Вам перечислить отрасли промышленности или назвать перечень предприятий, которыми я владею?

– А что короче?

– Отрасли, – усмехнулся он. – Список предприятий занимает две страницы в моих бухгалтерских книгах. Я занимаюсь перевозкой грузов, текстилем и торговлей, а еще строительством и мыловарением.

– Вы варите мыло?

– Мыловарение мы освоили совсем недавно. Должен признаться, это пока новое направление. Но мы активно экспериментируем. Пытаемся добавлять в мыло различные ароматы.

– Так вот почему от вас всегда так чудесно пахнет?

Улыбка Девлена погасла. Он бросил беспокойный взгляд на Роберта. Интересно, как бы он вел себя, если бы мальчика не было в карете? Но Беатрис не успела задуматься об этом, потому что Девлен продолжил свой рассказ:

– Я занимаюсь множеством вещей помимо этого. Например гвоздями, а еще хлопком. Сейчас мы как раз испытываем новые ткацкие станки. К тому же я совсем забыл упомянуть о своих кораблях и стекольных заводах. А сейчас я веду переговоры о покупке компании, которая изготавливает ружейный порох.

– Я и понятия не имела.

– Вы считали меня гедонистом?

Беатрис покачала головой. Она никогда не думала о Девлене как о промышленнике.

Фасад трехэтажного дома из красного кирпича украшали высокие окна с белыми рамами, по дюжине на каждом этаже. Два флигеля, словно распростертые крылья, тянулись вдоль изогнутой подъездной дорожки. Белая двойная дверь располагалась вровень с дорожкой. Ее единственным украшением служил массивный медный молоток. Дом Девлена ничем даже отдаленно не напоминал Крэннок-Касл.

Беатрис вышла из экипажа и остановилась, оглядывая особняк. Здесь могло бы поместиться тридцать таких домиков, как ее собственный. Девлен предложил ей руку. Опираясь на нее, она приняла невозмутимый вид, словно для нее было обычным делом заходить в такие великолепные дома, да еще рука об руку с владельцем.

Роберт бежал вприпрыжку впереди. Ему не терпелось поскорее войти в дом. Беатрис не стала его одергивать. Несколько часов неподвижного сидения в карете совсем измучили мальчика. Неудивительно, что ему захотелось подвигаться.

«Пусть лучше порезвится сейчас, – решила Беатрис, – чем потом, когда от него потребуется безукоризненное поведение».

Они шли молча. О событиях прошлой ночи не было сказано ни слова. Беатрис могла бы подумать, что все случившееся – лишь плод ее воображения, если бы не легкая саднящая боль, напоминавшая о том, что минувшую ночь она провела в объятиях мужчины. Сейчас Девлен походил на вежливого и приветливого дальнего знакомого. Он держался так, словно они никогда не вели доверительных бесед, не делили пищу и кров, а уж тем более ложе.

Что связывало их? Беатрис ничего не знала о его жизни. А он? Девлен вообразить бы себе не смог тот крошечный ад, через который ей пришлось пройти в последний год. Беатрис шла по посыпанной гравием дорожке, шла рука об руку с мужчиной, лишившим ее девственности. Беатрис шла и перебирала в памяти все свои разговоры с этим непостижимым человеком. С незнакомцем, которого она принимала за друга, пока не узнала, какая глубокая пропасть разделяет их.

Перед дверью появился слуга и сделал знак двум лакеям. Все они, словно марионетки, склонились перед Девленом, прежде чем открыть дверь. Роберт молча прошел вперед, Девлен и Беатрис последовали за ним.

Оказавшись в холле, Беатрис остановилась и огляделась. На мгновение у нее перехватило дыхание, но Роберт и Девлен держались невозмутимо, будто не заметили ее замешательства.

Над огромным холлом высотой в три этажа возвышался сверкающий стеклянный купол, сквозь который лились потоки света. Ярко блестел изразцовый пол, под самым куполом по кругу располагались алебастровые резные фигурки птиц всевозможных форм и размеров. Они выглядели как живые.

Черные и белые клетки пола сменяли друг друга в шахматном порядке. Чтобы сложить такой узор, даже на меньшем пространстве потребовалось бы великое множество изразцов, а холл в доме Девлена, казалось, простирался в бесконечность.

В глубине холла Беатрис увидела массивный круглый стол красного дерева, на котором стояла большая серебряная ваза с цветами.

– О, цветы! – выдохнула Беатрис, испытав немалое облегчение от того, что голос вернулся к ней. – На земле лежит снег, а у вас свежие цветы?

– За домом находятся оранжереи. Там круглый год цветут цветы.

– Ну конечно, – кивнула Беатрис, стараясь придать голосу светскую непринужденность. – Наверное, вы часто устраиваете здесь приемы? Балы и всякое такое?

– Иногда я принимаю гостей, – весело усмехнулся Девлен.

Беатрис почувствовала себя деревенской девушкой, никогда не выезжавшей за пределы Килбридден-Виллидж. Конечно, она посещала Эдинбург, видела его достопримечательности. Но разве могла она подумать, что увидит так близко одно из чудес этого города, что ей посчастливится жить в таком роскошном, величественном особняке? Жилище Девлена поразило Беатрис. Она и не представляла себе, что дом окажется таким великолепным.

– Здесь легко может поместиться целый оркестр, а вы этого даже не заметите, – восхищенно вздохнула она.

– Обычно оркестр играет на втором этаже. Там находится балльный зал.

Беатрис не успела больше ни о чем спросить. Из глубины холла навстречу им шла женщина. Вот она приблизилась, и изумление на ее лице сменилось приветливым выражением.

– Не ожидала увидеть вас снова так скоро, сэр.

– Крэннок-Касл оказал нам не слишком хороший прием, миссис Андерсон. Надеюсь, наше неожиданное вторжение не причинит вам неудобств.

– Ну что вы, сэр. Вы ведь знаете, комнаты для гостей всегда готовы к приезду ваших друзей.

Интересно, сколько же друзей у Девлена? И как часто они останавливаются у него в доме? Задавая себе подобные вопросы, она вконец растерялась – ведь ей нет никакого дела до жизни Девлена.

Миссис Андерсон метнула в ее сторону взгляд, но тут же отвернулась, одарив улыбкой Роберта.

– Ваша светлость... – Она весьма убедительно изобразила реверанс, принимая во внимание ее почтенный возраст. – Какая радость видеть вас снова.

– Спасибо, миссис Андерсон, – без всякой подсказки ответил Роберт. Однако последовавшие за этим слова не отличались вежливостью. – У вас нет того шоколадного печенья, что мне так понравилось в прошлый раз?

– Уверена, мы что-нибудь для вас найдем, ваша светлость. Желаете, чтобы печенье доставили вам в комнату?

Надо отдать ему должное, Роберт немедленно повернулся к гувернантке.

– Вы не против, мисс Синклер?

– Вам не помешает перекусить – ведь позавтракали вы довольно давно.

– Наверное, вы бы тоже не отказались от печенья, – улыбнулся Девлен и сделал знак миссис Андерсон.

Почтенная дама снова смерила взглядом Беатрис и тут же отвела глаза.

– Я сейчас же распоряжусь подать обед в малую столовую, сэр.

– Думаю, мы куда больше устали, чем проголодались, миссис Андерсон. Нам выпало беспокойное путешествие. Пока мы обойдемся печеньем, но давайте сегодня поужинаем пораньше.

- Конечно, сэр.

- Мисс Синклер – гувернантка Роберта. Она останется с нами.

- Мисс Синклер. – Миссис Андерсон чопорно кивнула Беатрис, и ее губы скривились в принужденной улыбке, такой же теплой, как ледяной ветер за окном. Эта вежливая гримаса предназначалась одному лишь Девлену, и обе женщины об этом знали. – Я покажу вам вашу комнату.

- В этом нет нужды, миссис Андерсон, – вмешался Девлен, излучая приветливость радушного хозяина. – Я сам покажу мисс Синклер ее спальню. Думаю, голубая комната ей понравится.

- Она довольно далеко от покоев его светлости, сэр.

Экономка и хозяин обменялись долгими взглядами.

- Совершенно верно, миссис Андерсон, – сказал, наконец Девлен. – Но мисс Синклер – гувернантка его светлости, а не няня. Голубая комната подойдет как нельзя лучше.

На этот раз экономка ответила ему улыбкой столь же унылой, как и та, что досталась Беатрис. Миссис Андерсон явно не одобряла выбор хозяина.

Щеки гувернантки запылали, но она не сказала ни слова, а молча последовала за Девленом и Робертом наверх по широкой лестнице. Старинная архитектура Крэннок-Касла поразила воображение Беатрис, но фамильное имение герцогов Брикинов не выдерживало никакого сравнения с этим величественным особняком в центре Эдинбурга.

- Сколько у вас слуг? – с неподдельным интересом спросила Беатрис, желая поддержать разговор.

- Семнадцать. Намного больше, чем в Крэнноке.

- Вы забыли про конюшню, Девлен. Мой кузен держит четырех конюхов и одного старшего, который отвечает за лошадей, мисс Синклер.

- Правда?

- Лошади заслуживают никак не меньше внимания, чем мебель или картины, за которыми так тщательно следят в этом доме, сметая с них пыль, – усмехнулся Девлен. – Надо будет непременно показать вам моих лошадей, мисс. Синклер.

- К сожалению, я полная невежда в том, что касается лошадей, – призналась Беатрис. – Мы никогда не держали их, и мне они всегда казались такими огромными.

- Что ж, мы постараемся восполнить этот пробел в вашем образовании, мисс Синклер. Да и Роберту будет полезно узнать немного больше о лошадях. Такой урок ему не помешает.

Они поднялись на второй этаж. Теперь Беатрис могла полюбоваться холлом, разглядывая стеклянный купол над головой. Казалось, изумительные резные птицы вот-вот расправят крылья и вспорхнут со стен.

- Что это за птица? – спросила Беатрис, показывая на одну из причудливых алебастровых фигур.

- Белый пеликан. Уроженец Северной Америки.

Девлен удивленно посмотрел на нее, и Беатрис вдруг поняла, что ведет себя несколько странно. Она не могла отделаться от ощущения, что совершенно неверно судила о Девлене Гордоне. Ее поразило не столько его богатство, сколько то воодушевление, с которым он говорил о своих делах. Когда он рассказывал о мыле, кораблях и стекольных заводах, чувствовалось, что эти вещи по-настоящему ему интересны.

Беатрис всегда восхищалась людьми увлеченными, знающими, чего они хотят, искренне преданными своему делу. Она родилась женщиной, а значит, должна была стремиться стать сначала женой, а потом матерью. Любые другие устремления не находили понимания в обществе, ведь они только мешали бы женщине выполнить свое главное предназначение. Но вокруг Беатрис никогда не увивались толпы поклонников. Она не обладала яркими дарованиями. Откровенно говоря, могла похвастать всего одним талантом – талантом выживать вопреки всему. Выдержав испытания минувшего года, полного бед и лишений, она по-прежнему продолжала бороться за жизнь.

Девлен шел по коридору впереди, а Беатрис следовала за ним. Похоже, экономка возмутилась не на шутку. Она так и кипела негодованием. Может, Беатрис стоило вмешаться?

Временами Девлен искоса поглядывал на свою спутницу, словно хотел измерить разделявшее их расстояние, а потом быстро переводил взгляд на Роберта. Эти загадочные взгляды смущали Беатрис.

Ей хотелось разобраться в своих чувствах, но надо было как следует все обдумать. За последние сутки успело произойти слишком многое: сначала мертвые птицы, затем поспешное бегство в Эдинбург, и самое главное – минувшая ночь.

Какую же глупость она совершила! Разве можно быть такой идиоткой! Но повторись все снова, она поступила бы точно так же. Акт любви сопровождается болью. Его уж слишком переоценивают! Он того не заслуживает. Но она отважилась совершить его, и лучше сожалеть о содеянном, чем вечно терзаться мыслями о том, на что так и не решилась.

Теперь она уже не та Беатрис Синклер, не какая-нибудь деревенская девушка из Килбридден-Виллидж, а гувернантка герцога Брикина и женщина, подарившая свою девственность выдающемуся промышленнику и коммерсанту Девлену Гордону.

Наступит время, и Беатрис вернется в свою деревню, но она уже никогда не будет прежней серой мышкой, ничем не примечательной и незаметной. Теперь люди станут обращать на нее внимание, ну хотя бы из-за выражения ее глаз, в которых будет явственно читаться тоска по прошлому.

Трудно сказать, когда это произойдет. Сколько пройдет недель, месяцев или дней, прежде чем Девлен отошлет ее из Эдинбурга? Когда Роберт отправится в школу? Или когда Камерон Гордон так разгневается из-за внезапного отъезда племянника, что уволит дерзкую гувернантку...

Беатрис не знала, сколько времени ей отведено, не умела предсказывать человеческие мысли и поступки. Ей оставалось лишь радоваться каждому прожитому дню и наслаждаться им в полной мере. Если судьба забросила ее на пир, то глупо уйти, так и не утолив голод.

По крайней мере, несколько дней у нее есть, чтобы прожить в этом прекрасном доме, в самом сердце чудесного города, рядом с таким красивым и обворожительным мужчиной, как Девлен

Гордон.

Девлен остановился перед дверью в спальню, пропустив кузена вперед. Роберт не терял времени даром. Он поспешил открыть дверь и с интересом принялся изучать свое новое обиталище.

- Вы здесь ничего не изменили, - отметил он.

- А зачем? - откликнулся Девлен. - Это ведь ваша комната.

Роберт кивнул и направился от гардероба к сундуку, открывая дверцы, выдвигая ящики и внимательно осматривая содержимое, словно желал убедиться, что ничего не пропало.

- Ваша комната в соседнем крыле, - добавил Девлен, обращаясь к Беатрис. - Советую взглянуть и вам, Роберт. На тот случай, если вам понадобится гувернантка.

- Занятий больше не будет, да, мисс Синклер? - спросил Роберт, когда они вышли в коридор. - У нас ведь теперь каникулы? Это из-за птиц?

Она посмотрела на Девлена и смущенно отвела глаза, встретив его взгляд.

- Мы найдем здесь себе комнату для занятий. Вам не следует пропускать уроки.

Лицо Роберта недовольно вытянулось, губы сжались в хорошо знакомую упрямую линию, но, взглянув на Девлена, юный герцог решил отложить свой протест до другого раза.

Девлен повернул ручку и распахнул дверь перед мисс Синклер. Никогда в жизни Беатрис не видела ничего подобного. В этой роскошной спальне властвовал голубой цвет. Голубыми были и шторы на высоких окнах, и полог над кроватью с четырьмя столбиками. Кровать показалась Беатрис огромной. По меньшей мере, вдвое шире, чем ее ложе в Крэннок-Карле. В центре богато расшитого покрывала - тоже голубого - сверкал золотой медальон, а медальон цвета слоновой кости украшал потолок. Прямо под ним на полу лежал восхитительный ковер с узором из голубых и золотых цветов. Тщательно продуманная меблировка была превосходна, а изысканность сочеталась с удобством. У одной стены стоял туалетный столик с изящно изогнутыми ножками. Драпировки из голубого дамаста в тон пологу спадали пышными складками по обеим сторонам зеркала. За складной ширмой в углу скрывался столик для умывания, а у окна помещался небольшой секретер с откинутой крышкой. Чья-то заботливая рука уже приготовила перо, чернильницу и писчую бумагу.

- Если вам что-то понадобится, мисс Синклер, стоит только вызвать горничную. - Девлен подошел к камину и показал Беатрис шнур звонка.

- Спасибо, - поблагодарила она. - Комната великолепна.

- Как и вы.

Беатрис растерянно посмотрела на Девлена. Она не нашла, что ответить и предпочла промолчать.

- Девлен, - наконец предупреждающе прошептала она.

Он лишь улыбнулся в ответ и повернулся к Роберту. Тот стоял у французского окна и с интересом разглядывал балкон.

- Моя спальня напротив, через коридор.

Похожее расположение комнат было и на постоялом дворе. Может быть, Девлен думает, что она придет к нему нынче ночью?

- Неудивительно, что миссис Андерсон так распалилась.

- Миссис Андерсон служит у меня и получает жалованье, только и всего.

- Как и я.

- Не совсем. Ведь это не я плачу вам жалованье, а мой отец. Так что формально вы не у меня на службе.

- Однако вы умеете повернуть дело себе на пользу и всему находите удобное объяснение, Девлен.

- Я долго этому учился.

Беатрис тоже пыталась этому научиться, но не слишком успешно. У нее неплохо получалось анализировать, она говорила на трех языках, много размышляла о прошлом, но совсем не умела ловчить, и приукрашивать правду.

Когда Девлен покинул наконец комнату, а Роберт как привязанный последовал за ним по пятам, Беатрис облегченно вздохнула. Все время в присутствии Девлена она, сама того не замечая, стояла затаив дыхание.

«Господи, что же я натворила!» Отец всегда говорил: «Одно дело – совершить ошибку, и совсем другое – отказаться это признать».

«Люди – странные и удивительные создания, моя дорогая. Хочешь не хочешь, но мы идем по жизни, совершая одну ошибку за другой. И только в самом конце пути оглядываемся и видим, где нужно было повернуть в сторону».

Беатрис не сомневалась: пришло время свернуть с дороги. Нужно попросить себе комнату в том крыле, где живут слуги, а не позволять, чтобы с ней обращались как с дорогой гостьей. Безумие – занимать комнату напротив покоев Девлена.

При мысли о поджатых губах и колючем, неодобрительном взгляде миссис Андерсон щеки Беатрис запылали. Экономка скорее всего догадалась, что произошло между хозяином и гувернанткой минувшей ночью, как будто сама стояла иод дверью тесной комнатки Девлена на постоялом дворе.

Да и любой догадался бы. Достаточно было увидеть, как они обмениваются взглядами. Даже Роберт с любопытством переводил взгляд с кузена на гувернантку – словно почувствовал в их отношениях что-то необычное, скрытое от посторонних глаз.

«Ладно, я совершила глупость. Но если впредь вести себя осторожно, то и волноваться будет не о чем».

Правда, ее репутация слегка подпорчена, но об этом известно только ей и Девлену. В деревне никто ничего не узнает, да и в Крэннок-Касле – тоже. Беатрис может запросто явиться туда, сделав вид, что она по-прежнему чиста, незапятнанна и девственна.

Откровенно говоря, Беатрис решительно не понимала, к чему поднимать столько шума из-за того, что происходит в постели между мужчиной и женщиной. Возможно, мужчинам любовная игра и доставляет удовольствие, но женщинам остается лишь стиснуть зубы и молить, чтобы эта пытка поскорее закончилась.

Безопасность Роберта волновала Беатрис куда больше, чем ее доброе имя. Кто-то пытался убить мальчика. Тайна эта так и осталась нераскрытой, а будущее Роберта, как и ее собственное, представлялось туманным и неопределенным. Пока о возвращении в Крэннок нечего было и думать.

День еще только начинал клониться к вечеру, а Беатрис уже почувствовала усталость. Ночью она почти не спала, то и дело просыпалась и смотрела на спящего Девлена.

Вот бы сейчас немного вздремнуть. Но не будет ли это невежливо или даже вызывающе?

Беатрис получила ответ на свой вопрос несколько минут спустя, когда в дверь ее комнаты постучались. В первое мгновение она решила, что это Девлен пришел поговорить с ней, а может даже и поцеловать. Недаром она ловила на себе его страстные взгляды. Вероятно, Девлен хотел повторить то, что произошло между ними прошлой ночью.

Как же сказать ему «нет»?

Но, к облегчению Беатрис, за дверью оказался не Девлен, а лакей, который принес ее саквояж. За его спиной стояла миссис Андерсон с подносом в руках.

- Мистер Гордон попросил меня принести вам еды, мисс. Он подумал, что вы, должно быть, устали и захотите отдохнуть.

Беатрис смущенно кивнула. В присутствии почтенной дамы она чувствовала себя скованно.

- Спасибо, - поблагодарила она, когда экономка поставила поднос на стол. - Все выглядит так аппетитно!

- Здесь немного овощей и суп. И еще пирог. Мистеру Гордону очень нравятся яблочные пироги, которые печет наша кухарка.

- Я очень признательна вам за заботу.

- Это моя обязанность - служить гостям мистера Гордона.

- А у него бывает много гостей?

- Не в моих правилах обсуждать мистера Гордона.

Когда экономка ушла, Беатрис села за стол и поела. Покончив с обедом, она сняла платье и корсет, положила одежду в шкаф и достала из саквояжа капот. Потом забралась на огромную широкую кровать, скользнула под одеяло и, блаженно вытянув ноги, подумала, что и в самом раю не могло быть ложа роскошнее.

Ей всегда твердили, что богатство не приносит счастья, но сейчас, зарывшись лицом в пуховую подушку, Беатрис вдруг засомневалась, так ли это. Наверное, счастье действительно невозможно купить за деньги, но в богатстве есть своя прелесть - оно позволяет сделать жизнь куда приятнее.

Девлен мог бы заняться сотней самых разных дел. По меньшей мере, десяток из них требовали самого срочного вмешательства. В конторе его наверняка дожидались люди. Ему надо было принять не одно важное решение. Следовало побывать на верфи, к тому же в пакгауз уже, вероятно, успели сгрузить новые станки, которые Девлен собирался переправить на текстильную фабрику.

Но вместо этого он сидел в голубой комнате и смотрел на спящую Беатрис.

А тайна Крэннок-Касла? Девлен мог бы расспросить Роберта о случае с отравленными птицами и о выстрелах в лесу, но его разум противился этому. Угадать причину и так было нетрудно. Отец Девлена всегда хотел стать герцогом, но вряд ли бы он решился пойти на убийство ребенка.

Девлен намерен был тщательно охранять Роберта, пока не выяснит, кто стоит за всеми этими покушениями. Кто стрелял в него? Кто пытался его отравить? И снова Девлен подумал об отце.

Завтра он побеседует со своим поверенным, и они вместе составят послание к отцу. Сгодится все, что угодно, лишь бы держать Камерона подальше от Роберта. Необходимо убедиться, что мальчик в безопасности. Роберту не место в Крэннок-Касле. Пусть юный герцог поживет в Эдинбурге с кузеном. Во всяком случае, в доме Девлена ему ничто не угрожает.

В холостяцкой жизни легко нашлось бы место для ребенка. Девлену давно наскучили бесконечные приемы и рауты, он начал уставать от светских развлечений, и перспектива осесть дома все больше привлекала его.

А может, появление Беатрис Синклер превратило его в домоседа? Эту мысль следовало внимательно обдумать. Девлен не лгал Беатрис. Он действительно считал, что с девственницами слишком много хлопот. Что уж тут говорить о мисс Синклер с ее прямоотой, не раз заставлявшей Девлена испытывать уколы совести.

Девлен всегда старался избегать того, что могло бы войти в привычку. Любая зависимость отвращала его. Он никогда не увлекался опиумом или спиртным, но, занявшись разведением чистокровных лошадей, он и не думал, что эта страсть может превратиться в порок. И все же Девлен приохотился к игре на скачках. Он чувствовал себя избранным, отмеченным Богом счастливецом, баловнем судьбы. Выигрыш приносил ему острое, ни с чем не сравнимое наслаждение. Он принимал его как знак благословения Господня. Удача в игре, словно изливающийся с небес божественный свет, была призвана показать всему миру, что он единственный, кто удостоился благодати Творца.

Девлен потерял едва ли не все состояние, прежде чем понял, что был всего лишь жалким глупцом.

«Неужели Беатрис Синклер так же опасна?»

Эта женщина уже успела внести сумятицу и неразбериху в его жизнь. Ему хотелось видеть ее улыбку, слышать ее смех. Ночь, проведенная с ней, оставила незабываемый след в его душе. В эту ночь Беатрис отдала ему свою девственность. Боязнь причинить ей боль мешалась с желанием овладеть ею. И наслаждение, которое он все-таки испытал, оказалось окрашено чувством сожаления и раскаяния. Утром Беатрис тщательно избегала его, а Девлену хотелось обнять ее, прижать к себе, нежно поцеловать и заверить, что в следующий раз все будет совсем иначе. Но неприятный опыт явно отбил у Беатрис всякую охоту совершенствоваться в искусстве любви.

Не за тем ли он пришел сюда, чтобы попробовать ее разуверить?

Может, он больше печется о своей репутации безупречного любовника? Беатрис не должна оставаться в заблуждении, что ночь любви несет одну лишь боль. Тем более ночь, проведенная в его объятиях. Так вот в чем дело! Ему просто невыносима мысль о том, что у Беатрис сложилось отнюдь не лестное мнение о нем как о любовнике.

Девлен улыбнулся, сидя в темноте. Смешно пытаться обмануть себя.

Настоящий слепец тот, кто не желает видеть. Кто это сказал? Интересно, сидел ли он когда-нибудь в темной спальне, глядя на ту, что смущает ум, вселяет робость и заставляет сгорать от желания. Эта женщина имеет над ним какую-то странную власть. С момента их первой встречи он словно очарован ею.

У Девлена было множество знакомых, но очень мало друзей. Он не привык к откровенности и открытости. Главное место в его жизни все-таки занимала работа, а накладываемые дружбой обязательства порой приводили его в раздражение. Ему не хотелось приближать к себе знакомых, искавших его дружбы, не хотелось тратить на них свое время, выслушивать их бесконечные воспоминания, размышления или рассказы о пережитых страданиях. Человеческая жизнь так коротка, а время летит так стремительно, что Девлен предпочитал тратить его продуктивно.

И вот впервые в жизни он вдруг ощутил, что ему недостает дружеского участия. Возникло непривычное щемящее чувство, которое больно задело его. Может, и этим приступам одиночества он обязан Беатрис Синклер?

«Эта женщина – настоящая заноза!»

Девлен раздраженно поморщился, сидя в темноте.

И все же в его жизни она заняла особое место. Пожалуй, он мог бы назвать ее другом. Да-да, другом. Девлен внимательно прислушивался к ее словам, когда она делилась с ним своими мыслями. Он интересовался ее мнением по самым разным вопросам. Беатрис Синклер обладала незаурядным умом и не раз поражала Девлена оригинальностью суждений.

Ну конечно, Беатрис ему друг! Просто он вдруг открыл в себе способность испытывать дружеские чувства. Только и всего.

Вот и еще одна попытка обмануть себя. Но на этот раз Девлен даже не улыбнулся.

Глава 24

Когда Беатрис проснулась, уже стемнело. Шторы были задернуты. Некоторое время она лежала в темноте, силясь понять, где находится. Воспоминания минувшего дня понемногу всплывали у нее перед глазами... Она в Эдинбурге, в том самом городе, куда всегда стремилась вернуться. Ее родителей и друзей уже нет в живых, а в ее жизни произошли разительные перемены. Мужчина, который стал ее любовником, превратился в человека, на которого она теперь работает. И новый хозяин дал ей эту прелестную комнату.

«В обмен на мою девственность? Какая глупая мысль!»

Девлен ей ничего не должен, хотя в целом пережитый опыт разочаровал Беатрис. Она отнюдь

не рассматривала свое тело как предмет торговли, к тому же никогда не жалела о приобретенных знаниях.

Она медленно села на постели. Жаль, что тому, кто задернул шторы, не пришло в голову зажечь заодно свечи или лампу. Но пока Беатрис раздумывала, где могут находиться спички, она услышала легкое шуршание ткани, приглушенный звук шагов, словно кто-то ступал по ковру с цветочным узором. Беатрис окатило волной ледящего ужаса.

Девушка вцепилась в простыню и натянула ее до самого подбородка.

– Кто здесь?

– Простите меня, – извинился Девлен. Он чиркнул спичкой и зажег масляную лампу. Комната наполнилась мягким светом, а в том углу, где сидел Девлен, к потолку поднялась огромная вытянутая тень.

Девлен поднялся на ноги, и его тень, скользя по стене, уменьшилась до обычных размеров.

– Как давно вы здесь? Вы наблюдали за мной, пока я спала?

– Не так уж долго. Я хотел предложить вам прокатиться в экипаже на закате, но, боюсь, время уже упущено.

– Мне очень жаль. Я не собиралась спать так долго.

– Вы сильно устали. Мы оба почти не спали прошлой ночью.

– Да. – Беатрис втайне гордилась тем, что могла спокойно и невозмутимо говорить о вчерашней ночи, Девлен тоже держался непринужденно. Обычно люди склонны драматизировать все, что касается потери невинности, но Беатрис не могла бы представить себе Девлена, театрально заламывающего руки. Разве что ему понадобилось бы обольстить какую-нибудь наивную простушку. – А мы не могли бы отправиться на прогулку завтра вечером?

– Мы сделаем так, как вы пожелаете. – Он подошел к краю кровати, протянул руку и отвел непослушный локон с щеки Беатрис. Девушка и не подумала причесаться перед сном. «Теперь придется долго распутывать волосы», – с запоздалым раскаянием подумала она. Ей вовсе не хотелось, чтобы Девлен видел ее непричесанной.

Лампа едва освещала комнату, и фигуры Девлена и Беатрис напоминали две склонившиеся друг к другу тени.

– Ох, мне бы следовало позаботиться о Роберте.

– О нем можете не волноваться. Он надоедает кухарке, в очередной раз выпрашивая сладкое печенье. Думаю, он только рад, что вас нет поблизости.

– Я оказалась нерадивой гувернанткой.

– Любой мальчишка радуется возможности ускользнуть из-под опеки, даже такой приятной опеки, как ваша.

– Перестаньте, Девлен.

– Перестать?

- Вы расточаете мне слишком много комплиментов.
 - А вы не знаете, как вести себя со мной?
 - Так вы твердо намерены продолжать?
 - Выводить вас из равновесия? Возможно. Мне нравится видеть вас в замешательстве, мисс Синклер. Вы совершенно очаровательны, когда смущаетесь.
 - Но до вас мне далеко. Вы так обворожительны.
 - А вы довольно быстро учитесь, как я погляжу. Но, должен вас предупредить, я не так чувствителен к комплиментам, как вы. Я давно привык к похвалам. – Беатрис не нашлась что ответить. Похоже, в этом словесном поединке победа осталась за Девленом. – Кстати, вот мы и подошли к вопросу, который нам предстоит обсудить, – добавил он. Беатрис хорошо представляла себе, о каком вопросе идет речь, и ей совершенно не хотелось его обсуждать. – Я ведь говорил вам, что вы не получите удовольствия.
 - Да, говорили. И я признательна вам за то, что вы не солгали, Девлен.
- Отрывистый смех Девлена заставил Беатрис вздрогнуть.
- Не солгал? Да я обобрал вас, лишил невинности, только и всего.
 - Это вовсе не так. Вы не сделали ничего против моего желания.
 - Тогда скажите мне, раз уж мы так откровенны друг с другом. Вы решились бы на это, если бы знали наперед, как это будет в действительности?
- Беатрис задумалась.
- Наверное, нет, – произнесла она наконец после долгого молчания. – Я не хотела бы снова пережить подобное.
 - Что ж, по крайней мере, честно. Я начинаю думать, что искренность не такая уж и ценная добродетель.
- Беатрис соскользнула с дальнего края кровати.
- Кажется, вы раздосадованы.
 - Во все нет. – Девлен обогнул кровать и подошел к Беатрис. – Ну хорошо. Да, я раздосадован. Я ждал от вас совсем другого ответа. Я надеялся, что наша близость доставила вам хотя бы немного удовольствия. Тогда вы захотели бы повторить опыт, и я смог бы доказать вам, что то, о чем вы вспоминаете с сожалением, способно приносить наслаждение. Не стоит судить по первому впечатлению.
 - Наверное, для вас все иначе, Девлен. Я могла бы решиться на это только ради вас.
 - Я никогда не был эгоистичным любовником, Беатрис. Простите, но ваше замечание немного обидело меня.
 - К чему спорить о таких бессмысленных вещах? – Девлен растерянно замолчал. – Я вовсе не хотела обидеть вас, – поспешно добавила Беатрис, робко положив руку Девлену на плечо, и

тотчас почувствовала, как он вздрогнул всем телом. – Простите меня. – Девлен не ответил, и Беатрис шагнула ближе. – Вы сами говорили, что с девственницами слишком много мороки.

– Я пришел, чтобы показать вам кое-что, – сказал он. – Мое маленькое новшество.

– Мне действительно нужно позаботиться о Роберте.

Неожиданно Девлен протянул руку и нежно погладил Беатрис по щеке. Девушка смущенно отвернулась. Ее словно окатило горячей волной, сердце гулко забилося, и стало трудно дышать. Рассудком она понимала, что случится дальше, но тело, по-видимому, так и не усвоило урок.

– С Робертом ничего не случится, Беатрис. Когда ему надоест приставать к кухарке, он примется разглядывать новых оловянных солдатиков, которых я ему купил.

Она прижала ладонь к груди Девлена. Полотно его рубашки было удивительно мягким на ощупь. Только богатые люди носят такую одежду. Тонкие швы почти неразличимы, а ткань до того легкая, что похожа на шелк.

«Уходи. Оставь меня. Умоляю», – хотелось крикнуть Беатрис, но она так и не смогла произнести эти слова.

– Беатрис, – нежно шепнул Девлен.

Ресницы ее затрепетали, глазамедленно закрылись, голова склонилась ему на грудь. Девлен обнял Беатрис, и ее глупое тело не пожелало прислушаться к доводам рассудка, а ноги сами собой шагнули ему навстречу.

Ей хотелось, чтобы Девлен поцеловал ее. И когда она запрокинула голову, он прижался губами к ее губам. Радужный хозяин, готовый на все, лишь бы угодить своей гостье.

Ее губы раскрылись, язык робко коснулся языка. Руки Беатрис обвились плечи Девлена. Встав на цыпочки, она прильнула к нему всем телом, почти лишенной одежды.

Девлен обнял ее, приподнял, а затем медленно опустил, прижимая к себе. Сквозь одежду Беатрис ощутила его напряженную плоть. И вновь жаркая волна дрожи прошла по ее телу, и снова их губы слились в страстном поцелуе.

В следующий миг Беатрис уже пылала, охваченная желанием. Вся ее решимость держаться на расстоянии, все мысли и сомнения развеялись как дым. Если бы Девлен предложил ей сейчас вернуться в постель, она без размышлений упала бы на подушки. Слава богу, он этого не сделал.

Он медленно и неохотно отстранился, поцеловал ее, а затем прижался губами к ее щеке и хрипло зашептал, прерывисто дыша:

– Не сейчас, Беатрис, еще рано. У меня есть для вас сюрприз.

Беатрис с трудом разбирала его шепот. Ей не хотелось никаких сюрпризов. Не хотелось ужинать. Не хотелось быть сдержанной и благоразумной. Она хотела снова вдохнуть полной грудью, но мешало бешеное биение сердца. Больше всего ей хотелось бы усмирить нестерпимую жажду, сжигавшую ее изнутри. Ее тело томилось в ожидании, лихорадочно горело в предвкушении того, что должно было случиться. Разумом она понимала, чего хочет ее

плоть. Она жаждала прикосновений Девлена. Беатрис знала: его руки способны ласкать, гладить, дразнить, дарить наслаждение, но вместе с ласками неизбежно придет и боль. И эта боль страшила ее.

- Пойдемте со мной. - Его рука соскользнула с плеча Беатрис. Он нашел ее ладонь, их пальцы сплелись, и Девлен потянул девушку за собой к двери.

- Но я не одета, - запротестовала она.

- Вот и хорошо, - улыбнулся Девлен. - Вам и не нужно одеваться.

Он раскрыл дверь и внимательно оглядел коридор. Беатрис мысленно взмолилась, чтобы в холле не оказалось никого из горничных или лакеев. Убедившись, что коридор пуст, Девлен вывел Беатрис из комнаты, прикрыл дверь и повел девушку к себе в спальню. Беатрис неохотно шла за ним, не в силах сопротивляться его натиску.

Но похоже, Девлен вовсе не собирался соблазнять ее. Обойдя стоявшую на возвышении кровать, он повел Беатрис в глубину спальни, в смежную комнату. Отомкнув замок, он толчком распахнул дверь и пропустил Беатрис вперед.

Девушка замерла, изумленно разглядывая диковинную комнату.

Лишенные украшений каменные стены казались голыми. На полу ни единого ковра. Эта странная комната была бы холодной словно склеп, если бы одну из стен не занимал огромный камин, от пола до потолка. Над огнем булькал пузатый медный котел с кипящей водой. В центре комнаты помещался гигантский медный чан со множеством трубок, протянутых от чана к камину и вниз, к желобу в полу.

- Это ванна, - с гордостью пояснил Девлен. - Если вам нужна горячая вода, достаточно всего лишь повернуть кран. - Он указал на ручку, возвышавшуюся над краем чана. - Еще одна труба ведет к резервуару на крыше, откуда поступает холодная вода.

- Боже мой!

- Когда вы вдоволь нанежитесь в ванне, просто выдерните затычку на дне, и вода стечет по желобу в специально отведенное для нее место в саду.

Никогда в жизни Беатрис не видела ничего подобного! Когда она призналась в этом Девлену, тот вспыхнул от удовольствия словно мальчишка.

Потом он вынул из кармана ключ и вручил Беатрис.

- Это ключ от комнаты. Я подумал, что вам захочется принять ванну. В одиночестве. Чтобы никто не мешал.

Беатрис с наслаждением погрузилась бы сейчас в теплую поду и испробовала чудесную ванну Девлена. В ее доме тоже держали большой чан для купания, но чтобы его наполнить, приходилось слишком долго нагревать воду. Намного проще было просто облить себя водой из лохани.

Беатрис кивнула. Внимание Девлена тронуло ее. Как приятно, когда хозяин так богат, что может позволить себе держать в доме подобное чудо.

Но прежде чем она успела поблагодарить Девлена, он неслышно выскользнул из комнаты.

Беатрис повернула ключ в замке, сняла капот и повесила его на крючок рядом с дверью. Потом подошла к ванне и заглянула внутрь. В этом огромном чане, где свободно мог вытянуться Девлен, хватило бы места даже на двоих.

Пробка свободно вошла в отверстие на дне ванны. Беатрис осторожно взялась за рычаг, повернула его, и в ванну полилась ровная струя горячей воды. Добавив холодной, Беатрис сняла рубашку и встала на деревянную ступеньку рядом с ванной. Потом робко переступила через край сначала одной ногой, затем – другой и с блаженным вздохом погрузилась в горячую воду. Несколько минут она лежала в воде, чувствуя себя по-настоящему счастливой. Такой приятной расслабленности она не испытывала уже многие месяцы.

– Я так и думал, что вам понравится. – Беатрис открыла глаза и села, пытаясь прикрыть руками грудь. – Забыл предупредить, что у меня есть второй ключ, – заметил Девлен, входя в комнату и закрывая за собой дверь.

– Да, теперь я и сама это вижу.

– Вы сердитесь?

– Мне бы следовало рассердиться. Вы ведете себя слишком бесцеремонно.

– Не сердитесь. Я вам кое-что принес. – «Кое-что» оказалось подносом, на котором выстроилось около дюжины керамических баночек. На каждой из них красовалась наклейка с надписью. – Мое последнее новшество, – с гордостью сообщил Девлен, поставив поднос рядом с ванной.

Беатрис прочитала несколько надписей на ярлыках: «Сандаловое дерево», «Бергамот», «Лаванда».

– Это мыло?

Девлен кивнул.

– Не хотите попробовать?

«Да, но только оставшись одна», – хотела сказать Беатрис. Гораздо благоразумнее и приличнее было бы попросить Девлена уйти, но прежде чем она успела открыть рот, Девлен пододвинул табуретку к краю ванны, сел и взял в руки одну из баночек с подноса.

– Сандаловое дерево, – сказал он, положив руку на плечо Беатрис и мягко потянув ее назад, заставляя улечься на спину и откинуть голову на край ванны.

Беатрис не сомневалась: стоит ей сказать слово, и Девлен тотчас уйдет. Но она так и не заговорила, а продолжала лежать, устремив взгляд в потолок.

Зачерпнув мыла, Девлен принялся легкими движениями втирать его в плечи и шею Беатрис. Комнату окутал тонкий аромат сандала. Мешаясь с горячим паром, запах усиливался, обретал густоту и плотность.

– Очень экзотично, – выдохнула Беатрис, с удивлением замечая, что голос ее звучит ровно, почти спокойно.

Руки Девлена медленно и плавно скользили, не опускаясь ниже ее плеч и не поднимаясь выше

шей, но с каждым движением его пальцы ненадолго замирали, касаясь нежной кожи за ушами, и каждый раз Беатрис охватывала новая волна дрожи.

- Я представляю себе восточный базар и закутанных в чадру женщин.

- Вы и сами пользуетесь этим мылом, да?

- Иногда.

- Я помню его запах. Ваш запах, Девлен.

Он потянулся за другой баночкой, и у Беатрис вырвался вздох. Девлен пытался соблазнить ее.

Чудесные движения его рук дарили наслаждение. «Придется немного потерпеть. Несколько минут неудобства и боли. Что ж, я сосредоточусь на приятном, а остальное как-нибудь переживу».

Девлен зачерпнул мыло с густым цветочным ароматом. Он начал с плеч Беатрис, потом его пальцы скользнули вдоль ее рук, а сам он наклонился, коснувшись щекой ее щеки. Он дышал глубоко и ровно, чего нельзя было сказать о Беатрис.

Девлен обладал какой-то сатанинской властью над ней. В другое время девушка непременно рассердилась бы, но сейчас она могла думать только о прикосновениях Девлена.

Их пальцы переплелись. Беатрис откинулась на спину, запрокинула голову, закрыла глаза и замерла в предвкушении. Ее грудь возвышалась над водой, соски затвердели и заострились.

Девлен взял в руки еще одну баночку, зачерпнул мыла - на этот раз лавандовое, - и его ладони легли на грудь Беатрис. Аромат лаванды, плавное скольжение рук по коже и прикосновения пальцев к чувствительным кончикам груди заставили ее затрепетать. Беатрис тихо вздохнула.

Девлен нежно и мягко коснулся губами ее уха, словно желая успокоить, а пальцами продолжал ласкать ее грудь. Беатрис резко выгнула спину, так что вода едва не выплеснулась через край ванны. Но Девлен по-прежнему размеренными круговыми движениями втирал в ее кожу душистое мыло, а затем тщательно смывал его водой. Потом зачерпывал новую порцию, и все повторялось снова.

Беатрис облизнула губы и повернула голову к Девлену. Темные волоски, пробивавшиеся на его щеках и подбородке, вдруг показались ей необыкновенно соблазнительными. Она лизнула Девлена в щеку и поцеловала то место, которого только что коснулся ее язык.

Девлен издал тихий хриплый звук и нежно сжал обеими руками ее грудь. Беатрис словно пронзило молнией. На мгновение Девлен убрал руки, но лишь для того, чтобы снова зачерпнуть мыла из баночки. На этот раз Беатрис почувствовала свежий запах трав. Обычно так пахнет в саду после дождя. Девлен наклонился к ней и обнял ее, щекой прижимаясь к ее щеке.

- Поцелуй меня, - попросила она, закрывая глаза.

- Повернись.

Она осторожно повернулась и медленно открыла глаза. Губы Девлена были совсем близко, и желание Беатрис стало почти нестерпимым. Девлен слегка отстранился. Беатрис протянула

руку и дотронулась до его щеки.

– Целуй же скорее! – приказала она. Девлен сам пробудил в ней дерзость и бесстрашие, и теперь она не испытывала стыда.

Он наклонился к ней, и Беатрис впилась в его губы, раздвигая их языком, дразня Девлена, как он только что дразнил ее.

«Уже в следующий миг он захочет проникнуть в меня, но сначала ему придется заплатить сполна. Он должен доставить мне удовольствие, быть нежным и искушенным. Он это умеет».

Беатрис отстранилась и выразительно посмотрела на Девлена.

Погрузив руки глубоко в воду, он принялся ласкать ее плоть. Беатрис задыхалась. Еще немного, и она принялась бы умолять его не останавливаться, но неожиданно Девлен подхватил ее на руки и так резко поднялся, что ей пришлось уцепиться за него.

– Черт возьми, Беатрис!

Щеки Девлена пылали, в глазах застыло какое-то странное выражение. Беатрис не успела вытереться, но Девлен прижимал ее к себе так крепко, что полотенце не понадобилось. Рубашка и брюки его пропитались водой.

С девушкой на руках он толкнул дверь ванной комнаты, стремительно вошел в спальню и опустил Беатрис на постель. Случилось то, чего ей так хотелось избежать.

– Черт побери! – сердито выдохнул он, срывая с себя одежду.

В следующий миг Девлен, обнаженный и яростный, уже оседлал ее. И прежде чем она успела сказать хотя бы слово, глубоко вошел в ее плоть. Беатрис зажмурилась, ожидая, что боль окажется нестерпимой.

Глаза ее удивленно раскрылись, а из горла вырвался вздох.

– Я же говорил тебе, черт возьми. Я предупреждал, что не будет больно.

– Почему ты так злишься?

– Потому что в этот раз я должен был действовать медленно и неспешно, но ты заставила меня потерять самообладание. – Пусть Девлен слишком нетерпеливо набросился на нее, но в невнимании его нельзя было обвинить. – Все хорошо? – Беатрис кивнула. – Ты уверена?

Одно движение его могучего тела, и вся уверенность Беатрис улетучилась. Ее ощущения ничем не походили на те, что пришлось пережить минувшей ночью. Хотя Девлен по-прежнему казался ей чересчур огромным, их близость уже не вызвала боли. И даже не причиняла неудобства.

Беатрис раскинула руки на постели и слегка качнула бедрами навстречу Девлену. Ощущение показалось ей интересным. И не просто интересным – необыкновенным, пронзительным.

– По-моему, тебе начинает нравиться, – улыбнулся Девлен.

– Разве не этого ты хотел?

- Мы должны вести себя мягко, сдержанно. Ты ведь почти девственница.

- Единорог, - хихикнула Беатрис.

- Вот дьявол!

Улыбка Беатрис стала шире.

- Теперь всегда будет так?

- А что ты чувствуешь?

- Тяжесть, - задумчиво проговорила Беатрис. - Нет, гораздо приятнее. Что-то успокаивающее и волнующее одновременно. Мои слова кажутся тебе бессмыслицей?

- Хочешь, я расскажу тебе, что чувствую? - Беатрис кивнула и с любопытством уставилась на него. - Чертовски сильное желание. Оно жжет меня все сильнее и сильнее. И единственный способ утолить эту жажду - проникнуть в тебя. Моя плоть становится твердой до боли, а каждое твое движение или вздох делают ее еще тверже. Мне хочется погрузиться в твое тело так глубоко, чтобы ты навсегда запомнила это ощущение.

- О!

- Вот именно. О!

Девлен немного отстранился, и Беатрис хрипло застонала.

- У тебя очень красивая грудь.

Беатрис совершенно не хотелось разговаривать. Она снова притянула к себе голову Девлена и подставила губы для поцелуя.

- Не терпится? - улыбнулся Девлен.

- Поцелуй меня.

- Милая Беатрис, ты настоящий деспот.

Но Беатрис было решительно все равно, как называет ее Девлен. Она сжала бедра и вдруг услышала его ответный стон. Когда Девлен наклонился, чтобы снова ее поцеловать, на губах ее уже играла улыбка.

Пальцы Девлена скользнули по ее бедру, нашли лоно, и Беатрис захлестнула волна невероятного блаженства.

Если раньше слова «любовь», «любить» не вызывали отклика в ее душе, оставаясь всего лишь словами, то теперь они вдруг наполнились смыслом и яркими образами: улыбкой Девлена, выражением его глаз, движениями тела, да еще с таким яростным натиском и стремительными выпадами. Столкновение их тел, резкие толчки бедер, упругая кожа под ее пальцами - все это и было «любовью».

Девлен наклонил голову и шепнул на ухо Беатрис:

- Ты такая тугая там, внутри, такая горячая. - Каждое слово, каждое движение пальцев

Девлена отзывались новой волной блаженства. – Воспари для меня, Беатрис. Лети, – выдохнул Девлен. И Беатрис почувствовала, как тело становится невесомым и возносится ввысь, а по коже разливается жар, словно она коснулась солнца.

В следующий миг Девлен хрипло застонал, все его тело охватила дрожь, и Беатрис крепко прижалась к нему, обвив руками его шею.

– Что значит уехал?

– Я слышала, – призналась Мэри, – что они вчера покинули замок. Оба. Мистер Девлен и гувернантка. И мальчик с ними, конечно.

– Какой несносный ребенок. От него вечно одни неприятности. Мальчишка не стоит и десятой доли тех забот, которыми его окружают.

– Мистер Гордон в ярости, мадам. Он рвет и мечет, хватает все, что попадает под руку, и швыряет об стену. Грозится пуститься за ними в погоню.

– Правда?

Мэри поднесла Ровене чашку с чаем и засуетилась, поправляя подушки и разглаживая салфетку на коленях у хозяйки.

Иногда верная камеристка начинала хлопотать, как заботливая пчела и становилась такой же надоедливой.

– Уймись, Мэри, – осадил ее Ровена. – Служанка повиновалась. – Так Камерон собирается отправиться за ними следом?

Ровена не разговаривала с мужем с того ужасного дня, когда он прогнал ее из своей комнаты. Да она и не желала говорить с ним. Гордость – единственное, что у нее еще оставалось.

– Он мне не докладывал, мадам.

– Гастон, наверное, знает.

– Гастон даже если и знает, никогда не скажет, мадам.

– Это верно. Не перестаю удивляться, как Камерону удастся внушать подобную преданность. – Мэри обиженно отвернулась. – Я же не говорю, что ты недостаточно предана мне, Мэри, но на фанатичное преклонение ты не способна.

– Не понимаю, о чем это вы, мадам.

– Не важно, – вздохнула Ровена и зябко потерла руки. – От окна тянет холодом.

Мэри поспешно задернула шторы, погрузив комнату в полумрак. Потом зажгла свечу, и спальню Ровены озарил тусклый свет.

– В замке так холодно, мадам, – пожаловалась служанка.

Ровена не ответила, она была погружена в свои мысли. Следовало возвращаться в Лондон. По крайней мере, там она сможет притворяться, что живет самой обыкновенной жизнью. Если

Камерон не желает разговаривать с ней, в Лондоне легко найти себе иное развлечение – пойти, например, в театр или в гости. Если муж гонит ее из своей спальни, возможно, стоит утешиться в объятиях другого мужчины.

«Какая глупость! Разве кто-нибудь может сравниться с Камероном?»

– Я ненавижу этого ребенка.

Мэри в ужасе всплеснула руками.

– Мадам, вы плачете.

Ровена вытерла рукой глаза.

– В самом деле? Как странно. – Миссис Гордон встала, повернулась к туалетному столику, и Мэри, как всегда, тут же принялась суесться вокруг нее. – Пожалуй, я бы хотела сегодня надеть зеленое платье, Мэри.

Ровена купила это платье в Лондоне, надеясь понравиться Камерону, но еще ни разу его не надевала. К платью требовался особый корсет. Оно облегало тело как вторая кожа. Ровена горько усмехнулась, глядя на себя в зеркало, довольная, что неплохо выглядит в роли хозяйки замка. Ей предстояло играть эту роль, пока Роберт не вырастет и не женится.

«Проклятый мальчишка!»

Она не хотела ничего слышать о Роберте, не хотела заботиться о нем и даже вспоминать без особой необходимости. Каждый раз при виде этого ребенка она думала об ужасной трагедии, обрекшей Камерона на неподвижность.

Ровена уронила голову на руки и принялась шептать слова молитвы, надеясь вымолить у Господа прощение. Она слишком хорошо знала, что Камерон никогда ее не простит.

Глава 25

– Девлен! – В дверь дважды постучали, и послышался новый громкий крик Роберта. – Девлен!

Девлен и Беатрис посмотрели друг на друга.

– Силы небесные! – Беатрис села, забыв о своей наготе. Взгляд Девлена скользнул по ее обнаженной груди, и девушка легонько шлепнула его по руке, прежде чем натянуть на себя простыню.

– Иди в ванную комнату, а я постараюсь поскорее избавиться от него.

– Я знаю Роберта. От него не так-то легко избавиться.

– Я отведу его вниз, в столовую, а ты сможешь вернуться к себе в комнату. Когда оденешься, вызови служанку, и она покажет тебе дорогу.

Но Беатрис совершенно не хотелось сидеть за столом напротив Девлена. Нет. Только не сейчас. Это просто невозможно.

– А нельзя ли мне позавтракать у себя в комнате?

- Нет.

Беатрис удивленно подняла брови.

- Нет?

- Я хочу, чтобы ты сидела за столом вместе с нами. - Девлен встал и подошел к столику для умывания, нисколько не смущаясь своей наготы. - Мне очень приятно находиться в твоём обществе, Беатрис. - Он остановился и обернулся. - Перестань смотреть на меня так.

- Ты очень привлекателен. Мне нравится смотреть на тебя.

- Девлен! Откройте дверь!

Беатрис стянула с кровати простыню, проворно завернулась в нее, спряталась в ванной комнате и закрыла за собой дверь.

Девлен сказал что-то в ответ на крики Роберта. По-видимому, мальчик успокоился, потому что вопли прекратились. Беатрис прислонилась спиной к двери и оглядела царивший в комнате беспорядок. Смятые полотенца валялись на полу, коробка с образцами мыла стояла криво. На полу остались лужи. Мокрая дорожка вела к двери, а посередине возвышалась наполненная водой ванна.

Как ни странно, Беатрис вдруг разобрал смех.

Полчаса спустя, одетая и причесанная, она уже спускалась по лестнице, думая только о Девлене. У подножия лестницы ее дожидалась горничная. Лишенное всякого выражения лицо служанки поначалу показалось Беатрис едва ли не мрачным.

«Неужели миссис Андерсон сумела так вышколить прислугу, что даже лица у всех домочадцев выглядят одинаково, как-то вежливо-безразлично?»

Горничная отвела ее в гостиную, до того красивую, что в любое другое время Беатрис непременно задержалась бы в дверях, чтобы полюбоваться бледно-желтыми стенами и великолепными картинами на них, но при виде Камерона Гордона Беатрис забыла обо всем.

Похоже, отец Девлена не мешкая отправился вслед за беглецами.

- Прекрасно выглядите, мисс Синклер, - проговорил он.

Роберт сидел рядом на кушетке. Он казался маленьким, бледным и испуганным.

«Как он смеет пугать ребенка?!»

Девлен стоял позади отца, но при появлении Беатрис вышел вперед и встал рядом с ней.

- Ты не говорил мне о своих планах провести пару дней в городе, Девлен. Возможно, я бы и не возражал, если бы знал заранее.

- Предупреждать не имело смысла, поскольку именно из-за вас, отец, нам пришлось покинуть замок.

Камерон вопросительно поднял бровь и внимательно оглядел сына.

- Ты собираешься объясниться, или мне следует воспользоваться своим даром прорицателя?

Девлен обнял Беатрис за талию, словно желая поддержать, и этот неожиданный жест тронул девушку.

- На жизнь Роберта слишком часто покушались, чтобы я мог чувствовать себя спокойно, оставаясь вместе с ним в Крэннок-Касле.

- Вот как?

- А вас, отец, по-видимому, не слишком волнует благополучие мальчика.

- Я его опекун. Разумеется, меня волнует его благополучие.

- Вам известно, что кто-то стрелял в него? И кто-то отравил его пищу?

Боковым зрением Беатрис уловила едва заметное движение, где стоял Гастон, молчаливый и незаметный, как всегда.

- Роберт - очень впечатлительный ребенок. У него слишком развито воображение. Он видит духов там, где их нет.

Роберт с несчастным видом уставился на свои башмаки.

- На этот раз воображение Роберта здесь ни при чем, - вмешалась Беатрис. - Я была с ним, когда это произошло.

- В таком случае, полагаю, если вас не будет рядом, с мальчиком больше ничего не случится. Я освобождаю вас от обязанностей гувернантки, мисс Синклер. Ваша способность навлекать несчастья на себя и других вряд ли сослужит Роберту хорошую службу.

- Так вы меня увольняете? Вот как вы пытаетесь защитить Роберта?

- Да, мисс Синклер. Я пытаюсь защитить Роберта, избавив его от вашей опеки. Моему племяннику следует вернуться в Крэннок-Касл. - Он повернулся к мальчику. - Роберт, мы уезжаем немедленно. Тебе не место в Эдинбурге.

- Я не поеду.

Роберт встал и угрюмо посмотрел на дядю. Беатрис с удивлением заметила, что мальчик не дрожит, как это обычно бывало при столкновении с Камероном.

- Разумеется, ты поедешь, дитя мое.

- А я не разделяю вашей уверенности, отец. - Девлен шагнул к Роберту, встал позади мальчика и положил руки ему на плечи. - Роберт никуда не поедет. Я уже связался со своим адвокатом и собираюсь оспорить ваше опекунство.

Камерон изменился в лице. Благодушный насмешливый мужчина с безукоризненными манерами вдруг куда-то исчез. Беатрис увидела перед собой охваченного яростью калеку. Лицо его побагровело, руки с такой силой вцепились в подлокотники кресла, что костяшки пальцев побелели.

- Роберт останется здесь, со мной, до решения суда, отец, - заявил Девлен. - И советую вам

вернуться в Крэннок.

– В мое отсутствие можете притворяться, что вы и есть герцог Брикин, – добавил Роберт.

Выражение глаз дяди не сулило племяннику ничего хорошего. Камерон сделал знак Гастону. Тот подскочил к креслу хозяина и проворно покатил его прочь из комнаты. Когда они скрылись за дверью, Беатрис повернулась к Девлену.

Роберт угрюмо окинул взглядом дверной проем.

– Он желает моей смерти.

Беатрис не нашла, что ответить. К ее ужасу, голос Роберта звучал совершенно бесстрастно – словно чудовищное злодеяние, в котором он обвинял дядю, было делом обыденным.

– Мне можно остаться, правда, Девлен?

– Да, Роберт, – торжественно заверил мальчика кузен. – Беатрис едва не заплакала, увидев искаженное мукой лицо Роберта. Его глаза потемнели от горечи, разочарования и боли. Таким же было лицо Беатрис после смерти родителей. – Пойдите-ка и спросите кухарку, готов ли обед, – попросил Девлен.

Роберт кивнул и вышел из комнаты.

– Мой отец всегда был разочарован жизнью. – Девлен пожал плечами. – Помню, как он пришел в ярость, когда его брат унаследовал титул. Он часто говорил мне, что дядя скорее предпочел бы стать ученым, нежели главой семьи.

– Камерон хотел бы занять его место.

– Ему судьбой было назначено стать герцогом. Хотя бы в мечтах.

– Неужели он мог причинить зло Роберту?

Девлен не ответил. Он подошел к камину, поднял кочергу и принялся перемешивать угли. Прошло несколько долгих минут, прежде чем он повернулся к Беатрис.

– Я уже несколько недель задаю себе тот же вопрос. С тех самых пор как узнал о странной предрасположенности Роберта к несчастным случаям.

– Но кто может стоять за покушениями, если не твой отец?

– А как насчет Гастона? – Это предположение так обескуражило Беатрис, что Девлен, глядя на нее, не смог сдержать улыбку. – Гастон – преданный слуга. Он, если можно так сказать, ноги моего отца. Весьма вероятно, что покушения – его рук дело.

– Когда в Роберта стреляли, я пришла к Гастону, – пробормотала Беатрис.

Она вспомнила, что нашла его в кухне, недалеко от двора. Гастон вполне мог видеть, как юный герцог и гувернантка поднимаются на холм.

– Проще всего начать себя обвинять, оглядываясь на прошлое. Я и сам часто этим грешу. Почему я с самого начала не забрал Роберта из Крэннок-Касла?

- Если бы ты его забрал, мы никогда бы не встретились.
- А я уверен, что мы все равно встретились бы. Возможно, при других обстоятельствах.
- Значит, это судьба?
- Ты говоришь так, будто сама в это не веришь, – улыбнулся Девлен.

Беатрис покачала головой.

- А разве ты веришь в судьбу?
- Разумеется, верю.
- А ведь судьба вполне могла бы сложиться так, что и ты когда-нибудь стал бы герцогом.
- Я вполне доволен своим нынешним положением и легко обхожусь без титула.

Беатрис склонила голову набок, разглядывая собеседника. Их взгляды встретились, и уголок рта Девлена насмешливо дернулся вверх.

- Ты разочарована?
- Господи, как это тебе пришло в голову? – с искренним недоумением спросила Беатрис и рассмеялась. – Ты богат. Живешь в роскоши. Ты красив как принц. Зачем тебе еще и титул? Это было бы уже чересчур.
- Я заработал себе состояние, потому что не хотел ни от кого зависеть. А внешность человек не выбирает.
- Сейчас ты доказал, что я права. Но ты заносчив, как настоящий герцог.
- Я все задаю себе вопрос: откуда ты так хорошо меня знаешь? – улыбнулся Девлен.
- Не так уж и хорошо. Я всего лишь гувернантка, а теперь даже и этим не могу похвастать.
- Ты мой добрый ангел.

Беатрис с улыбкой погладила лацкан сюртука Девлена и прижала ладонь к его груди.

- А ты мой восхитительный дьявол.
- Ты меня пугаешь, – смущенно признался Девлен. Его взгляд внезапно стал серьезным, лицо приняло растерянное выражение, как у человека, вынужденного говорить правду.

Беатрис нежно коснулась ладонью его щеки. Девлен тоже пугал ее. Вернее, пугало чувство, которое она начинала к нему испытывать.

- Девлен...

Он наклонился и поцеловал ее. Это был мягкий и ласковый поцелуй, лишенный страсти.

- У меня есть кое-какие дела. Меня ждет работа.
- Да.

- Мы еще не обедали.
- Нет. - Беатрис качнула головой.
- Стоит мне тебя поцеловать, и я уже не могу остановиться.
- Мне очень жаль, - улыбнулась она.
- Уверен, ты нарочно это делаешь.
- Не совсем.
- Я думал, что когда-нибудь ты изменишь мою жизнь.
- Правда? И как, изменила?
- Больше, чем ты можешь себе представить.
- Возможно, мне лучше было бы уехать.
- Может, и так. Но с тобой, Беатрис, я иногда вел себя безрассудно.
- Я тоже, Девлен.
- Так мы отлично подходим друг другу, верно?

Беатрис немного отступила назад, а ее рука безвольно повисла в воздухе.

- Возможно, на краткий миг.

Лицо Девлена потемнело, словно правда пришлась ему не по вкусу. Слишком многое разделяло их с Беатрис. На какое-то мгновение судьба свела их, чтобы сразу же навсегда развести в разные стороны. А может быть, это мгновение они попросту похитили у судьбы?

- Пойду узнаю насчет обеда, - предложила Беатрис. - Наверняка Роберт осаждают кухарку, выпрашивая у нее запрещенные сладости.
- Но ведь ему это нравится.
- Да, но жизнь состоит не из одних удовольствий, Девлен.
- Беатрис...

Она посмотрела на него, но Девлен только покачал головой, не решившись заговорить. Тогда девушка молча повернулась и вышла.

Глава 26

Две недели спустя Девлен стоял в бальном зале, разглядывая юных девиц на выданье и ловя на себе придиричivé взгляды почтенных матрон. Каждая из пожилых дам желала удостовериться, что Гордон достаточно хорош для ее дочери, и потому внимательно следила за перспективным женихом, готовая отметить любой его промах. Дочери же, как правило, не отличались подобной взыскательностью.

Одна храбрая юная леди, чей корсаж с чрезмерным обилием кружев походил на пару носовых платков, напомнила ему Беатрис. Не внешностью (девица была низенькой миниатюрной блондинкой), но отчаянной дерзостью. Она бесстрашно пожирала его глазами, обмахиваясь веером и хлопая ресницами.

– Вон та красotka строит вам глазки, Гордон.

Обернувшись, Девлен увидел знакомого, глазевшего на ту же юную леди. Подобное повышенное внимание нисколько не смущало девицу – напротив, она казалась довольной.

– Пожалуй, в этом деле я пас. Милости прошу.

– У нее нет денег. Ходят слухи, что ее мать охотится за титулом. И вдобавок за состоянием. Жаль, девица – настоящая красавица.

Девлен оставил это замечание без внимания, и собеседник с любопытством взглянул на него.

– Не ожидал вас здесь увидеть. Обычно вы не слишком жалуете приемы вроде этого.

– Мне вдруг захотелось показаться в свете.

– Вы не надумали жениться?

– Господи, нет.

– Это никого не удивило бы, ведь рядом с вами такая великолепная женщина.

– Как, черт возьми, вы об этом узнали?

– Боже мой, Девлен, да все вокруг знают о Фелисии.

– Ах, о ней!

– А вы подумали, я говорил о ком-то другом?

Девлен покачал головой, но его собеседника это не убедило.

«Черт, как же зовут этого назойливого молодчика? Ричард? Что-то похожее. Неужели хозяину больше нечего предложить гостям, кроме приторно-сладкого розового пунша? Сейчас куда больше подошло бы виски».

– Так, значит, прекрасная Фелисия получила отставку? – Знакомый придвинулся ближе. – Не терпится узнать, кто ваша новая возлюбленная. Вы не хотите поведать о ней?

– Нет.

– Но вы ведь уже нашли замену Фелисии?

– Не понимаю, какого дьявола я тут делаю? – Девлен повернулся к собеседнику. – Почему вы здесь?

– Присматриваю себе жену. Меня осаждают со всех сторон, – посетовал тот. – Но я ищу богатую наследницу. Женщину, питающую слабость к бедным мужчинам и готовую боготворить мужа.

- Так этого, по-вашему, и хотят женщины?

- Черт меня побери, если бы я знал, - с унылой улыбкой ответил знакомый. - У меня пять сестер, и все они совершенно непохожи друг на друга. Иногда они непохожи даже на самих себя. Все зависит от настроения.

Беатрис во всех ситуациях оставалась самой собой. И все же она всегда казалась разной, хотя и неизменно очаровательной. Ее настроение менялось с легкостью летнего ветерка. Но даже ее гнев нравился Девлену. Он подчас ловил себя на том, что нарочно отстаивает мнение, которого вовсе не разделяет, лишь бы увидеть сердитое нетерпение Беатрис.

«Господи, ну надо же быть таким болваном!»

Они говорили о литературе, языкознании, истории. К своему удивлению, Девлен рассказал Беатрис во всех подробностях о планах постройки новых скаковых конюшен. Они спорили о политике, религии, о правах женщин и о множестве других вещей, которые Девлен никогда прежде не обсуждал даже с представителями своего пола.

- Я еще никогда не видел вас таким угнетенным и подавленным, Гордон. Может, у вас сорвалась сделка? Я слышал, Мартин заупрямился.

- Он может оставить себе свой завод, если ему так угодно. Я предложил ему хорошую цену.

- Значит, на самом деле вы не слишком-то стремитесь приобрести этот заводик. Должно быть, вы опрометчиво дали слово. Поторопились. Это бывает.

- Не знал, что меня так легко раскусить.

- Если товар вас не заинтересовал, его не стоит и покупать. Вы ведь наверняка заметили, что большинство дельцов следуют за вами, словно стая карпов за приманкой? Куда вы, туда и они, Гордон.

В другое время Девлена, пожалуй, позабавило бы подобное сравнение.

Оркестр снова заиграл бравурную мелодию, и девица с веером принялась обмахиваться еще отчаяннее.

- Вам бы следовало дать ей шанс, Гордон.

- Я не танцую.

Собеседник взглянул на него с интересом.

- От вас ничего особенного не потребуется. Надо выйти вперед и разыграть из себя эдакого болвана. Все именно так и делают.

- Только не я.

- Тогда даже к лучшему, что вы не ищете себе жену. В этом деле просто необходимо выставляться дураком, знаете ли.

Девлен нащупал в кармане футляр. Пора откланяться. Он пришел на этот шутовской прием, чтобы доказать, хотя бы себе самому, что в его жизни за последние несколько недель ничего не изменилось. Он волен поступать как заблагорассудится, не испытывая мук совести или

чувства вины. Он может ходить куда угодно, приятно проводить время, развлекаться и, пресытившись, возвращаться домой.

Но к сожалению, его план не сработал. Развлечься Девлену не удалось. Общество явно тяготило его. Больше всего ему хотелось оказаться наконец дома. Все знакомые женщины казались ему слишком пресными и скучными. Они не отличались умом и тонкостью, зато лицемерия и лживости хватало им с избытком. Ни одна из них не могла сравниться с Беатрис. Девлен попрощался с собеседником, имени которого так и не вспомнил, и потратил добрую четверть часа, чтобы найти хозяев и поблагодарить за любезный прием. Откланявшись, он направился к дверям и провел еще несколько минут в приятной беседе с одним из гостей, поджидая карету.

Усевшись в экипаж, он отдал кучеру хорошо знакомое короткое распоряжение, и карета тотчас тронулась.

В карете горел фонарь. Девлен достал из футляра ожерелье – великолепную россыпь из желтых бриллиантов. Камни засверкали и заискрились в неярких лучах света, «Ожерелье, достойное королевы» – так отзывался о нем ювелир.

Девлен надеялся, что Фелисии понравится подарок.

Беатрис сидела на кровати в комнате, которую Девлен предоставил Роберту. В отличие от герцогских покоев Крэннок-Касла эта комната с нежно-голубыми стенами и нарядными шелковыми занавесками куда больше напоминала детскую. Вдоль стены выстроились три высоких шкафа. Два из них были набиты всевозможными игрушками. Здесь было все, что только мог пожелать любой ребенок.

Беатрис наблюдала, как Роберт выстраивает вокруг подушек и перины свою оловянную армию. Мальчик восторженно описал ей несколько битв, но Беатрис знала не слишком много о военном искусстве, поэтому в ответ лишь глубокомысленно кивала, вежливо изображая интерес, которого не испытывала.

Время от времени она посматривала на каминные часы и тут же отводила взгляд, притворяясь, будто поздний час не имеет значения. А на самом деле минуты тянулись для нее мучительно долго. Роберт уже приготовился ко сну, но не выказывал ни малейшего желания лечь в постель.

– У меня такое чувство, будто сегодня мне снова приснится кошмар, мисс Синклер.

Конечно же, Беатрис ему не поверила. Разве можно знать заранее, что тебе приснится ночью? К тому же здесь его больше не мучили кошмары.

Но в спальне Роберта Беатрис задержалась отнюдь не из заботы о герцоге. Ее терзали одиночество, злость и уныние. Не находя себе места от тревоги, Беатрис решила провести время в обществе мальчика и позволила ему играть допоздна. Она отлично сознавала, что образцовые гувернантки так не поступают, поэтому к беспокойству примешивалось еще и легкое чувство вины. Покинув Крэннок-Касл, Беатрис то и дело нарушала установленные правила.

Последние недели в Эдинбурге прошли в бесконечных удовольствиях. Если за эту идиллию и приходилось расплачиваться игрой в солдатики до полуночи, Беатрис не считала цену слишком высокой. Роберт поминутно зевал. Недавно герцог и гувернантка поужинали здесь

же, в комнате – им доставили еду на подносе. Девлен отправился на официальный прием, который никак не мог пропустить, а без него дом казался странно опустевшим.

Уныло текли минуты. Беатрис стало казаться, что впервые со дня приезда в Эдинбург ей предстоит провести ночь в одиночестве. Где же Девлен? Чем он занят? Часы пробили полночь. Беатрис принялась собирать игрушечных солдатиков, несмотря на бурные протесты Роберта.

– Если вы сейчас же не отправитесь в постель и не попытаетесь заснуть, завтра вы не сможете заниматься латынью. – Роберт угрюмо посмотрел на нее исподлобья, но гувернантка ответила ему строгим взглядом. – Вы же будете весь день клевать носом, и наша прогулка не состоится.

– Прогулка? Вы пытаетесь подкупить меня, мисс Синклер?

– Пожалуй, да, Роберт. Думаю, нам пора немного оглядеться. Посмотреть Эдинбург. Как, по-вашему? Возможно, нам удастся разыскать здесь кондитерскую.

– Правда?

Беатрис серьезно кивнула. Мальчик позволил подоткнуть ему одеяло и зажечь светильник. Впрочем, в доме Девлена и без того хватало света. Беатрис не переставала удивляться этому непостижимому человеку.

– Вам не снились кошмары с тех пор, как мы покинули Крэннок. Верно?

Мальчик мотнул головой.

– Крэннок-Касл перестал быть для меня домом. – Он беспокойно перевернулся на постели, потянув за собой простыню. – С тех пор как умерли мои родители.

Беатрис ласково улыбнулась мальчику. После смерти родителей деревенский дом Синклеров вызывал у нее те же чувства. Гибель близких меняет жизнь, а мир вокруг становится мрачным и враждебным. Это испытывают на себе все, кому довелось столкнуться со смертью, даже дети.

Беатрис протянула руку и пригладила всклокоченные вихры мальчика. Он снова шумно зевнул.

– Расскажите мне историю, но только не басню.

– Но я не знаю других историй.

– Расскажите о том, как вы были маленькой девочкой.

– Когда я была маленькой?

– Такой, как я.

– Но вы совсем не похожи на маленького мальчика. Сейчас вам семь, а в следующий миг уже все двадцать семь.

– Вы уклоняетесь от темы, мисс Синклер.

Беатрис улыбнулась:

– Ну да, верно. Мою жизнь не назовешь богатой событиями. Раньше с нами жила бабушка. Это она научила меня французскому. Когда бабушка умерла, мы переехали в Килбридден-Виллидж.

Мне тогда исполнилось двенадцать. Я хорошо это помню, потому что мы оказались на новом месте как раз накануне моего дня рождения.

– Вам устроили праздник? Вручили подарки?

Беатрис покачала головой.

– Царила такая суматоха, что все об этом забыли. Прошло не меньше месяца, прежде чем моя мать спохватилась.

– Ну, я бы такого не спустил, мисс Синклер, и никому бы не позволил забыть о моем дне рождения. Я родился двадцать шестого июня, – на всякий случай добавил Роберт.

– Надо будет запомнить.

– А где вы жили раньше?

– В маленьком домике, на границе Англии и Шотландии. Чудесное место. Отец держал там небольшое хозяйство. Не слишком хорошо помню те времена, но там я была по-настоящему счастлива. – Беатрис укрыла плечи Роберта одеялом. – Вот и все мои приключения. Я же говорила, что мне особенно не о чем рассказывать.

– А у вас были друзья?

– Моя лучшая подруга жила в Килбридден-Виллидж. Кстати, я познакомилась с ней как раз в свой день рождения. Ее звали Салли.

– Вы все еще дружите?

Салли была среди тех, чью жизнь унесла эпидемия холеры. В день ее смерти на деревню обрушилась страшная буря, дикая и неистовая. Ветром сорвало всю листву с деревьев, остались торчать одни лишь голые сучья. Птицы замолкли. С небес лился нескончаемый дождь. Крупные тяжелые капли напоминали слезы. Но Беатрис молча кивнула в ответ, не желая расстраивать Роберта.

– А к чему все эти расспросы насчет друзей?

– У меня нет друзей. Я ведь герцог Брикин. Разве у меня могут быть друзья?

Беатрис наклонилась и поцеловала его в лоб, прежде чем мальчик успел увернуться.

– У вас обязательно появятся друзья. Может, когда вы пойдете в школу.

– А почему не здесь, в Эдинбурге?

– Пожалуй, я разошлю записки всем своим знакомым с извещением о том, что герцог Брикин принимает гостей. Но только тех, кому около семи лет.

В комнату вошел Девлен. Роберт радостно просиял.

– Вы правда могли бы это сделать?

Беатрис подняла голову и улыбнулась. Девлен был так хорош собой, что на мгновение у нее замерло сердце от восхищения. Она встала, обошла кровать и шагнула ему навстречу. Девлен

подошел к девушке, взял ее руку и поднес к губам.

– Как прошел вечер?

– Те четыре часа, что вас не было? Прекрасно.

Девлен наклонил голову, собираясь поцеловать Беатрис, но в последний момент опомнился и бросил взгляд на кузена.

– Отвернитесь, Роберт. Я собираюсь поцеловать вашу гувернантку.

– Я герцог, – возразил мальчик, – и мне стоит научиться подобным вещам.

– Но только не сейчас. И не от меня.

Он повернулся спиной к кровати Роберта, притянул к себе Беатрис и принялся целовать, пока у нее не онемели губы.

– Можно мне проводить вас в вашу спальню? – спросил он, выпустив девушку из рук.

– Я буду рада. – Беатрис остановилась в дверях и бросила последний взгляд на Роберта. – Приятных снов.

На мгновение мальчик притворился спящим, но тут же открыл глаза.

– Я голоден.

– Завтра.

– Я хочу пить.

– Завтра.

Роберт тяжело вздохнул.

– Доброй ночи, мисс Синклер.

– Доброй ночи, Роберт.

– Доброй ночи, Девлен.

– Идем спать, – улыбнулся Девлен, выводя девушку в холл. Он все еще держал Беатрис за руку, и на мгновение ей показалось, что они оба – парочка детей, бесшумно пробирающихся по коридору в дальнее крыло. Впервые она мысленно поблагодарила Девлена за то, что он отвел ей комнату подальше от покоев Роберта.

Надо было попрощаться с Беатрис у дверей ее спальни, но Девлен распахнул дверь и отступил в сторону. Когда Беатрис перешагнула порог, он вошел и закрыл за собой дверь. Их мгновенно окутал мрак. В темноте Беатрис внезапно почувствовала неведомую прежде свободу. Она обвила руками шею Девлена, встала на цыпочки и прижалась губами к его губам.

– Спасибо тебе, – нежно шепнула она.

– За что?

- За то, что ты так добр к Роберту.
- Любой поступил бы так, - пожал плечами Девлен.
- И все же кто-то желает ему зла.
- Нам обязательно говорить об этом прямо сейчас?
- А нам вообще обязательно говорить?
- Беатрис, я потрясен.
- Правда? - Она потянулась, чтобы поцеловать его смеющийся рот.
- Твое платье не так-то просто снять.
- Ничего подобного, как раз наоборот.

Он обхватил ладонями талию Беатрис, потом его пальцы медленно скользнули вверх и ухватили ее за грудь.

- У тебя много платьев? Боюсь, я скоро сорву с тебя одно.
- У меня их всего три. Но если ты предложишь купить мне новое, хочу заверить тебя, что не приму такой подарок.
- А как ты узнала, что я собираюсь предложить тебе новое платье?
- Это так похоже на тебя. Ты ведь очень щедрый.

Девлен наклонился, прижавшись щекой к щеке Беатрис.

- Не особенно-то я щедр с другими людьми, Беатрис. Но мне очень хочется осыпать тебя подарками.
- Тогда пусть тебя сдерживает мысль о том, что я их не приму.
- Ты любишь танцевать?
- Танцевать? - Беатрис слегка отстранилась и посмотрела на Девлена, но в комнате было слишком темно, чтобы разглядеть выражение его лица. - Да, мне нравятся деревенские танцы. А почему ты спрашиваешь?
- Я бы хотел потанцевать с тобой. Я понял это только сегодня вечером.
- Правда? Мне так приятно это слышать. Как мило с твоей стороны.
- Во мне нет ничего милого. Ненавижу это слово.
- Ладно, ты добр и хорошо воспитан.
- Только потому, что ты пробуждаешь все лучшее во мне.

Он медленно, но умело расстегнул корсаж Беатрис, затем проворно расшнуровал корсет. Его пальцы двигались в темноте с удивительной ловкостью. В следующее мгновение девушка уже

стояла в одной сорочке, а ее платье и корсет висели на стуле.

Беатрис стянула с плеч Девлена сюртук, не заботясь о том, что он упал на пол. Вскоре туда же отправился и жилет. Беатрис легко расстегнула его, не уступая Девлену в сноровке. За прошедшие несколько недель они хорошо изучили одежду друг друга. Настала очередь рубашки. Беатрис расстегнула пуговицу, наклонилась и поцеловала обнаженную грудь Девлена. Так за каждой пуговицей следовал поцелуй.

Пока она снимала с Девлена одежду, он с нежностью ласкал ее тело. Его руки скользнули к бедрам, легко коснулись ягодиц и принялись гладить спину, вызывая у девушки дрожь наслаждения.

Они не уступали друг другу в чувственности. В этой сфере богатый промышленник и нищая гувернантка были равны. Девлен обладал огромным состоянием, обширными владениями и блестящим положением в обществе. Беатрис не могла похвастаться громким именем, а все ее имущество составлял ветхий дом и потрепанный саквояж со скудными пожитками. Никто не добивался ее внимания, не требовал ее непременно присутствия на званом обеде. Ей не приходилось, как Девлену, разбирать каждый день толстые пачки приглашений.

Девлен подхватил Беатрис на руки и понес к кровати. Сейчас им обоим хотелось наслаждаться друг другом, без лихорадочной поспешности, смакуя каждое мгновение. Нежность переполняла их. Беатрис дотронулась до лица Девлена.

«Не забывай меня. Никогда».

В этот момент они не говорили, не поддразнивали друг друга, не обменивались шутками.

После бесконечно долгих минут блаженства, когда их тела слились, Беатрис выгнулась на постели и тихо застонала.

- Пожалуйста, - взмолилась она, зная, что только Девлен может утолить ее нестерпимую жажду.

Позднее, замирая в счастливом умиротворении, она еще теснее прижалась к нему. Глаза ее слипались, тело парило на волнах наслаждения. Проваливаясь в сон, она различила, как Девлен прошептал ее имя, и улыбнулась. Впервые за долгие месяцы в ее душе царили покой и безмятежность.

Девлен встал с постели и натянул одежду - в коридоре ему мог встретиться кто-то из прислуги, а он не желал вызывать пересуды - после чего вышел из комнаты и бесшумно закрыл за собой дверь.

После ночи любви он часто впадал в задумчивость. Так было и на этот раз. Девлен не находил себе места. Он чертовски устал чувствовать себя виноватым из-за Беатрис Синклер.

Эта женщина сводила его с ума.

Его постоянно тянуло к ней. Наверняка и она испытывала то же самое. Но похоже, ее это вовсе не приводило в смятение, в то время как Девлена все больше терзало беспокойство. Вот и сейчас Беатрис уютно свернулась в клубочек и спокойно спала, а он бродил среди ночи по коридорам собственного дома словно привидение.

Ему бы следовало оставить ее в покое. Так почему он никак не может на это решиться?

Он должен отослать ее назад в деревню, снабдив достаточным количеством денег, чтобы она безбедно жила до конца своих дней. Выделить ей приданое, черт возьми. Располагая собственными средствами, она легко смогла бы выйти замуж за какого-нибудь фермера, пивовара или лавочника.

Но зачем ему прогонять Беатрис?

Потому что такой женщине, как она, не пристало прятаться в тени. Потому что Девлен Гордон не привык ходить крадучись, словно помешанный на женщинах сластолюбец, который никак не может утолить свою страсть. Потому что он не желает обращаться с Беатрис Синклер как с содержанкой.

Беатрис получила традиционное воспитание. И уж если быть честным, она была куда образованнее Девлена. Эта изумительная девушка обладала безупречными манерами, великолепной речью и досадной особенностью всегда одерживать верх в споре.

«Так какого же дьявола я обращаюсь с ней словно с дешевой девкой из лондонского порта? Вот проклятие!»

Глава 27

Когда Беатрис проснулась, Девлена не было рядом. В первое мгновение она ощутила щемящую тоску, но тут же упрекнула себя в глупости. Не так давно Девлен появился в ее жизни, чтобы тосковать по нему. Да и не такой он человек, чтобы Беатрис могла с гордостью указать на него пальцем и сказать, что этот мужчина принадлежит ей.

Девлен Гордон принадлежал лишь себе самому, и мысль о том, что кому-то могло бы прийти в голову предъявить свои права на него, казалась смешной.

Снег толстым ковром покрыл землю. До весны оставались еще долгие месяцы. Дул холодный и резкий ветер. И все же этот день таил в себе неизъяснимое очарование. Беатрис чувствовала себя счастливейшей из смертных. Не значило ли это искушать судьбу?

Она выбрала темно-синее платье с красной отделкой, которое плотно облегал талию и застегивалось спереди.

«Пожалуй, это вполне приличный и красивый наряд», – решила Беатрис.

Может, он и недостаточно хорош для эдинбургского дома Девлена, и все же это лучшее из трех ее платьев. За последние три недели Девлен не раз пытался уговорить ее заказать портнихе новые туалеты, но Беатрис отказывалась наотрез. Одно дело проводить дни в счастливой неге, наслаждаясь каждым мгновением близости, и совсем другое – открыто признать себя содержанкой.

Любовница Девлена. Эти слова должны были бы повергнуть ее в ужас, но Беатрис лишь досадливо отмахнулась от них. Вот какой испорченной женщиной она стала.

Девушка покинула спальню и направилась в комнату Роберта. Не обнаружив там мальчика, она не особенно удивилась. Наверняка он внизу, в кухне. Роберт часто околачивался там, болтая с кухаркой и ее помощницами и набивая живот ворованными сладостями.

Слуги по-прежнему встречали Беатрис холодной настороженностью. В течение дня хозяин и

гувернантка старательно разыгрывали перед слугами настоящий спектакль, избегая друг друга. Но сумели ли они одурачить хоть кого-нибудь? Или за дверями этого огромного дома слуги только и делали, что шушукались о незадачливых любовниках?

Беатрис спустилась в кухню и увидела Роберта. Он сидел на высоком стуле, положив одну руку на стол и запустив другую в огромную керамическую вазу. При виде гувернантки он весело ухмыльнулся. Определенно герцог Брикин только что стащил очередное печенье, а одно или дюжину – трудно сказать. Перед ним на столе уже возвышалась сладкая горка.

Беатрис подошла ближе и отряхнула от крошек рубашку Роберта.

– Печенье на завтрак?

– Не просто печенье, а печенье Энни, – поправил ее Роберт. – Оно самое лучшее.

– Не разговаривайте с набитым ртом.

Роберт кивнул улыбаясь.

– Доброе утро, мисс, – поздоровалась кухарка, отвернувшись от печи. Она неуклюже присела в реверансе, что далось ей нелегко, поскольку в одной руке она сжимала ложку, а в другой горшок. Беатрис вдохнула густой запах шоколада, наполнявший кухню. Теперь она наконец поняла, почему у Роберта такой сияющий вид.

Покончив с печеньем, мальчик сказал:

– Мы собираемся выпить шоколада, мисс Синклер. В честь сегодняшнего дня.

– В честь сегодняшнего дня?

– Сегодня среда. Разве вы не согласны, что в каждом дне есть нечто особенное?

Беатрис улыбнулась Роберту и потянулась за печеньем. Завтра придется поговорить с ним насчет того, что детям полезно есть на завтрак.

– Уверен, Энни не будет против, если вы тоже выпьете с нами немного шоколада.

– Спасибо, ваша светлость, вы очень добры.

Роберт просиял и взялся за новое печенье. Беатрис поборолла желание спросить мальчика, не собирается ли он припрятать остальную добычу.

Она улыбнулась, попрощалась с кухаркой и направилась в малую столовую, где ее уже дожидался завтрак. Пустая комната напомнила Беатрис ее собственную жизнь. С кухни сюда доносились взрывы смеха и обрывки разговора. Девлен скорее всего задержался, занятый множеством срочных дел. Здесь, в столовой, Беатрис была одна, отделенная от остальных невидимым барьером. Внезапно она необычайно остро ощутила свое одиночество.

За год, прошедший после смерти родителей, Беатрис свыклась с одинокой жизнью, наполненной печалью и горечью потери. Но мысль о том, чтобы вернуться к прежней жизни, показалась ей сейчас невыносимой. Теперь она не сомневалась: путь назад закрыт навсегда.

Беатрис повернулась к столу и обвела взглядом внушительную шеренгу накрытых крышками блюд.

Дома дни тянулись уныло и монотонно. Беатрис умывалась, выпалывала сорняки в своем крохотном садике, поливала растения, чистила и чинила одежду, перешивала на себя вещи, когда-то принадлежавшие ее матери. Прежняя жизнь Беатрис не отличалась разнообразием, но в доме всегда хватало дел. Теперь же в роскошном, восхитительном доме Девлена ей нередко приходилось скучать.

Беатрис села за стол, вытянула руки и с интересом принялась разглядывать свои ногти. С тех пор как Беатрис начала есть досыта, ее ногти потеряли голубоватый оттенок, а руки уже не казались болезненно хрупкими и костлявыми. Беатрис немного пополнила, округлилась, так что одежда, прежде болтавшаяся слишком свободно, теперь туго облегла тело. Приступы боли и головокружения, так часто мучившие ее в тот страшно голодный месяц перед появлением в Крэннок-Касле, больше не повторялись.

Беатрис встала, обошла вокруг стола и села на другой стул. Здесь по крайней мере можно было смотреть в окно. День выдался серый и холодный. Пожалуй, слишком холодный для прогулки. Ей захотелось вытянуть ноги, сделать хоть что-нибудь, только бы не сидеть и не ждать, пока начнутся уроки.

Даже эта обязанность не отнимала у Беатрис слишком много времени и сил. Роберту легко давались знания, поэтому он мог быть прилежным учеником, когда хотел. А если юный герцог вдруг начинал капризничать, хватало одного строгого взгляда Девлена, чтобы мальчик снова взялся за ум.

Утро, обещавшее так много, обернулось еще одним нудным, бесконечным днем. Беатрис встала и вышла из комнаты.

То, что они с Девленом стали любовниками, еще не давало Беатрис права вторгаться к нему без приглашения, иначе она непременно потратила бы часть своего свободного времени, чтобы внимательно изучить его огромный дом. Дом, созданный Девленом для самого себя. Вообще-то Беатрис надо было отправиться в библиотеку и выбрать какую-нибудь книгу для чтения, тем более что все равно там вскоре должен начаться урок Робертом. Беатрис хотелось чем-то себя занять, чтобы не думать о Девлене, но снова и снова ее мысли неизменно возвращались к нему.

Разве она не рабыня Девлена Гордона? Рабыня своих страстей, она сама связала себя цепями.

В конце концов, так и не решив, куда идти, она вернулась к себе в комнату, но прежде чем переступить порог, повернулась и посмотрела на двойные двери, ведущие в покои Девлена.

Беатрис тихо постучала в дверь. Никто не ответил. Наверное, Девлен уже уехал. Его империя так обширна, что у него, должно быть, нет ни одной свободной минутки. Беатрис завистливо вздохнула. Ей захотелось срочно придумать себе хоть какое-нибудь занятие, только бы не думать о Девлене.

Услышав за дверью шум, Беатрис дернула за ручку и с удивлением обнаружила, что дверь не заперта. Девлен успел отдернуть занавески, и в широкие окна вливался неяркий дневной свет, освещая темно-синий ковер и полог над кроватью.

Шум повторился, и Беатрис сразу же догадалась, где хозяин. Она тихо толкнула дверь в ванную комнату и прислонилась плечом к косяку, глядя на Девлена.

Он лежал в огромной медной ванне, запрокинув голову и закрыв глаза, руками опираясь на бортики. Утопая в облаках пара, Девлен мурлыкал себе под нос какую-то песенку – судя по всему, весьма фривольного содержания.

Беатрис вошла в комнату, закрыла за собой дверь и предусмотрительно заперла ее на щеколду. Девлен обернулся на звук. При виде девушки его лицо осталось невозмутимым, но в глазах заплясали веселые искры.

- Ты собираешься сказать мне, что если соус хорош для гусыни, то он сгодится и для гусака?

- Пожалуй. Ты ведь именно этого от меня и ждешь, верно? Хотя должна признаться, если у меня и были в голове какие-то мысли, то они уже улетучились.

- Стоило тебе меня увидеть?

- Ну конечно! - Беатрис взяла трехногий табурет и придвинула его к ванне. Потом села, погрузила руку в горячую воду и шаловливо плеснула Девлену на грудь.

- Смею ли я надеяться, что ты пришла меня искупать?

- А тебе бы этого хотелось?

- Я был бы глупцом, если бы сказал «нет», не так ли?

- Мы оба порой ведем себя довольно глупо.

Беатрис понимала, что Девлен слишком опасен, слишком обворожителен и порочен. Он губителен, как опиум. Стоит только пристраститься к нему, и ты уже не сможешь без него обходиться. За пределами его дома мисс Синклер слыла здравомыслящей молодой женщиной, хорошо воспитанной, образованной, добродетельной, всегда придерживающейся строгих правил. И теперь, когда она могла сказать о себе, что служила гувернанткой герцога Брикина, перед ней открывались новые возможности.

Девлен притягивал ее и отталкивал одновременно. Беатрис сознавала, что связь с Девленом Гордоном ничем хорошим для нее не кончится.

Он улыбнулся, словно сумел проникнуть в ее мысли.

- Прошлой ночью ты не воспользовался «английскими рединготами».

- Знаю. Когда я вспомнил о них, было уже поздно.

- Это значит, что у меня будет ребенок?

- Вовсе не обязательно. Но это значит, что мне нельзя доверять, когда дело касается тебя. Раньше я никогда не забывал о таких вещах.

Необъяснимая, глупая женская радость охватила Беатрис. Восставшая плоть Девлена прорвала поверхность воды словно диковинный зверь, вынырнувший из глубины.

- О! - восторженно выдохнула Беатрис. - Это горячая вода так на тебя действует?

Смех Девлена отозвался эхом от каменных стен.

- Нет, горячая вода тут ни при чем, Беатрис. Боюсь, это ты так на меня действуешь. Когда я думаю о твоих руках, находящихся так близко от меня, то просто ничего не могу с собой поделать.

- О!

- Вот именно. О! Я лежал и думал о твоих прикосновениях, и тут пришла ты и многообещающе заперла за собой дверь.

- В самом деле?

- Ты так очаровательно улыбаешься. Почему?

- Если хочешь знать, я пытаюсь представить себе то, что сейчас скрыто от меня под водой.

Девлен резко встал, и вода полилась с него потоками.

- Давай-ка я тебе помогу.

Великолепная мускулистая фигура Девлена так и притягивала взгляд. Перед Беатрис стоял прекрасно сложенный мужчина в расцвете сил. Его округлые упругие ягодицы напоминали аппетитные булочки. Беатрис коснулась пальцем бедра Девлена и почувствовала, как напряглись его мышцы.

Под ее пристальным взглядом его восставшая плоть зашевелилась, словно живое существо, и выросла еще больше. Если бы Беатрис все еще была девственницей, она пришла бы в ужас при виде этого грозного копья, нацеленного прямо на нее.

Но теперь-то она хорошо знала, какое наслаждение может доставлять это восхитительное оружие, поэтому смотрела на него с обожанием и восторгом. Беатрис осторожно провела пальцем по нежной, бархатистой коже, достигнув густой поросли волос, на удивление мягких.

- Ты такой твердый и горячий. Чувствуешь жар?

- Да.

Она подняла глаза и встретила напряженный взгляд Девлена. Ее пальцы скользнули в обратном направлении и описали круг.

- Правда?

- Я весь горю словно на костре.

- Думаю, тебе поможет ванна или влажная примочка, чтобы снять жар.

- А что бы ты порекомендовала?

- Лучше всего приложить снег.

- Это охладит любой пыл.

Еще одно движение пальцев Беатрис, и Девлена охватила дрожь.

- Тебе требуется лечение.

- Твой поцелуй мог бы помочь. - Беатрис изумленно посмотрела на него. Глаза Девлена сверкали, лицо пылало. - Поцелуй меня, Беатрис.

Она медленно поднялась, держась рукой за край ванны, наклонилась вперед и приникла губами к его плоти, ощутив ответную дрожь и горячую пульсацию желания. Ее пальцы сомкнулись на его естестве, губы слегка приоткрылись.

Одно дразнящее движение языка, и Девлен глухо застонал. Беатрис улыбнулась. От теплого пара ее лицо покрылось влагой, а ткань корсажа прилипла к коже. Беатрис хотелось раздеться. Ее пальцы шаловливо коснулись волосков на ногах Девлена, пробежались по его бедрам и замерли на ягодицах, наслаждаясь их гладкостью и упругостью.

Девлен стоял неподвижно, глубоко зарывшись пальцами в ее волосы. Видя, как неистово пульсирует его плоть, Беатрис испытала упоительное чувство власти над Девленом. Она вдохнула знакомый тонкий аромат сандала, протянула руку и зачерпнула мыла из баночки. Потом щедро намазала колено Девлена и принялась втирать плавными круговыми движениями душистое мыло ему в кожу.

- Беатрис!

Она запрокинула голову и посмотрела на него.

- Я хочу тебя вымыть.

Девлен нежно потянул ее за волосы.

- Начни отсюда, - взмолился он, красноречиво качнув бедрами.

Но Беатрис только улыбнулась в ответ, медленно намазывая его ногу от колена до ступни и погружая руки в клубящиеся облака пара. Потом также неторопливо взялась за другую ногу.

Девлен сгорал от желания, а Беатрис притворилась, что не замечает этого. Уделив достаточно внимания его ногам, она зачерпнула сандалового мыла, и обхватила ладонями его естество. У Девлена вырвался звук, напоминающий одновременно и смех и стон.

Беатрис улыбнулась. Ее руки скользили по нежной, шелковистой коже уверенно и смело. Девлен что-то сказал, пытаясь предостеречь ее, но Беатрис лишь весело отмахнулась. Ей нравилось ощущать свое могущество. Ей хотелось, чтобы Девлен беспомощно трепетал в ее руках, теряя власть над собой.

В его объятиях Беатрис бросало в жар, перехватывало дыхание, так пусть и он почувствует то же самое. Ее сердце колотилось так отчаянно, словно готово было выпрыгнуть из груди. Девлен легко мог проникнуть в ее мысли - ведь она сама открывала ему душу. Так пускай теперь и он испытает ту же неутолимую жажду, то же страстное желание. Беатрис наклонилась и обхватила губами напряженную плоть Девлена. Он глухо застонал, подаваясь ей навстречу, и по телу Беатрис сразу же прошла дрожь предвкушения. В ванну с шумом выплеснулась вода из трубы, а в очаге треснуло полено, рассыпая огненные искры, но ни Девлен, ни Беатрис этого не услышали, поглощенные захватывающей игрой. Но вот Беатрис слегка отстранилась, медленно повернула Девлена и легонько куснула его за гладкую ягодицу, потом поцеловала укушенное местечко и нежно потерлась об него щекой. Из горла Девлена вырвался сдавленный звук - то ли смех, то ли проклятие. Беатрис обдало жаром, грудь налилась тяжестью.

И снова она приникла губами к восставшей плоти Девлена. Он нетерпеливо качнул бедрами и прижал к себе голову Беатрис, безмолвно умоляя ее продолжать, но она не собиралась так легко уступить. Ей хотелось насладиться своим всесилием.

Она отпрянула, обхватила ладонями его плоть и подняла глаза.

Девлен всегда выражал словами свои желания. Так не последовать ли и ей его примеру?

– Я хочу, чтобы ты извергся у меня в руках, Девлен.

Она крепко обхватила его естество, вылив на него остатки мыла, и ее пальцы заскользили по гладкой, упругой коже.

– Какое расточительство, Беатрис.

Глаза Девлена сверкали страстью, все тело пылало. Внезапно Беатрис пронзило острое желание слиться с ним воедино, ощутить внутри себя его плоть, но это могло и подождать. Сейчас ей хотелось завершить начатое.

Еще одно движение ее рук, и веки Девлена дрогнули и сомкнулись.

– Открой глаза, Девлен. Посмотри на меня. – Она лизнула его набухшую плоть, не сводя с него сияющих глаз. Лицо Девлена исказилось, глаза потемнели от желания. – Какой сладкий вкус. Это твоё мыло? Или ты сам? – Еще одно движение языка. – Ты создал своё мыло специально для этой цели? Какая изобретательность!

Ее пальцы сжались и снова заскользили вверх и вниз, лаская и дразня. Плоть Девлена в ее руках становилась все тверже и горячее.

– Какой чудесный инструмент, – восхищенно выдохнула она, щекоча его кончиком языка. – Теперь ты кажешься соленым на вкус.

Пальцами Девлен крепче вцепился в волосы Беатрис, а кольцо ее рук плотнее сомкнулось вокруг него. И вскоре они оба уже двигались в едином захватывающем ритме.

– Ты уже скоро, да, Девлен?

– Так ты этого хочешь?

– О да!

– Тогда твоё желание сейчас исполнится.

– Давай же, Девлен, я хочу попробовать тебя на вкус.

– Черт возьми, Беатрис...

Вот когда она поняла, что Девлен всецело принадлежит ей. Его плоть жарко пульсировала в ее руках, на кончике ее дразнящего языка. Беатрис торжествующе улынулась. Он снова прошептал проклятие. Его тело выгнулось и застыло, сотрясаемое дрожью, и волна блаженства захлестнула его.

Через несколько долгих мгновений он притянул к себе Беатрис и приник губами к ее губам. В его поцелуе смешались восхищение и ярость. Беатрис пришлось ухватиться за него, чтобы не упасть. Она прижалась к Девлену всем телом. Ее платье намочило от воды, но она этого не замечала. Ей хотелось смеяться от счастья. Девлен, ошеломленный и обессиленный, беспомощно затих в ее объятиях.

И в этот миг Беатрис с удивлением вдруг поняла, что влюбилась.

Глава 28

Беатрис сидела на кожаном диване в библиотеке Девлена, а Роберт устроился на полу перед круглым столиком. Эта великолепная комната намного превосходила библиотеку Крэннок-Касла и числом книг, и роскошью мебелировки. Два необыкновенно мягких и удобных кожаных дивана располагались вдоль стен напротив зажженного камина, а между ними на низеньком круглом столе стояла огромная хрустальная ваза с цветами. На время занятий Беатрис предусмотрительно переставляла вазу на пол.

На украшенных изящной резьбой полках красного дерева теснились бесчисленные тома, переплетенные в кожу с золотым тиснением. Беатрис с любопытством рассматривала корешки, читала названия книг и поражалась, насколько обширны интересы владельца библиотеки.

Комната имела форму буквы L, и в дальнем ее конце помещался письменный стол Девлена. Гордон сидел, склонившись над бумагами. Время от времени он поднимал голову и улыбался Беатрис, а затем снова возвращался к работе.

– Сегодня мы поговорим о Плинии Младшем, – объявила гувернантка, с трудом заставив себя сосредоточиться на уроке. Куда охотнее она сидела бы и смотрела на Девлена. В своем небрежном утреннем наряде он казался необыкновенно привлекательным. Конечно, это было бы неправильно, к тому же она только зря потеряла бы время, а Девлен так и остался бы для нее загадкой. Беатрис тяжело вздохнула. Она понятия не имела, что же ей делать дальше.

Время. Никогда еще время не бежало так быстро, как в эти последние недели. Вот-вот должна была решиться судьба Роберта, но Беатрис опасалась, что в будущем вряд ли для нее найдется место рядом с мальчиком.

Главное – убедить Девлена, что Роберту никак нельзя возвращаться в Крэннок-Касл. Ребенку нечего делать в этом зловещем и мрачном месте. Что же до самой Беатрис, то ей придется искать себе новое место.

Камерон Гордон уволил ее, но голодать ей больше не придется. Она этого не допустит.

Что ж, можно остаться в доме Девлена на правах его любовницы. Если он захочет держать ее у себя, разумеется. И что за жизнь будет у нее тогда? Жизнь, полная роскоши и удовольствий. Но люди станут презирать ее. Ей придется постоянно ловить на себе неприязненные косые взгляды. Будет ли она обеспечена? Наверняка. Девлен всегда так щедр. Она станет любовницей богатого мужчины.

Любовницей Девлена.

Его содержанкой.

Жизнь быстротечна и может оборваться в любой момент. За последний год Беатрис хорошо усвоила этот урок. Даже юный Роберт успел убедиться, что в земной жизни нет ничего постоянного. Может быть, ей стоит вернуться домой и провести остаток дней в покаянии? Стать добродетельной женщиной и молиться об отпущении грехов? Или постараться прожить отведенное судьбой время как можно лучше, выбрать жизнь яркую, полную взлетов и падений?

Беатрис со вздохом вернулась к Плинию Младшему, стараясь не смотреть на Девлена.

Вместо того чтобы найти в доме подходящую комнату для занятий, Девлен предложил Беатрис заниматься с Робертом в библиотеке. Конечно, лучшей классной комнаты и пожелать было нельзя, но гувернантка и ее воспитанник делили библиотеку с хозяином дома.

Поначалу Беатрис чувствовала себя немного неловко – ведь ей приходилось давать уроки Роберту в присутствии Девлена, но он, казалось, не проявлял особого интереса к занятиям и сидел, погрузившись в свои бумаги. И все же несколько раз Беатрис ловила на себе его взгляд и замечала улыбку на его губах. Вот как сейчас.

– Вы находите мои уроки забавными?

– Вы так серьезны, мисс Синклер. Стараетесь, чтобы Роберт усвоил урок. Похоже, вас это очень волнует.

– Ну конечно, волнует. Разве я была бы хорошей гувернанткой, если бы меня это не беспокоило?

– А моим гувернерам было решительно все равно, – вмешался Роберт.

– А это потому, что вы подкладывали им лягушек в постель.

– Вам-то я подложил змею.

– В самом деле? – удивился Девлен.

– Да, – кивнула Беатрис.

– И что же сделала мисс Синклер? – поинтересовался Девлен.

– Она устроила змее похороны, – признался Роберт.

– У мисс Синклер доброе сердце.

Беатрис взглянула на Девлена и отвела глаза.

– Вы очень хорошая учительница, – серьезно добавил Девлен.

Беатрис вспыхнула от удовольствия и смущенно отвернулась.

– После обеда мне нужно будет съездить кое-куда по делам. Вы не хотели бы составить мне компанию?

Роберт радостно встрепенулся. Предложение Девлена привело его в восторг. В первое мгновение Беатрис готова была издать ликующий вопль, но прикусила язык. Она отрицательно покачала головой. Днем Беатрис была гувернанткой Роберта, а ночью – любовницей Девлена. Две ее роли никогда не наслаивались друг на друга. В библиотеке Девлен называл ее мисс Синклер, а в спальне – милой Беатрис.

– Думаю, будет лучше, если мы с Робертом вместо этого отправимся на прогулку. Из-за снега мы слишком долго не выходили из дома. Нам нужно размять ноги.

– Недалеко отсюда есть несколько магазинов, которые, вероятно, придутся вам по душе. – Девлен лукаво взглянул на Роберта. – Вы обязательно должны заглянуть в кондитерскую мистера Макелуи. Там делают превосходные конфеты.

Роберт снова воодушевился. Беатрис улыбнулась ему и кивнула:

– В последнее время вы усердно трудились. Думаю, вы заслужили награду.

Утренние занятия закончились. Девлен первым покинул библиотеку. Уходя, он оставил на столе кошелек.

– Здесь немного денег, это вам на покупки.

Беатрис не стала спорить, а просто поблагодарила его.

День выдался холодным, но солнце светило ярко. Беатрис закуталась в свою накидку и проследила, чтобы Роберт тоже оделся тепло. Мальчику нужны были новые перчатки, а пока он одолжил перчатки у Девлена. Конечно, они оказались слишком велики для него, но Роберт и слышать не хотел ни о чем другом и комично размахивал огромными ручищами перед носом у Беатрис.

Она повязала мальчику на шею шарф и озабоченно нахмурилась. На улицах по-прежнему лежали сугробы. Нужно было тщательно выбирать дорогу, чтобы не увязнуть в снегу.

– Мы поедem в экипаже, мисс Синклер?

– Я очень устала от езды в карете, Роберт. А вы?

Немного поколебавшись, мальчик кивнул, но Беатрис показалось, что вид у него недовольный.

– Прогулка пойдет нам на пользу, вот увидите. Мы вернемся к обеду и как раз успеем проголодаться.

– Я уже сейчас голоден.

– Да уж, вы всегда голодны. – Она ласково взъерошила ему волосы.

Роберт не стал вступать в пререкания, и уже через полчаса, шагая по вымощенным булыжником узким улочкам Эдинбурга, Беатрис порадовалась про себя, что предпочла прогуляться пешком, а не трястись в карете.

Лондон всегда привлекал множество путешественников из самых разных стран, и Эдинбург, похоже, пользовался не меньшей популярностью. Беатрис различила французскую речь и еще три языка. Немецкий был ей немного знаком, а два других она так и не смогла распознать. Недолго думая, Беатрис остановилась и с любопытством прислушалась.

Город располагался на холмах, так что прогулка оказалась делом непростым. Аккуратные улицы и аллеи новых кварталов Эдинбурга, где находился дом Девлена, составляли резкий контраст со Старым городом.

– Должно быть, жители Эдинбурга много читают, – заметила Беатрис, когда они миновали очередную книжную лавку.

– Да. А конфеты они любят? – Роберт недовольно нахмурился, всем своим видом давая понять, что давно пора отправиться на поиски кондитерской.

Беатрис спросила у прохожего дорогу и вскоре привела мальчика к кондитерской, которую советовал посетить Девлен. Там Беатрис потратила часть денег на самые разнообразные

сладости, включая шоколад с изюмом, засахаренные орехи и что-то необыкновенно изысканное под названием «Шотландский крем». Уступив настойчивым просьбам Роберта, она попробовала одну конфетку, но стоило откусить кусочек, как на глазах у нее выступили слезы. Беатрис показалось, что в голове у нее что-то взорвалось.

– Жгучая, правда, мисс Синклер?

Беатрис, беспомощно глотая воздух, помахала рукой перед лицом. Она почувствовала вкус гвоздики и корицы, но в огненной конфете было что-то еще. Должно быть, имбирь и перец.

– Похоже, вы подложили еще одну змею ко мне в постель, да?

Впервые за долгое время мальчик весело рассмеялся, и Беатрис подумала, что ради этого стоило проглотить обжигающую конфету.

Выходя из кондитерской, она заметила карету, похожую на экипаж Девлена, но не придала этому значения. Однако немного погодя, успев посетить книжную лавку, Беатрис с удивлением обнаружила, что все та же карета медленно движется за ними вдоль оживленной улицы. На этот раз девушка внимательнее пригляделась к экипажу.

Ей показалось, что она узнала упряжку. Беатрис не особенно разбиралась в лошадях, но необычная масть великолепных животных бросалась в глаза.

Может быть, Девлен послал за ними карету?

Беатрис прошла несколько шагов, прежде чем заметила, что Роберт отстал. Она обернулась и увидела, что мальчик стоит у обочины, глядя на дохлую крысу.

– Пойдемте, Роберт.

– Она мертвая.

– Роберт!

Мальчик поднял голову, и в глазах его мелькнуло знакомое упрямое выражение. Он пнул ногой крысу и поспешно отступил, когда в воздух поднялась целая туча мух.

Экипаж медленно приближался, и Беатрис охватило странное чувство, что все это уже происходило однажды. Она отчетливо вспомнила, как впервые увидела карету Девлена на извилистой горной тропе, ведущей в Крэннок-Касл.

Роберт зашагал к ней, но карета неожиданно повернула и двинулась прямо на мальчика. На мгновение Беатрис в ужасе застыла, но сейчас же опомнилась, бросилась к Роберту, сгребла его в охапку и потащила за собой к низкой каменной стене, тянувшейся вдоль края дороги. Подхватив мальчика под мышки, она одним рывком подняла его вверх и помогла вскарабкаться на стену. Башмаки Роберта царапнули ее по лбу, когда она его подсаживала.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста». Отступать было некуда. Экипаж надвигался прямо на нее. Беатрис закрыла лицо ладонями и вжалась в стену. Не в силах думать, она лишь отсчитывала про себя крошечные секунды. Ей хотелось бежать, бежать как можно быстрее, но ловушка захлопнулась. Девушка раскинула руки, стараясь слиться со стеной. Лошади приближались, их горячее дыхание опалило щеку Беатрис. Испуганное конское ржание слилось с пронзительным воплем ужаса.

«Помогите!»

* * *

– Это все. – Девлен кивнул секретарю.

– Сэр?

– Я не могу работать.

– Вы хорошо себя чувствуете; сэр?

– Отлично, черт побери.

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить, сэр? Может быть, мне следует вызвать миссис Андерсон? Она принесла бы вам чашку чаю. Или шоколада.

– Я не голоден, Лоренс. Я просто не в состоянии работать.

– Вы должны принять решение относительно новой текстильной фабрики, сэр.

– Позже.

– А как быть с чертежами нового судна?

– Завтра.

– А переговоры насчет рудника, сэр? В Уэльсе. Это не может ждать.

– Вы когда-нибудь влюблялись, Лоренс?

– Сэр?

Лицо молодого человека залилось краской. Девлен высоко ценил деловую хватку и чутье Лоренса, но молодость секретаря подчас вызывала у него досаду.

– Забудьте об этом. – Девлен небрежно переворошил пачку бумаг на столе. – Думаете, моя империя рухнет, если я сегодня не поработаю?

– При всем моем уважении, сэр, вы не работаете вот уже почти три недели, если не... – Лоренс еще гуще покраснел.

Девлен предпочел промолчать в ответ на обвинение Лоренса. Секретарь сказал правду.

За последние недели у Гордона накопилось немало дел. И помимо них оставался еще нерешенный вопрос об опеке над Робертом. Девлен собирался оспорить опеку отца. Существовала слабая вероятность, что суд передаст мальчика на попечение кузена. Девлену не хотелось сражаться с отцом, особенно в суде. Его вовсе не привлекало, что все случившееся получит огласку, однако благополучие Роберта он ставил выше репутации отца.

Но как, черт возьми, перестать думать о Беатрис? Девлен пришел в контору на верфи, чтобы закончить кое-какую работу, проверить опись разгружаемых товаров и встретиться с двумя капитанами, а вовсе не для того, чтобы сидеть за столом, изображая слабоумного юнца, и мечтать о Беатрис, будто они не расстались с ней всего каких-нибудь пару часов назад.

Девлен мечтательно вздохнул. Одно воспоминание было ему особенно дорого. Однажды Беатрис с Робертом разбирали «Жизнеописания» Плутарха, и когда Девлен спросил, не слишком ли рано мальчику читать подобные книги, Беатрис улыбнулась в ответ:

- Роберту не нравятся басни Эзопа. Плутарх же пишет о людях, существовавших в действительности. Жизнь и деяния этих людей служат нам уроком.

- Вы сами всегда так учились? Каждый урок непременно должен содержать в себе мораль?

Беатрис ненадолго задумалась.

- Мой отец как-то сказал, что животные учат своих детенышей естественно и незаметно. Котенок повинуетя матери или, возможно, следует своей природе, в то время как ребенок не имеет ни малейшего представления о тех уроках, которые когда-то усвоили его родители. Этот пробел должно восполнить образование. Мы учимся на ошибках и успехах других. Недостаточно уметь складывать колонки цифр или знать, как пишутся стихи. Нужно больше узнавать о человеческой жизни.

Только так можно сделать ее лучше.

- Знания сделали вашу жизнь лучше?

Беатрис посмотрела на него и улыбнулась:

- Некоторые считают, что женщине ни к чему тратить время на образование. Мне не раз приходилось это слышать. Но Плутарх научил меня принимать жизнь со смирением, без гнева.

- Думаю, гнев тоже нужен. Жизнь стала бы только лучше, будь в ней меньше логики и больше чувства.

- Вы думаете, я не испытываю никаких чувств?

- Мне кажется, вы запрятали их так глубоко внутрь, что они вас почти не тревожат. Даже Плутарх признавал, что человек слаб. Он говорил, что люди могли бы вознестись на небо и принять обличье ангелов, если бы не человеческие страсти.

- А еще он верил, что люди обречены умирать и рождаться снова. А вы в это верите?

- Ловкий способ уклониться от темы разговора. Да, мисс Синклер?

Потом Девлен встал и вышел из комнаты. Он боялся, что не сможет удержаться и поцелует Беатрис на глазах у Роберта и у молодой служанки, которая внесла в комнату поднос с печеньем и шоколадом.

Какой у нее чарующий голос! Низкий и глубокий. А когда она говорит, кажется, вот-вот раздастся ее пленительный смех. В уголках ее губ всегда таилась улыбка, а сами губы, очаровательные, дразнящие, просто сводили его с ума. Подчас желание вскочить из-за стола, пересечь комнату и поцеловать Беатрис становились нестерпимым.

Беатрис. Это имя вовсе не подходит ей, и в то же время оно неотделимо от нее. Это имя слишком скромно и обыденно для такой страстной натуры. И лишь он один знает, какой необузданной и даже распутной может быть эта женщина.

Девлен откинулся на спинку стула, захваченный вихрем воспоминаний. Он всегда будет

помнить то чудесное утро, когда любовался спящей Беатрис. Солнечные лучи по-кошачьи опасливо прокрались в комнату, скользнули по ковру и мягко коснулись ног девушки, а затем, осмелев, расцвели яркими пятнами руку и щеку. Беатрис сонно заморгала, прикрыв глаза рукой, согретой солнечными лучами, и радостно улыбнулась Девлену. В этот миг она была так прекрасна, что у него перехватило дыхание от нежности. Но к восхищению примешивалось какое-то другое щемящее чувство. Внезапно жестокий, жгучий безотчетный страх сдавил его сердце. Что делать, если Беатрис вдруг покинет его? Нет, этого он не допустит.

Где теперь они с Робертом? Нашли ли кондитерскую? Наверное, Беатрис устала подниматься по бесконечным холмам Эдинбурга. Не нужно ли послать за ней карету? Как же удержать ее? Как не дать ей уйти?

Слишком много вопросов. Но им, к сожалению, суждено было остаться без ответа.

Экипаж промчался в каком-то дюйме от Беатрис. Ее обдало жарким конским дыханием и больно стегнуло по спине упряжью. Ось колеса задела ее лодыжки и порвала юбку. Цокот копыт по булыжнику смешался с грохотом колес, испуганным конским ржанием и истошными криками Роберта.

Когда карета пронеслась мимо, Беатрис, цепляясь за стену, медленно сползла вниз и села на мостовую. Ее ободранные о кирпич ладони кровоточили.

– Мисс! С вами все в порядке? – Ее тут же окружили прохожие – горстка незнакомых людей с совершенно белыми лицами. Должно быть, такое же лицо было и у нее самой.

– Так ездить – настоящее преступление!

– У вас кровь, мисс. – Какая-то женщина сунула надушенный лавандой платок в руку Беатрис, и та прижала его к порезу на губе.

– Мисс Синклер! Мисс Синклер!

Беатрис согнулась, привалившись к стене. Карета пронеслась по многолюдной улице, прохожие оборачивались ей вслед, а вокруг пострадавшей уже собралась порядочная толпа. Люди выражали сочувствие Беатрис и громко возмущались возницей-лихачом. Девушке пришлось встать. Сидя на мостовой, она привлекала к себе все больше внимания.

Беатрис с трудом поднялась. Ноги ее подгибались.

– Мисс Синклер! – Она обернулась и увидела Роберта. Как же ему удалось слезть со стены? – Мисс Синклер, вы хорошо себя чувствуете?

«Нет», – хотелось сказать Беатрис, но она заставила себя улыбнуться:

– Как вы, Роберт?

– Это случилось снова, да?

Беатрис хорошо поняла, что имел в виду мальчик. Кто-то пытался переехать его, нарочно выбрав для этого экипаж, похожий на карету Девлена.

– Это был Томас, мисс Синклер.

- Томас?

- Кучер. Он служит у моего дяди.

Беатрис прижала руки к груди, мысленно призывая себя сохранять спокойствие, потом схватила мальчика за руку и потащила за собой к дому Девлена. Идти пришлось под гору. Путешествие заняло довольно много времени. Девушка пыталась гнать от себя тревожные мысли, но ей не удавалось побороть страх. Не отставая, он плелся за ними по пятам словно назойливый провожатый.

Роберт шел молча. Беатрис хотелось ободрить его, заверить, что ему ничто не угрожает, но лгать она не умела. Оказывается, в Эдинбурге маленькому герцогу грозила такая же опасность, как и в Крэннок-Касле.

Когда они вошли в кованые железные ворота и оказались у дома Девлена, Беатрис почувствовала, как напряжение отпускает ее. Девлен наверняка что-нибудь придумает. Поймав себя на этой мысли, девушка резко остановилась. Неужели она готова доверить Девлену жизнь Роберта и свою жизнь?

- Мисс Синклер.

Она взглянула на Роберта. Мальчик смотрел на стоявшую перед домом карету.

- Эта карета не похожа на экипаж вашего дяди.

Беатрис потянула Роберта за руку, обогнула карету и открыла парадную дверь. В холле оживленно беседовали миссис Андерсон и незнакомая женщина.

Элегантная черная накидка гостии спадала к ее ногам мягкими складками, и Беатрис решила, что она, должно быть, сшита из очень тонкой шерсти. У ворота накидка застегивалась на жемчужные пуговицы, белый меховой воротник оттенял голубые глаза, нежный цвет лица и золотисто-каштановые волосы дамы, уложенные с хорошо продуманной небрежностью.

Незнакомка казалась маленькой и изящной. Рядом с ней Беатрис почувствовала себя настоящей великаншей. Все в этой женщине было миниатюрным – от крошечной остроконечной туфельки, выглядывавшей из-под края накидки, до точеной ручки, сжимавшей белую меховую муфту.

- Кто вы? - Даже голос ее казался женственно-слабым, слегка приглушенным, словно его обладательница была слишком хрупкой, чтобы вдохнуть полной грудью. Пожалуй, подобное усилие и в самом деле могло оказаться роковым для грудной клетки этого эфемерного создания, слишком легкого и воздушного, чтобы быть человеческим существом из плоти и крови. - Миссис Андерсон, кто эта женщина? - спросила она с легкой шотландской картавостью. Наверняка знакомые мужчины находили ее выговор очаровательным.

Миссис Андерсон даже не взглянула на Беатрис.

- Его светлость герцог Брикин и гувернантка герцога, мисс Синклер.

- Кузен Девлена, - задумчиво произнесла незнакомка, не обращая внимания на Роберта, который явно ее не заинтересовал. Мальчишка был слишком зелен, чтобы испытывать на нем свои чары. - Я подожду Девлена в библиотеке.

Беатрис обратилась к миссис Андерсон:

– Вряд ли это будет уместно. Девлен не любит, когда кто-то заходит в библиотеку в его отсутствие.

Женщина обернулась и окинула Беатрис внимательным взглядом.

– Вы довольно развязны для гувернантки. – Она на мгновение задумалась и усмехнулась. – Собираетесь завлечь его к себе в постель, верно? – Ее глаза мстительно сузились. – Или уже заманили? Девлен неплохо устроился. Вы служите ему днем, обслуживаете ночью, и все за одну и ту же плату. У Девлена всегда была отличная деловая хватка. – Она неспешно расстегнула накидку, и Беатрис увидела зеленое шелковое платье, облегавшее не в меру пышные формы гостьи. – Он и вам дарит подарки? – Незнакомка прикоснулась к бриллиантовому ожерелью у себя на шее. – Это самый последний знак внимания.

«Любовница Девлена», – подумала Беатрис.

– Не в моем вкусе, слишком кричаще, – холодно заметила Беатрис. – Я предпочитаю жемчуг. Он гораздо элегантнее. – Фелисия улыбнулась, но глаза ее вспыхнули опасным огнем. – Вам лучше поблагодарить Девлена в ванной комнате. Он питает к ней слабость.

Не дожидаясь ответа Фелисии или замечания почтенной миссис Андерсон, Беатрис взяла Роберта за руку, повернулась и вышла за дверь.

– Куда мы идем, мисс Синклер?

– В какое-нибудь безопасное место.

– Где нас никто не найдет?

– Да.

– Мисс Синклер, вы дрожите.

– Мне холодно, только и всего.

Беатрис действительно дрожала, но не от холода и даже не от страха.

Ее душил гнев, такой же жгучий, как конфета, которую она попробовала в кондитерской. Как он мог? Как посмел пригласить в дом свою любовницу, зная, что там она столкнется с гувернанткой?

Но стоило ли винить Девлена? Может, она сама во всем виновата? Ей так хотелось волнующих приключений, что она окончательно потеряла разум. Нарочно гнала от себя сомнения и в погоне за удовольствиями не желала прислушиваться к голосу рассудка и увещаниям совести.

Ей следовало быть мудрее, рассудительнее. Разве можно быть такой наивной и легковерной? Но вместо этого она отдала Девлену всю себя: свою привязанность, свое тело, свое доверие и дружбу. Свою любовь.

– Мисс Синклер.

– Все хорошо, Роберт. Все будет хорошо.

Беатрис раскрыла сумочку и достала деньги, оставленные Девленом им на покупки. Он явно не поскупился. Купленные в кондитерской сладости должны были обеспечить Роберту резь в желудке по меньшей мере на неделю. Но и оставшихся денег вполне хватало на то, чтобы покинуть Эдинбург.

Беатрис остановилась на пересечении улиц и задумалась. Куда свернуть, где найти наемный экипаж? Это оказалось довольно просто. Она спросила прохожего, и тот указал ей на ближайший постоялый двор. Трактирщик в свою очередь отправил ее в конюшню. Владельцу кареты вовсе не улыбалось везти пассажиров в один конец, и Беатрис пришлось предложить ему двойную цену.

- Нам нужно попасть в Килбридден-Виллидж, - пояснила она, давая указания вознице.

- Я знаю это место, но туда путь неблизкий, мисс. Деревня стоит на отшибе. Лучше бы вам выбрать Инвернесс. - Роберт не проронил ни слова, только смотрел широко открытыми глазами. За все время он не задал ни одного вопроса. Молчание красноречивее всяких слов выдавало чувства мальчика. - Возвращайтесь через час, и мы отправимся в путь.

- Мы поедем немедленно.

Извозчик с подозрением посмотрел на Беатрис и сплюнул на землю.

- Я даже не успел пообедать.

- Ваши лошади отдохнули, верно? Они накормлены и напоены. Что вам еще нужно?

- Вы от чего-то бежите, мисс? Я не повезу преступников, так и знайте.

- Я ничего не сделала. Но нам с сыном нужно срочно уехать сегодня же днем.

- Дороги нынче плохие; может статься, нам придется где-то заночевать.

- У меня достаточно денег, чтобы заплатить за ночлег.

- Так это ваш сын? Что-то он на вас совсем не похож.

- Мамочка, - вмешался Роберт, - я хочу леденец.

- Не сейчас, потом. - Беатрис пригладила волосы мальчика, удивляясь тому, как быстро они оба превратились в отъявленных лжецов.

- Ладно, забирайтесь внутрь, сейчас отправимся. - Возница еще немного поворчал, прежде чем подвести пару лошадей к передку кареты.

Беглецы забрались в экипаж, и там, в тишине, Роберт задал вопрос, которого так боялась Беатрис:

- Девлен тоже желает моей смерти?

- Не знаю.

Беатрис не хотелось, чтобы Девлен оказался замешан в эту ужасную историю. Нет, это невозможно. Она не могла так ошибиться в нем. Девлен любит кузена, в этом нет сомнения;

достаточно увидеть их вместе.

Но что он чувствует по отношению к ней?

– Я отказался бы от титула, если бы мог, – сказал вдруг Роберт. Беатрис взглянула на него и увидела, что мальчик плачет. При виде этих безмолвных слез сердце ее мучительно сжалось. – Я не хочу быть герцогом.

Беатрис закутала ребенка в свою накидку. Ей и самой хотелось расплакаться. Испуганная, подавленная, она не знала, что делать. Рука Роберта скользнула в ее ладонь, и на сердце у девушки потеплело. Беглецы сидели в карете, тесно прижавшись друг к другу, пока возница готовил экипаж. Слава Богу, мальчик ни о чем не спрашивал. Беатрис искала для него слова утешения и не находила.

Лишь чудом маленький герцог сегодня избежал смерти.

Глава 29

Путь домой занял у беглецов пять часов. Они добрались бы куда быстрее, если бы извозчик спешил, но экипаж еле тащился, а возница постоянно жаловался на дороги. Возможно, дороги и в самом деле могли быть лучше. Земля обледенела, но за время путешествия им не встретились ни снежные заносы, ни колдобины. Беатрис не сомневалась: если бы вознице платили за расстояние, а не за проведенные в пути часы, карета мигом домчала бы их в Килбридден-Виллидж.

Когда они наконец въехали в деревню, уже стемнело. На небе высыпали звезды. Пустой дом Беатрис выглядел заброшенным и унылым. Соломенная крыша покосилась. Стены из камня, добытого в местной каменоломне, после дождя стали грязно-бурыми. Весной их оживлял буйно разросшийся зеленый плющ, но сейчас, голые и обшарпанные, они казались жалкими и убогими. Да, не слишком подходящее место для герцога Брикина.

Беатрис вышла из кареты и расплатилась с возницей, затем взяла Роберта за руку и повела по тропинке к дому. Когда она отодвинула засов и вошла, ее охватило странное чувство, словно она вернулась сюда после долгих лет, хотя прошло всего несколько недель. Беатрис замерла на пороге. На нее вновь нахлынули воспоминания.

«Почему они строили такие странные дома, папа?»

«Эти здания называются пирамидами, Беатрис. Египтяне возводили их, поклоняясь своим богам».

«Беатрис Энн Синклер, что это ты делаешь? Слезай оттуда сейчас же!» Но как ни старалась мама сделать строгое лицо, она не смогла удержаться от смеха при виде мужа и дочери, устроившихся высоко на дереве.

«Это гнездо, мама. Папа думает, что оно орлиное».

«Но я не хочу оставлять вас, папа. Я всегда буду жить с вами. Клянусь! Не сойти мне с этого места».

«О нет, Беатрис, когда-нибудь ты уйдешь. И это будет славно. Знаешь ли, дети даются нам взаймы, на время. Это дары, которые приходится возвращать, когда наступает срок».

Роберт вошел в дом вслед за Беатрис, и девушка невольно задумалась, каким увидел мальчик ее жилище. Скромная комната, три окна и дверь, деревянный пол, местами покоробившийся от старости. У очага половицы особенно отчаянно скрипели.

В кухне стоял старый квадратный стол с двумя стульями, занавески на окнах сшила несколько лет назад мать Беатрис. Вечерами она сидела у огня и аккуратными стежками подрубала края вышитого полотна. Сама Беатрис любила устроиться на коврик у очага, слушая, как разговаривают родители или как отец читает вслух. Напротив камина помещались два мягких кресла, а между ними – маленький столик со светильником и небольшим запасом свечей. Боковая дверь вела в комнату родителей и к лестнице на второй этаж, где находилась спальня Беатрис. Скромное, но милое и уютное жилище ничем не напоминало величественный и холодный Крэннок-Касл. В этом опустевшем доме по-прежнему царила любовь. Казалось, сам воздух здесь напоен покоем и безмятежностью. А в Крэннок-Касле властвовали зловещие тени и призраки злодейства.

А в Эдинбурге? Но Беатрис не могла сейчас даже думать об Эдинбурге.

Она зажгла свечи, опустилась на колени и развела огонь в очаге. Комната промерзла насквозь, и нужно было топить несколько часов, чтобы прогреть дом. Беатрис открыла дверь в крохотную, но удобную спальню родителей, где все оставалось нетронутым со дня их смерти.

– Вы будете спать здесь, – сказала она Роберту, который, удивленно раскрыв глаза, разглядывал незнакомый дом. С тех пор как они покинули Эдинбург, мальчик был тих и не разговорчив.

Ни в кладовой, ни в погребе еды не было. Мальчик и гувернантка присели на край кровати в родительской комнате и поужинали остатками конфет. Когда Беатрис уложила Роберта в постель, он робко прошептал:

– Можно мне оставить зажженную свечу, мисс Синклер? Пожалуйста. – Его голос звучал испуганно и совсем по-детски.

– Ну конечно, – улыбнулась Беатрис и ласково отвела прядь волос со лба мальчугана. Прежде чем он успел возмутиться, она наклонилась и поцеловала его в щеку. Ее вдруг охватила щемящая, почти материнская нежность к этому одинокому ребенку, двенадцатому герцогу Брикину. – Доброй ночи, Роберт.

– Вы будете рядом?

– Здесь, наверху. – Беатрис показала рукой на потолок. – Вам стоит только позвать, и я мигом прибегу.

Мальчик кивнул.

Беатрис уселась в большой комнате у очага и принялась смотреть на огонь. Ее сотрясала дрожь, но исходившее от камина тепло не могло ее согреть.

Возможно, она совершила ошибку, когда покинула Эдинбург, не поговорив с Девленом. Но важнее всего для нее – безопасность Роберта, а ее собственные желания могут и подождать. Так значит, она подозревает и Девлена? Если бы она только могла ответить на этот вопрос.

Беатрис встала и сделала круг по комнате. Она прикоснулась к столу, за которым обедала вместе с родителями, провела рукой по каминной полке, на которой когда-то стояли любимые

мамины безделушки – фарфоровые статуэтки пастуха и пастушки. После эпидемии Беатрис пришлось их продать, чтобы заказать могильную плиту для родителей.

Она обхватила каминную полку и прильнула к ней, склонив голову на руку. В лицо ей дохнуло жаром.

Что бы подумал о Девлене ее отец? Пожалуй, он бы посоветовал ей остерегаться мужчины с такой чарующей улыбкой. Девлен Гордон – любимец женщин, растлитель невинных, охотник на единорогов. А вот мать Беатрис пришла бы от него в восторг.

Девушка повернулась и подошла к креслу, в котором любил сидеть ее отец. Обивка все еще хранила запах табака от его трубки.

Господи, неужели ей придется пережить еще и это? Ее пронзила боль, такая острая, словно со свежей раны сорвали повязку. До сих пор, до этой самой минуты, ей казалось, что она готова вынести все, но только не предательство. От отчаяния у нее перехватило дыхание, в глазах потемнело.

Беатрис обхватила себя руками и согнулась, сиюсь сдержать пронзительный тоскливый вой, рвавшийся из груди. Ей хотелось закричать в голос, но она боялась испугать Роберта. Девушка соскользнула на пол, упала на колени, уткнулась лицом в обивку кресла и беззвучно заплакала.

«Девлен...»

Слезы ручьем текли из ее глаз. Она оплакивала родителей, горевала о постигшей Роберта утрате и прощалась с той девушкой, которой когда-то была. Оплакивала свою невинность, чистоту души – не тела. Оплакивала предательство Девлена и свою любовь к нему. Любовь и отчаяние. Это чудовищное смешение чувств оказалось для нее слишком жестоким испытанием.

Никогда еще в жизни Девлен не испытывал подобного гнева.

Придя домой, он обнаружил, что Беатрис с Робертом так и не вернулись с прогулки. Несколько часов Девлен нервно расхаживал по библиотеке, успокаивая себя мыслью, что мальчик и девушка, должно быть, хорошо проводят время в городе. Но с наступлением сумерек он отправил на их поиски слуг.

Сначала он успокаивал себя, говорил, что не испытывает ничего, кроме досады, но к вечеру перестал разыгрывать невозмутимость. А после разговора с владельцем придорожной лавки Девлен уже не находил себе места от тревоги.

– Да, сэр, они чудом не угодили под колеса экипажа. Я видел маленького мальчика и даму с ним. Женщину едва не растоптали лошади, пока она старалась спасти мальчика. Великолепные лошади, кстати говоря. Две нары в одной упряжке. Чудные лошадки, просто загляденье! Таких не каждый день встретишь.

– Но больше вы их не видели?

– Лошадей? Ах, вы о женщине и мальчишке? Да они были на волосок от смерти! После такого я бы на их месте отправился в ближайший трактир и пропустил стаканчик виски. – Лавочник пожал плечами. – Нет, после я их не видел.

Девлену казалось, что карета движется слишком медленно, и он то и дело стучал в стенку кучеру, приказывая прибавить ходу. При мысли о том, какой опасности подверглась Беатрис, его охватил ужас, желудок свело судорогой.

«Но где же она, черт возьми?»

Девлен послал Сондерса в Крэннок, чтобы убедиться, что беглецов там нет. Он не думал, что Беатрис вернется в замок, но в отчаянии цеплялся за любую возможность разыскать ее. Вечером он решился нанести визит Фелисии. Девлен и понятия не имел, что Беатрис и его бывшая любовница встречались, пока миссис Андерсон не сказала ему. Значит, Беатрис все-таки побывала дома. Что ж, по крайней мере он получил ответ хотя бы на один мучивший его вопрос. Почему она не пришла домой? Она пришла и столкнулась там с Фелисией.

– Что ты ей сказала? – взволнованно спросил он.

– Ничего особенного. – Фелисия пожала плечами. – Так она ушла, милый? – Фелисия улыбнулась, вытянула руки и мягко коснулась ладонями груди Девлена.

«Словно кошка, которая осторожно трогает лапкой добычу, прежде чем выпустить коготки», – подумалось ему. Девлен не слишком жаловал кошек.

– Ах, Девлен, дорогой, тебе одиноко?

– Что ты ей сказала?

Фелисия отстранилась и отступила на шаг.

– Ты всегда такой ревнивый собственник, когда дело касается женщин, Девлен? Тогда мне, должно быть, страшно повезло, раз я удостоилась чести быть с тобой. – Она рассмеялась и распахнула капот, показывая соблазнительную пышную грудь.

Девлен раздраженно поморщился. Он знал наперечет все ее уловки. Эта женщина два года была его любовницей.

– Так ты влюблен в нее? Ах, Девлен, какая прелесть! Вот это забавно...

Девлен промолчал. Ему не хотелось спорить с бывшей любовницей, к тому же ему внезапно пришло в голову, что, возможно, Фелисия права.

Беатрис не могла вот так просто взять и уйти. Она никогда бы такого не сделала, особенно после вчерашней ночи. Или сегодняшнего утра. Прежде чем выйти из комнаты, она посмотрела на него как-то особенно ласково и тепло, в глазах была нежность. Девлен мог бы в этом поклясться.

Но ведь ее ничто не привязывало к нему, ничто не удерживало. Зачем ей оставаться? Наверное, ему следовало выделить ей крупное содержание и попробовать соблазнить деньгами, купить ее любовь. Или предложить ей какую-нибудь должность. Так он мог хотя бы держать ее у себя под замком какой-нибудь год или два, по ночам набрасываться на нее и так изнурять любовной игрой, чтобы у нее не оставалось сил выбраться из постели. Представив себе Беатрис, обессиленную от бесконечных ласк и мечтающую только о том, чтобы выспаться, а потом вновь заняться любовью, он на мгновение забыл о своем гневе.

Она пришла из Килбридден-Виллидж. Может, туда она и вернулась? Куда же еще ей идти?

Беатрис одна в целом мире, выбирать ей не приходится. У нее нет денег, и вдобавок она взвалила на себя заботу о несносном семилетнем герцоге.

При мысли о том, что Беатрис и мальчику, возможно, угрожает опасность, Девлен содрогнулся от ужаса.

Устав плакать, Беатрис не раздеваясь заснула в отцовском кресле, а пробудившись, почувствовала, что ноги затекли. За ночь дрова успели прогореть, и теперь в очаге едва теплились тлеющие угли. Беатрис медленно встала, распрямила одеревеневшую спину и сбросила тесные туфли. На щеке отпечатался след от подлокотника. После ночи, проведенной в кресле, трещала голова. Беатрис вспомнила, как нередко заставляла отца заснувшим в кресле.

Вечером им с Робертом пришлось довольствоваться конфетами, но с наступлением дня обязательно нужно было купить какую-нибудь еду. В Эдинбурге Беатрис привыкла есть три раза в день, и теперь в животе у нее урчало.

«Позже надо зайти к Джереми, – напомнила себе она. – Он наверняка знает, как найти мирового судью или другое должностное лицо. Человека беспристрастного, готового выслушать нашу историю и защитить Роберта. В конце концов, хотя бы герцогский титул заставит чиновников отнестись с должным вниманием к словам мальчика».

Денег хватит, чтобы продержаться неделю или две, если жить экономно. Но как быть дальше? Беатрис решила, что подумает об этом позже.

Она устало разгладила измятую юбку, натянула туфли и направилась на задний двор к колодцу. Колодезный ворот жалобно заскрипел, звякнула ржавая цепь, и Беатрис принялась вытягивать ведро. Вернувшись в дом с водой, она собралась развести огонь, но заметила посередине комнаты Мэри.

Служанка Ровены куталась в теплую меховую накидку. В руках она держала корзинку.

– Мисс Синклер, какой у вас усталый вид, – проговорила она, склонив голову набок.

– Что вы здесь делаете? И, коли на то пошло, как вы узнали, что я здесь?

– Девлен прислал в замок слугу, он вас ищет. А мы с братом решили заглянуть сюда, на всякий случай. Вы ведь помните моего брата Томаса? Кучера. А может, и не помните. Люди часто не замечают слуг, будто нас и на свете нет. Мы незаметные словно невидимки. – Мэри решительно шагнула вперед и поставила корзинку на стол. – Я принесла вам немного сдобы. Вообще-то, говорят, я неплохо пеку. Угощайтесь.

– Как мило с вашей стороны.

– А что это вы так недоверчиво смотрите?

– Я вас совсем не знаю. Почему вы вдруг решили угостить меня?

– Мисс Синклер. – Из спальни вышел Роберт. Он только что проснулся и сонно тер кулаками глаза.

Беатрис хотела подбежать к нему и толкнуть обратно в спальню, но не успела. Мэри вцепилась в нее и приставила к горлу нож. Беатрис ахнула от испуга и боли.

- Возьмите из корзинки кекс, Роберт. - Мэри усилила хватку, и Беатрис почувствовала, как из-под лезвия теплой стружкой потекла кровь. Она по-прежнему ничего не понимала. Но вот Мэри придвинула к себе корзинку и сняла салфетку. В корзинке лежали пышные кексы, посыпанные белым порошком, похожим на сахар.

«Мертвые птицы... Хлеб», - пронеслось у нее в голове.

- Не ешьте! - только и успела крикнуть она, прежде чем Мэри сдавила ей горло.

- Если не хотите, чтобы гувернантка умерла, ваша светлость, делайте, как я говорю. Вам не будет больно. Вы просто заснете, только и всего. А потом вы сразу встретитесь с отцом и матерью. Вы ведь скучаете по ним, верно?

Роберт протянул руку и взял кекс. В его широко открытых глазах застыл ужас. В семь лет ребенок готов поверить словам взрослого, даже если взрослый безумен. Но Беатрис знала: стоит Роберту откусить кусок, и Мэри перережет ей горло.

Соседние дома слишком далеко, помощи ждать неоткуда. К тому же никто не знает, что хозяйка домика вернулась в Килбридден-Виллидж.

- Я герцог Брикин! - закричал Роберт, бросив кекс обратно в корзинку. - Никто не смеет указывать мне, что делать!

Мэри яростно зашипела:

- Глупое дитя, вы хотите, чтобы мисс Синклер умерла?

Роберт снова взял в руки кекс и отвернулся. Его плечи поникли, взгляд погас. Беатрис хотелось крикнуть ему, чтобы он убежал, спрятался. Неужели мальчик позволит себя отравить ради нее? Какой чудовищный способ убедиться, что Роберт привязан к ней.

Скрипнула дверь, заставив Мэри вздрогнуть. Служанка обернулась, не выпуская из рук ножа. Кровь из горла Беатрис хлынула сильнее, голова закружилась, то ли от страха, то ли от потери крови.

Внезапно раздался грохот, словно разом выстрелила тысяча пушек, а потом наступила тишина. Но уже в следующий миг появился пронзительный тонкий звон. Этот звон все нарастал, и Беатрис не сразу поняла, что звенит у нее в ушах.

Мэри медленно сползла на пол, ее рот раскрылся и застыл недоуменной буквой О. И сразу же на полу рядом с ней распустился огромный темно-красный цветок. Нет, не цветок - кровь.

Глаза Беатрис расширились от ужаса. Она перевела взгляд на дверь. Там стоял Девлен с одним из дорожных пистолетов в руке. При виде его искаженного ненавистью лица Беатрис невольно вздрогнула. Ноги у нее подогнулись, и девушка безвольно упала в отцовское кресло, прижимая руки к горлу. Роберт стремглав бросился к Девлену.

Глава 30

- Почему? - Беатрис взглянула на Девлена и крепче прижала к себе Роберта. - Зачем Мэри это делала?

- К сожалению, та, что могла бы ответить на этот вопрос, уже никогда не заговорит.

Карета с шумом катилась по посыпанной гравием дорожке. Резкий, порывистый ветер яростно бросался на стенки кареты и пронзительно завывал, словно оплакивая Мэри.

- А ты что думаешь? – осторожно спросила Беатрис.
- Она сделала это во имя любви. Любовь превращает нас в безумцев.
- Любовь ее превратила в убийцу?
- Думаю, она хотела видеть моего отца герцогом, – объяснил Девлен.
- Неужели она так сильно любила Камерона, что решилась убить ребенка?
- Мэри пошла на это не ради него, а ради Ровены.

Беатрис закрыла глаза, прижалась щекой к затылку Роберта и тяжело вздохнула.

- Она хотела видеть свою госпожу герцогиней Брикин.
- Да, но я не думаю, что дело тут в честолюбии. Отец и Ровена после несчастного случая почти не оставались наедине. Отец жаждал стать герцогом. Титул сделал бы его счастливым, а значит, и Ровена была бы счастлива.
- Но когда в Роберта стреляли, обеих женщин не было в замке.
- Верно, но стоит присмотреться поближе к семье Мэри, и ты легко найдешь ее сообщника.
- Томас!

Беатрис отвернулась к окну. Весь день им пришлось провести в обществе мирового судьи – хмурого джентльмена, владевшего землями к северу от Килбридден-Виллидж. Ни титул Брикина, ни богатство Девлена не произвели на него особого впечатления.

- Как вы нашли мисс Синклер, сэр?
- Я спросил дорогу в деревне. Признаюсь, мне пришлось разбудить нескольких местных жителей, прежде чем я получил наконец ответ.

Оказывается, Томас привез сестру в дом Беатрис и ждал во дворе, пока Мэри осуществит свой безумный замысел. Девлен легко справился с ним, вручил своему кучеру второй пистолет, и велел стрелять, если Томас попытается бежать. Мировой судья приказал арестовать его и увести.

- Вы будете здесь, сэр, если понадобятся ваши свидетельские показания? – обратился к Девлену судья.
- Да.

Судья распорядился, чтобы тело Мэри доставили в Крэннок-Касл. Этот человек имел некоторый опыт в области медицины. По его настоянию Беатрис сняла повязку, которую наложила себе сама, и показала ему рану.

- Стоило той женщине чуть сильнее вонзить нож, мисс, и рана оказалась бы смертельной.

Судья туго забинтовал шею Беатрис и принялся давать ей наставления. Она слушала и время от времени кивала, стараясь не обращать внимания на сердитые взгляды Девлена.

Роберт надолго затих. Беатрис время от времени наклонялась и заглядывала ему в лицо. Мальчик не спал, но казался утомленным и бледным. Наконец усталость взяла свое. Роберт закрыл глаза и заснул, прижавшись к Беатрис. Его маленькое тельце отяжелело. Ничего удивительного: день выдался длинным и нелегким. Пришлось беседовать с судьей, отвечать на множество вопросов.

- Так это Томас столкнул Роберта с лестницы? - прошептала девушка, стараясь не разбудить спящего ребенка.

Девлен посмотрел на маленького кузена.

- Падение с лестницы - просто несчастный случай. Мальчик бежал слишком быстро, и к тому же без туфель, в одних чулках. Полы в Крэннок-Касле натирают воском до блеска.

- А что теперь будет с тобой? Тебя не арестуют?

- За то, что я застрелил женщину, которая пыталась тебя убить? Нет. Не забывай, она и Роберта собиралась отравить.

Беатрис кивнула.

- Я бы не хотела, чтобы тебя подвергли наказанию.

- Ничего не будет.

- Спасибо тебе.

- Я готов защищать каждого, кто пользуется моим покровительством.

Беатрис посмотрела на Девлена, но, встретив его холодный неподвижный взгляд, тут же отвела глаза.

- А как насчет Фелисии?

- Фелисии?

- Она приходила к тебе.

- И встретила тебя. Так ты поэтому уехала из Эдинбурга?

Беатрис украдкой взглянула на Девлена. Он вовсе не выглядел пристыженным.

- Я думала, что ты больше не видишься с ней.

Девлен сделал вид, что не слышал ее слов.

- Так вот почему ты уехала?

- Возможно, - выдохнула Беатрис. Гнев и страх мешали ей сохранять спокойствие. - Мне хотелось скрыться, найти безопасное место.

- А ты не подумала, что только со мной ты будешь в безопасности?
- Я не могла оставаться в твоём доме.
- Ты подумала, что я все еще встречаюсь с Фелисией?

Беатрис отвернулась и только потом кивнула:

- Да.
- Я порвал с ней сразу же, как только встретил тебя. С тех пор я виделся с ней лишь однажды, чтобы подарить убийственно дорогое бриллиантовое ожерелье.
- Она упоминала об этом.
- Тебе следовало остаться в Эдинбурге.

Беатрис повернулась к Девлену, и глаза ее гневно сверкнули.

- Я больше не у тебя на службе, Девлен. И не смей указывать мне, как себя вести. Я поступила так, как считала правильным.
- Простите мне мою дерзость, леди Беатрис.
- Ты пытаешься шутить?
- Поверь, я не вижу здесь ничего забавного.

Наступила напряженная, давящая тишина.

- Ты ведь могла спросить и меня о Фелисии, - произнес наконец Девлен. - Я думал, что мы доверяем друг другу.

Беатрис не ответила. Несколько минут прошло в молчании, прежде чем она заговорила:

- Если дорога еще больше заледенеет, ты не сможешь выбраться из Крэннок-Касла и окажешься в ловушке? - Вопрос прозвучал бесстрастно, едва ли не равнодушно.
- Нет. Всегда можно спуститься вниз, хотя бы пешком.

Становилось все холоднее. От измороси воздух казался густым, мутно-серым. Над землей поднимался туман, и карета двигалась очень медленно вверх по склону.

Девлен больше не пытался заговорить. Беатрис тоже молчала, не зная, что сказать. Она видела, что Девлен рассержен. Казалось, он готов взорваться от любого неосторожного слова Беатрис. Девушка отвернулась к окну. Сказать по правде, ей не очень-то хотелось видеть перед собой разъяренного Девлена. Это зрелище смущало ее и расстраивало.

У входа в замок Девлен первым выскочил из экипажа. Не сказав ни слова, он взял на руки Роберта, а Беатрис ничего не оставалось, кроме как последовать за ним вверх по лестнице в герцогские покои. Роберт так и не проснулся.

Девлен положил мальчика на кровать и вышел из комнаты, предоставив Беатрис снять с герцога башмаки и укрыть стеганым покрывалом. Девушка решила, что раздеть Роберта можно

будет потом, куда важнее дать ему выспаться. Комната ничуть не изменилась. Горничная привела в порядок постель и сменила полотенца, но в остальном спальня выглядела так, будто Роберт лишь ненадолго вышел и вернулся, а не отсутствовал целый месяц.

Подушки пахли свежими травами, из драпировок вокруг кровати тщательно выколотили пыль. Круглый столик у окна, натертый лимонным маслом, благоухал, наполняя комнату приятным ароматом. Все здесь было готово к приезду герцога Брикина.

Наконец-то мальчик вернулся домой, где впервые за долгие месяцы ему ничто не угрожало.

– Ты хотел меня видеть?

Ровена все еще на что-то надеялась. Впервые после разлучившей их трагедии Камерон послал за ней, и теперь она стояла перед ним на пороге библиотеки в привезенном из Лондона голубом шелковом платье, выгодно оттенявшем нежный цвет ее лица. Она тщательно подкрасила губы нежно-розовой помадой и воспользовалась особыми каплями, чтобы придать глазам загадочный блеск.

Взглянув на себя в зеркало, Ровена осталась довольна. Она походила на женщину, спешившую на свидание к любовнику.

– Мэри мертва.

– Да, я слышала об этом.

– Похоже, это известие тебя не слишком тронуло.

Ровена безразлично пожала плечами.

– Она была хорошей камеристкой.

– И это все, что ты можешь сказать? Она не расставалась с тобой десять лет. Так, кажется?

– А ты бы хотел, чтобы я оплакивала ее, Камерон? Вряд ли это удачная мысль. Скорбь только бросила бы на меня тень, верно?

– Когда мы впервые встретились, ты не была такой расчетливой, Ровена. Хотя, возможно, всему виной моя слепота. Влюбленный до безумия, я не замечал, какая ты на самом деле.

– Так ты был влюблен, Камерон?

Она направилась к столу, проклиная про себя это разделявшее их препятствие. Массивный письменный стол служил Камерону крепостью и надежно защищал его от остального мира. Тщательно отполированная деревянная преграда, благодаря которой Камерону удавалось держать слуг на почтительном расстоянии, мешала Ровене подобраться к мужу.

– Я решил, что будет лучше всего, если ты вернешься в Лондон.

Ровена застыла, не сводя глаз с лица Камерона.

– Почему? – выдохнула она наконец, не в силах скрыть разочарование.

– Потому что я не могу больше выносить тебя, дорогая Ровена. Один только запах твоих духов

вызывает у меня тошноту.

Она шагнула ближе.

– Я не понимаю...

– Я чувствую себя намного счастливее, когда не вижу тебя. Думаю, Лондон тебе подойдет, он достаточно далеко.

– Ты, должно быть, шутишь, Камерон? Не может быть, чтобы ты говорил это серьезно.

– Напротив, Ровена. Ты даже не представляешь, как я тебя ненавижу. – Ровена отшатнулась, словно от удара хлыстом. Презрительный и гневный взгляд Камерона заставил ее насторожиться. – Пока ты была в Лондоне, я виделся с доктором. Беседа была долгой и обстоятельной. Довольно любопытный получился у нас разговор. – Ровена ощутила мучительный приступ тошноты и прижала руку к животу, желудок свело судорогой. – Но вот чего я не могу никак понять: зачем ты это сделала. Неужели твоя ненависть ко мне так велика?

– Я люблю тебя. – Кровь отхлынула от лица Ровены. Руки и ноги похолодели.

– И ты хочешь, чтобы я в это поверил? Никогда. – Камерон резким движением выкатил кресло из-за стола и направил его к Ровене. Она не двинулась с места, но отвернулась, чтобы не видеть его искаженного ненавистью лица. – А как насчет Роберта? Ты ведь знала о Мэри и о том, что они с Томасом задумали? Давай же, говори! Будем откровенны друг с другом.

– Нет, не знала. Я не люблю мальчишку, но никогда не причинила бы ему зла. А ты, Камерон? Только не говори мне, что сильно горевал бы, если бы замысел Мэри удался.

– В отличие от тебя, Ровена, я не из тех, кто готов на все ради достижения собственных целей. Существуют вещи, на которые я не способен. Например, убить ребенка.

Он окинул жену равнодушным взглядом, и Ровену будто обдало холодом.

«Все кончено. Теперь наконец все кончено».

Она повернулась, чтобы оставить комнату, замок и мужа. Но Камерон заговорил снова:

– Не возвращайся никогда, Ровена!

Она помедлила в дверях, потом расправила плечи и заставила себя улыбнуться:

– Я не вернусь, можешь быть уверен. Но тебе будет не хватать меня, Камерон. Кто знает, может, ты даже будешь тосковать обо мне.

– Нет, мадам, на этот счет вы ошибаетесь. Скорее я стану мечтать о встрече с самим дьяволом.

Девлен поспешно собрался в путь.

Лошадьми правил Гастон. Прежде чем сесть в карету, Девлен обратился к нему с вопросом:

– Вы когда-нибудь были влюблены, Гастон?

Слуга, похоже, опешил. Вопрос застал его врасплох. Девлен уже подумал, что ответа ему не дожидаться, когда Гастон наконец заговорил:

- Да, мистер Девлен. Но это не такое уж нежное чувство, что бы там ни писали в книгах.

- В этом я с вами согласен. Это настоящее проклятие, верно? Крючок пронзает тебе сердце. И вот ты уже не можешь дернуться, а только ждешь своей гибели.

- И все равно вы всегда будете помнить это чувство, сэр.

Девлен хмуро кивнул.

- Я чувствую себя лососем, Гастон. Лососем с глупейшей улыбкой на лице.

Он сел в карету и закрыл дверцу, бросив угрюмый взгляд на замок.

Беатрис стоило прислушаться к советам мирового судьи и позаботиться о ране. Но станет ли она выполнять предписания доктора? Неужели теперь у нее на шее навсегда останется шрам? И каждое утро, глядя на себя в зеркало, она будет вспоминать о том, как едва не рассталась с жизнью из-за Роберта.

«Вот проклятие! Ну разве можно быть таким глупцом? Да-да, глупцом. Что толку это отрицать? С самого первого мгновения, с первой встречи я вел себя как законченный тупица. Похотливый идиот!»

Вот ее окно. Выглянет ли она, если бросить камешек? Никогда прежде Девлен не испытывал подобного смятения, неуверенности, но вместе с тем... решимости. Эта женщина заставила его рвать на себе волосы от отчаяния. Из-за нее ему пришлось бродить крадучись, полуодетым по собственному дому. Именно она вынудила его дать монашеский обет целомудрия.

Беатрис не место в Крэнноке. Гнетущая атмосфера замка не для нее, хоть Роберту больше и не угрожает опасность. Ей нужны смех, веселье, легкая дурашливость. Ходить в оперу, слушать музыку – вот что ей нужно. Он свозил бы ее к себе на мыльную фабрику. Беатрис наверняка понравились бы новые ароматы. Или на стекольный завод. Там она увидела бы самые последние образцы.

Он увез бы ее куда угодно, хоть на край света! Но вместо этого Девлен кивнул кучеру и сел в карету.

Может, разумнее было бы спуститься с горы верхом, выбрав надежную лошадь? Чем быстрее он покончит с этим делом, тем лучше.

- Девлен рассказал мне о том, что случилось. Пожалуйста, примите мои извинения, мисс Синклер, и позвольте мне вас поблагодарить. Я действительно ничего не знал.

Беатрис поспешно обернулась. Кресло Камерона бесшумно скользнуло по ковру. Бросив обеспокоенный взгляд на спящего мальчика, Беатрис вышла в коридор и там подождала старшего Гордона.

- Мне не нужны ни ваши извинения, ни ваша благодарность, мистер Гордон. Меня волнует лишь безопасность Роберта. Вы можете мне обещать, что с ним больше ничего не случится?

- Теперь я вижу, чем вы так околдовали моего сына, мисс Синклер.

- Не знаю, что на это ответить. По-вашему, я должна чувствовать себя польщенной?

- Вы без колебаний говорите то, что думаете, но при этом ухитряетесь быть очень женственной. Да, я обещаю защищать Роберта. Я сделаю для этого все, мисс Синклер. Не ради вас или себя, а ради него.

Беатрис направилась в глубину коридора, не слишком заботясь о том, последует ли за ней мистер Гордон. Но кресло Камерона плавно двинулось следом.

- Возможно, мой сын и влюблен в вас, мисс Синклер, но должен предупредить: он не знает жалости. - Беатрис промолчала, и Камерон продолжил: - А иначе как бы он создал свою империю? Расшаркиваясь и расточая улыбки? «Спасибо», «пожалуйста»? Он всегда привык добиваться своего и поступать так, как вздумается.

- Зачем вы мне все это говорите?

- У меня странное чувство, будто я за вас в ответе, мисс Синклер. Особенно после того, что вам пришлось вынести ради нас.

- Вы можете гордиться своим сыном.

- А я и горжусь им, но это отнюдь не значит, что я не замечаю его недостатков. Мой сын на редкость упрям, самоуверен и надоедлив, но он талантливый, великодушный, преданный и уж точно самый несносный из всех детей рода человеческого, которых я когда-либо в жизни любил.

- Он тверд и негибает, совсем как вы, мистер Гордон. - Беатрис обернулась и посмотрела в лицо Камерону. - Поставив перед собой цель, он идет к ней с той же решимостью.

Мистер Гордон недоверчиво изогнул бровь, точь-в-точь как Девлен, и Беатрис невольно улынулась.

- И когда же я успел проявить все эти качества?

- Вы легко могли погибнуть при крушении экипажа, мистер Гордон. Но вы выжили.

- Напротив, мисс Синклер. Меня лишь легко ранило. - Он улыбнулся, но от его улыбки у Беатрис по спине поползли мурашки. - Вы знаете, что такое любовь, мисс Синклер? Любишь так отчаянно, что готов отдать всего себя, без остатка? - Он испытующе взглянул на Беатрис. - О, я вижу, вам известно это чувство. Но иногда любовь превращается в свою противоположность, становится разрушительной и злой силой. - Камерон медленно отогнул плед, прикрывавший его ноги. До сих пор Беатрис думала, что отец Девлена парализован, но теперь она ясно увидела аккуратно подвернутые чуть ниже колен пустые брючины. - Это сделала моя жена. - Он опустил глаза, оглядывая себя, и горько усмехнулся. - Она приказала хирургу ампутировать мне обе ноги, хотя в этом не было нужды. Я мог бы потерять несколько пальцев, отделаться легкой хромотой и ходить с тростью. Повреждения не были серьезными.

Беатрис в ужасе попятилась.

- Но зачем?

- Зачем птичку сажают в клетку, мисс Синклер? Чтобы слушать ее пение. Мы ведь не думаем о свободе птицы, когда желаем доставить себе удовольствие. - Беатрис ухватила за стену. Ее

сотрясала дрожь. – Моя жена подозревала, что я интересуюсь другими женщинами. Вы готовы выслушать признание? Я не был ей верным мужем. И все же не думаю, что я заслужил такое жестокое наказание за свои грехи. – Беатрис потрясение покачала головой. – До недавнего времени я считал, что Ровена причастна к покушениям на Роберта. Она на такое способна. – Камерон направил кресло в конец коридора, к маленькому оконцу, и окинул взглядом гряды холмов в отдалении. – Я думал, что она хочет погубить Роберта и этим заслужить мое прощение. Получить отпущение грехов. Она предложила бы мне герцогскую корону взамен ног, которых сама же меня и лишила. Как будто одно другого стоит.

Беатрис замерла, не в силах вымолвить ни слова. Никогда еще ей не приходилось слышать ничего более чудовищного. Не зря ей всегда казался зловещим этот дом. Она открыла дверь в свою комнату. Ей вдруг захотелось быть как можно дальше от Камерона Гордона.

- Он уехал. – Камерон отвернулся от окна и посмотрел на Беатрис. – Девлен покинул замок.
- Да? – Она сцепила руки, стараясь спрятать поглубже свои чувства и выглядеть бесстрастной.
- Вы можете еще догнать его, если поспешите.
- Не думаю, что он захочет видеть меня снова.
- Любви всегда стоит дать еще один шанс, мисс Синклер. Если это настоящая любовь. – С этими словами Камерон развернул свое кресло и покатился прочь. Беатрис всегда казалось, что отец Девлена достоин жалости. Теперь же она увидела перед собой другого человека. Судьба заставила его измениться, но не сломила.

Она подошла к окну и посмотрела вниз, на подъездную аллею. Карета Девлена обогнула замок и исчезла из виду. Из своего окна Беатрис не могла видеть извилистую дорожку, ведущую вниз с горы.

«Странная прихоть – пускаться в путь с наступлением сумерек».

Солнце садилось. Угасающие лучи скользили по островкам нерастаявшего снега, озаряя мир золотистым сиянием.

Дорога делала петлю по крайней мере трижды. Беатрис знала: ближайший к замку склон одолеть невозможно, он слишком крут и опасен, но примерно на середине дороги по обеим сторонам тянулась земляная насыпь. Если перелезть через стену, можно пройти коротким путем и опередить карету. Главное – успеть перехватить Девлена, прежде чем экипаж спустится в долину.

Беатрис не стала брать накидку, решив, что без нее будет легче перебираться через стену, и ринулась к лестнице. Закатное солнце окрасило ступени в красный и оранжевый цвета. Какое счастье, что еще не стемнело! Но даже ночью оставалась надежда нагнать свою любовь. Беатрис сделала глубокий вдох и бросилась бежать. Один раз она упала, поскользнувшись на ледяной корке, но заставила себя подняться и снова побежала. И вот вдалеке она увидела карету Девлена.

«Господи, пожалуйста, задержи его. Не дай ему покинуть меня».

Добежав до того места, где дорога резко уходила в сторону и описывала петлю, Беатрис снова чуть не упала, но сумела сохранить равновесие, соскользнув к самому краю обрыва. Различив

впереди второй виток дороги, она бесстрашно устремилась к обочине и перекинула ногу через стену. Не останавливаясь и не раздумывая, а лишь взмолившись про себя, чтобы земля по ту сторону стены оказалась не обледеневшей, девушка принялась осторожно спускаться, цепляясь за низкие кусты. Миновав третий поворот, она почти догнала карету. Должно быть, Девлен вопреки обыкновению ехал очень медленно. А может, само провидение было на стороне Беатрис?

Она спустилась к самому подножию горы. Теперь нельзя было терять ни минуты. Беатрис встала на середине дороги, раскинула руки и закрыла глаза. Возможно, это судьба – погибнуть под колесами кареты Девлена?

Экипаж показался из-за поворота. Кучер закричал, вскочил и резко натянул вожжи, пытаясь остановить лошадей. Огромные колеса заскользили по узкой дороге. Беатрис в ужасе замерла. Ей показалось, что карета вот-вот опрокинется и сорвется в пропасть. Лошади захрапели, спотыкаясь и оскальзываясь, карета медленно накренилась, съехала в сугроб и остановилась.

Возница все еще кричал по-французски что-то весьма неучтивое в адрес Беатрис. Она узнала Гастона, но не двинулась с места, а только опустила руки.

Дверца кареты открылась, и на дороге в бледных лучах заходящего солнца появился Девлен, мрачный, как посланник самого сатаны. Беатрис невольно вздрогнула, встретив его взгляд. Она храбро вздернула подбородок и набрала в легкие побольше воздуха.

– Сумасшедшая! Ты едва не погибла!

– Я не могла позволить тебе уехать. Я должна тебе сказать, – прерывающимся голосом прошептала Беатрис. По щекам ее покатились слезы.

– Что сказать?

– Я никогда не подозревала тебя... – Она немного помолчала и честно добавила: – Разве что на какое-то мгновение. После Эдинбурга. Но я понимала, что тот, кто предоставил ребенку убежище, не станет после убивать его.

– Разумное рассуждение.

– Ты не смог бы этого сделать. – Беатрис пыталась остановить слезы, но они все лились и лились нескончаемым потоком.

– Я знал, что мне с тобой придется нелегко.

– Ты меня ненавидишь, да? – Она подняла глаза, не заботясь о том, что лицо ее покраснело от слез.

– И вовсе нет, Беатрис.

– Тогда почему ты так злишься?

– Гнев – бессмысленное чувство. Одно из многих.

– Из многих? Каких?

Девлен усмехнулся:

- Ты ждешь, что я причислю к ним любовь, верно? И другие нежные чувства? Ты расставляешь очаровательные ловушки, дорогая Беатрис.

С неба повалил снег. Пристальный взгляд Девлена снова стал суровым и угрюмым. Беатрис вспомнила, как впервые увидела его безмолвную черную фигуру на этой же дороге, почти в том же самом месте. И вновь, как и тогда, у нее перехватило дыхание.

И вот Девлен снова заговорил:

- Лучше испытывать гнев, чем страх. Глупо жить в страхе, когда можно легко от него избавиться, всего лишь задав вопрос. А причина страха - это всегда неопределенность, сомнение.

- Я не боюсь тебя.

- Милая Беатрис, я говорил не о тебе, а о себе. С первой нашей встречи я постоянно боялся.

- Боялся?

- Все это время я боялся, что ты покинешь меня.

- Я никогда этого не хотела.

- Но ты вполне могла это сделать. Когда-нибудь. - Наверное, Девлен был прав. - Останься со мной.

- Ты просишь меня стать твоей постоянной любовницей? Я думала, этот пост занимает Фелисия. Прекрасная хрупкая Фелисия.

- Слава Богу, я не присутствовал при вашей встрече, - улыбнулся Девлен. - А что касается моей любовницы, я подумал, что было бы приятно иметь жену, которая играла бы эту роль.

На мгновение Беатрис лишилась дара речи.

- Куда, как ты думаешь, я направлялся?

- В Эдинбург.

Девлен покачал головой.

- Я поехал на поиски священника, дорогая мисс Синклер. Я не хотел потерять тебя снова, а брачные узы навсегда крепко привяжут тебя ко мне.

Снег ложился на плечи Девлена. Беатрис робко протянула руку и стряхнула снежинки.

- Ты меня любишь?

Он заставил себя улыбнуться, но в глазах его по-прежнему застыла печаль.

- Всем сердцем, дорогая Беатрис. Или ты думаешь, я похищаю гувернанток, нисколько не заботясь ни об их репутации, ни о своей? Нет, это совсем на меня не похоже.

- Ты меня любишь? - Эта мысль казалась Беатрис такой невероятной, что ей хотелось повторять ее снова и снова, чтобы привыкнуть к ней.

- Даже несмотря на то что ты считала меня убийцей. Думаю, со временем ты станешь больше доверять мне.

- Я никогда не считала тебя убийцей. Я подозревала твоего отца и не хотела ставить тебя перед выбором.

- Между тобой и кем-то еще? Я выбираю тебя, даже если мне придется выбирать между тобой и всем остальным миром. Думаю, ты и так знала ответ, Беатрис.

- Твой отец назвал тебя безжалостным.

- Возможно, так и есть.

- Пожалуй, он прав, Девлен.

- Иногда я действительно бываю жесток. Это зависит от обстоятельств. А с тобой? Ах да, ну конечно! Хочу предупредить: я собираюсь похитить тебя снова.

- Правда?

- И Роберта тоже. Думаю, мальчику лучше пока побыть в Эдинбурге. Хотя на время нашего медового месяца его придется отправить в школу.

- Ты хочешь на мне жениться, несмотря на то что я гувернантка?

Смех Девлена отозвался раскатистым эхом в горах.

- Ты самая необычная гувернантка из всех, кого я встречал.

Беатрис взволнованно перевела дыхание.

- Ты как-то спросил меня, изменилась ли я после того, что мне пришлось пережить. Возможно, да. Не знаю. Знаю только, что не хочу жить каждый день в страхе. Хочу иметь крышу над головой, красивую одежду, вдоволь пищи и тепла. Хочу быть счастливой и благополучной. Но больше всего я хочу быть с тобой. И я этого достойна. Я это заслужила.

Беатрис вытерла рукой слезы, но они тут же снова покатались по ее щекам. Девлен обхватил девушку за талию и притянул к себе.

- На самом деле ты достойна неизмеримо большего, но, боюсь, я просто не отпущу тебя. Тебе придется сказать мне «да».

Беатрис посмотрела на Девлена. Ее глаза сияли радостью, изумлением и восторгом. Разве могла она подумать год назад, что когда-нибудь будет так счастлива?

- Наверное, ты и прежде в кого-то влюблялся?

Она уже задавала этот вопрос Девлену, но так и не получила тогда ответ.

- Нет. Это чувство чертовски похоже на болезнь, Беатрис. Меня мучает тупая, тянущая боль вот здесь. - Он взял ее руку и прижал к своему сердцу. - Ты единственная, кто может меня исцелить.

- Эта болезнь заразна, Девлен.

- Мне бы хотелось надеяться.

- Я люблю тебя.

- Знаю, милая.

- И ты меня любишь.

- Всем сердцем. И еще разумом, если от него хоть что-нибудь осталось, - усмехнулся Девлен, обнимая Беатрис.

Они поцеловались во тьме на извилистой горной дороге, ведущей к величественной черной громаде Крэннок-Касла. Радостные и взволнованные, они наконец-то оторвались друг от друга, подняв головы к ночному небу. А снег все падал и падал на их улыбающиеся лица, словно Небеса посылали влюбленным свое благословение.

- Да, Беатрис?

- О да, Девлен!

Они весело рассмеялись и направились к карете, взявшись за руки.